

II. «АКШЕНСКИЙ ПЕРИОД» (1846—1851)

Публикация Ю. Красовского

Бразды правленья взял я в руки,
 Изгнав уныние, как грех,
 С надеждой юной на успех,
 С запасом мыслей и науки,
 Желаньем лучшего томим,
 С тем уважением прямым
 К лицу, к его правам, свободе,
 Которое хотел вселить в народе,
 Я думал — барщины постыдной
 Взамен введу я вольный труд...

(О г а р е в. «Деревня»).

Публикуемые 33 письма Огарева к Герцену охватывают хронологически небольшой, но важный период в жизни Огарева, который условно можно назвать «акшенским периодом» его биографии. Огарев вернулся в Россию из своего второго заграничного путешествия в начале марта 1846 г., а в самом конце октября того же года, «простившись надолго с Москвой», он уехал в свое пензенское имение Старое Акшено, где и провел, с небольшими перерывами, почти все время до 1851 г. В январе 1847 г. уехал за границу Герцен с семьей.

Таким образом, в основном, публикуемая переписка велась между Огаревым и Герценом из очень отдаленных географических точек: пензенского провинциального захолустья и европейских столиц — Парижа и Рима.

«Акшенский период» жизни Огарева характеризуется не только усиленной образовательной и научно-теоретической работой, но и, в первую очередь, энергичной практической деятельностью, попытками осуществить давно лелеемые «задушевные экономические проекты» радикального улучшения быта своих крепостных крестьян.

В личной жизни Огарева (в конце 1844 г. он окончательно разошелся с первой женой — Марьей Львовной) «акшенское» пятилетие также имело важное значение: в этот период зародилось и окрепло его новое большое чувство — к Наталье Алексеевне Тучковой.

«Акшенское» пятилетие, проведенное Огаревым в разлуке с Герценом, явилось убедительным доказательством их постоянной идейной близости и одновременно большого общественно-политического роста Огарева, не отстававшего от друга в своем идейном развитии. В этот период, начавшийся известным «теоретическим разрывом» с Грановским как с выразителем либеральной линии в русском просветительстве сороковых годов, Огарев делает дальнейшие шаги к революционно-демократической идеологии и материалистической философии. Пятилетие заканчивается вторичным, кратковременным арестом Огарева, крахом его реформаторской деятельности в деревне и попытками нелегального отъезда из России за границу к Герцену в эмиграцию.

«Акшенский период» своей жизни Огарев, которому в 1846 г. исполнилось 33 года, начинает в полном расцвете жизненных сил, в сознании своего идейного и творческого «совершеннолетия». Он полон стремления осуществить широчайшие планы, полон жаждой практической деятельности. 7 июня 1847 г. Огарев пишет Герцену: «Я чувствую откровенно, что я молод, не той первой чудесной молодостью, которая так много ждет, так много фантазирует и которая была так непосредственно хороша, несмотря на все нелепости постушков и страстей, что я ее вспоминаю с любовью и, сознавая, не стыжусь тысячи глупостей и горечей и не раскаиваюсь в них; но я молод именно тем, что моя первая молодость совершенно прошла, а силы мои несколько не утратились, но сосредоточились и стали развиваться в сфере действительности, в положительности фактов». В письме от 8 июля 1847 г. Огарев говорит о том, что

«совершеннолетие юнее и свежее молодости да и энергичнее...» В сознании Огарева его отъезд в Акшено знаменовав собой новый этап в его жизни.

Огарев ехал в деревню — на несколько лет — для достижения той «цели», о которой сказал словами героя своей автобиографической «повести» конца 1840-х гг. — «Деревня»:

Устроить в стороне родной
Хоть этот мирный угол мой
Так, чтоб в нем мог себя поздравить
С свободой прочной селянин,
Деревни вольной гражданин,
Вот всё, чего ишу...

При достижении этой цели Огарев рассчитывал, прежде всего, устранить главное противоречие своей тогдашней жизни: противоречие между своими убеждениями демократа и утопического социалиста, горячего противника крепостнического рабства, с одной стороны, и своим положением помещика, обладателя (после смерти отца в 1838 г.) нескольких тысяч душ крепостных крестьян. Как остро переживал Огарев это противоречие, видно, например, из его письма к Герцену от 14 февраля 1845 г., в котором он писал: «Друг! Чувствовал ли ты когда-нибудь всю тяжесть наследного достояния? Был ли у тебя когда-нибудь горек кусок, который ты кладешь в рот? Был ли ты унижен перед самим собой, помогая бедным — на чужие деньги? Как глубоко чувствуешь ты, что только личный труд дает право на наслаждение? Друг! Уйдем в пролетарии. Иначе задохнешься».

Известно, что желание Огарева избавиться от «тяжести наследного достояния» не осталось в пределах «благих порывов». Одним из первых актов «помещичьей» деятельности Огарева явилось освобождение, за небольшой выкуп, всех крепостных крестьян принадлежавшей ему крупнейшей вотчины — Белоомут Рязанской губернии.

Отпуск на волю 4000 крепостных крестьян с передачей им всей помещичьей земли явился смелым вызовом не только помещикам-крепостникам Рязанской губернии, где это событие возбудило много шума, но и всему крепостническому строю. Но осуществленное Огаревым «освобождение» не дало тех результатов, на которые он рассчитывал. Белоомутская вотчина являлась оброчным имением без усадьбы и барской запашки. Это обстоятельство способствовало тому, что в Белоомуте выделилась сильная верхушка деревенских богачей-толстосумов, плативших оброк за неимущих, эксплуататорски пользуясь за это их наделами и личным трудом. При освобождении выкуп лег, из-за неопытности Огарева, преимущественно на тех же богачей, вследствие чего большая часть малоимущих крестьян и бедняков сделалась их неоплатными должниками, попав к ним в полную кабалу.

Хотя освобождение крестьян Белоомута закончилось (оно длилось ряд лет) несколько раньше того времени, к которому относятся публикуемые письма, но и в них мы находим отзвуки этого события. По дороге в Акшено Огарев заехал в Белоомут, желая непосредственно увидеть и изучить результаты освобождения. И тут, в беседах с «обеими партиями» крестьян — с богатыми и бедными, Огарев имел возможность еще раз и наглядно убедиться, что примененный им способ облегчения жизни крепостного крестьянства оказался несовершенен. Белоомутские крестьяне стали лично свободными, но в экономическом отношении произошло еще большее расслоение: малоимущие стали беднее, зажиточные — богаче, а в общем уровне их жизни не произошло, с точки зрения Огарева, особо существенного прогресса.

Несомненно, что неудовлетворительные результаты белоомутского опыта в значительной мере предопределили для Огарева необходимость выработки того нового плана ликвидации крепостного уклада в остальных его поместьях, с которым он явился осенью 1846 г. в Старое Акшено. О своих намерениях Огарев тогда же писал в автобиографических строках стихотворной повести «Господин»:

Решил он, что пора пришла,
Чтоб дело делать в этом мире:
Начать воспитывать крестьян,

В их нравах сделать улучшение,
 Зерно ума и просвещения
 Посеять в глушь далеких стран
 Решил — и в путь пустился дальний,
 В свою деревню — край печальный!

Новый план Огарева предусматривал совсем другой порядок освобождения. Оно должно было начаться с широких подготовительных мероприятий:

хлопочу

Дать *почву* вольности народной,—

тогда же писал Огарев в своей «Деревне» (курсив наш.— Ю. К.).

Такой «почвой» должно было явиться, по мысли Огарева, приобщение крепостного крестьянина к свободному *вольнораемному* труду. В этих целях Огарев, прежде всего, намеревался ликвидировать в Акшене, а затем и в других своих имениях, барщину и предоставить крестьянам (за небольшую аренду в виде платежей долга в Опекунский совет) вести на обрабатываемой ими земле *самостоятельное* хозяйство. В этих же целях Огарев намеревался превратить собственное хозяйство в своего рода *показательную ферму*, а также построить на своих землях *фабрики и заводы*. Ферма, фабрики и заводы должны были всецело обслуживаться *вольнораемным* трудом крестьян. В письме к Грановскому от 25 апреля 1847 г. Огарев писал, подводя итоги первого полугодия своей деятельности в Акшени: «Хозяиничаю! Ты подумаешь, что я шучу. Нет, саго, вовсе не шучу. Я надеюсь — *ибо поступаю совершенно чистосердечно* — к будущей осени устроить так, чтобы у меня была большая ферма, а мужики остались бы совершенно сами по себе, на земле, ныне ими для себя обрабатываемой, платя долг в Совет. Это я надеюсь устроить через год (т. е. почти полтора) здесь; а через три года во всех моих доменах. Ergo, это не игра, которая не стоит свеч, и ergo я совершенно отказался от продажи. А впоследствии, ничуть не изменяя весьма задушевному убеждению, буду *продавать* или *внаймы* отдавать или сам обрабатывать *ферму*. Дай только доказать всем и каждому на деле возможность этого, и тогда я доволен и могу ехать в Москву и дальше с убеждением, что сделал дело» («Звенья», I, стр. 125).

Огарев настолько был увлечен идеей превращения помещицкой усадьбы в сельскохозяйственную ферму с вольнораемным трудом, что склонен был, на первых порах, усматривать в ферме «норму всего будущего устройства русского» (см. публикуемое письмо от 20 апреля/2 мая 1847 г.). «Ферма.— утверждал Огарев,— подвинет успехи земледелия быстро, а между тем, дав ценность труду, возвысит цены произведений и увеличит и производительность и доходы...» (там же).

Интересно отметить, что Огарев в это время был совершенно чужд той идеализации общины, которая была присуща ему в более поздние годы. «Наша община есть равенство рабства», — писал он в своем проекте народной политехнической школы.

Внедрение вольнораемного труда в среду крепостного крестьянства Огарев пытался, как сказано, осуществить не только при помощи фермы, но и путем устройства в Акшени и в других своих владениях заводов и фабрик. Фабричный вольнораемный труд, по его мнению, должен был сыграть решающую роль в изменении *психологии* крестьян, в освобождении их *сознания* от элементов пассивности, привнесенных веками крепостнического рабства. Фабрики, вместе с фермами, по убеждению Огарева, должны были благотворно повлиять на общее развитие материального и духовного быта крестьян его имений.

Письма Огарева испещрены всевозможными экономическими выкладками и расчетами, которые, как он был уверен, убедительно доказывали правильность его хозяйственных проектов и полную возможность их осуществления. «Тебе странно видеть меня в промышленной деятельности,— обращается он 20 октября 1847 г. к Герцену,— мне самому странно. Но я чувствую, что я на месте покуда и прошу верить мне ради моего чистосердечия, поддержанного просто цифирными законами...». «Расчеты мне стали яснее. Возможность привести в исполнение задушевные экономические проекты яснее. Тут две вещи нужны: время и деньги...»

Денег для столь кипучей «промышленной деятельности» понадобилось много, и Огарев не только истратил все свои наличные средства, но вынужден был сделать крупный заем у Герцена. Кроме того, им владела уверенность в том, что средства, вложенные в дело, будут оборачиваться быстро и скоро приведут его к «обогащению». «Пленипотенциарий, агроном и заводчик» — по шутливой характеристике Герцена, — Огарев стремится показать в письмах к Герцену свое превращение из мечтателя-утописта в хозяйственника-практика. Человек, никогда не знавший счета деньгам, относившийся к ним с полным равнодушием, он хлопочет «о приумножении капитала», о «приобретении огромных средств», — все это, конечно, не в корыстных целях, не для личного пользования, а для реализации своих «многосоещающих» экономических проектов, в основе которых всегда лежала мысль об общественной пользе.

И хотя русская крепостническая действительность никак не могла служить источником для такого «экономического» энтузиазма, а соседи-помещики открыто демонстрировали свою враждебность к антикрепостническому и антидворянскому «реформаторству» Огарева, он был в 1847—1848 гг. полон веры в правоту своего дела.

Из всех трудностей, стоявших на пути реформаторской деятельности Огарева, едва ли не более всего его огорчало недоверие к его просветительским опытам со стороны самой крестьянской массы. «Для собственных <крестьянских> выгод мне надо систему барщинной работы свести на систему заплатного труда, — писал Огарев Е. Ф. Коршу 28 июня 1847 г., — и это никак не ложится в мужицкие головы...» (сб. «Помощь голодающим», М., 1892, стр. 521). Глубоко убежденный в правоте своего дела Огарев был готов весь свой широко задуманный план «привести в исполнение насильно».

Понятно, что на него находили и минуты сомнений, однако и легко преодолевавшие — им на первых порах. «Если не устоишь против скуки, отвращения, горя, которыми охватывают стычки с упорной косностью и невежеством, — разумеется, бросишь хозяйство и уедешь из деревни, чтоб никогда уже в нее не заглядывать, — писал он в письме от 26 июня 1847 г. — Такие минуты находят нередко; недостаток помощников <...> отнимает силу, горько бывает, но я решился выдержать все во что бы то ни стало — и убежден в пользе результата».

Крушение хозяйственных проектов Огарева и связанных с ними просветительских иллюзий наступило позднее, уже после 1849 г.; оно было вызвано прежде всего его предпринимательскими неудачами и, как следствие, денежным крахом; некоторую роль сыграли и важные перемены в его личной жизни. Конечно, попытка Огарева создать для своих крестьян, в условиях еще непоколебленного крепостнического строя, «почву вольности народной» была заранее обречена на неудачу. Это была просветительская экономическая утопия. Субъективно Огарев исходил в своих планах социально-экономических и культурных преобразований в Акшине из широких просветительских идей:

Он захотел неліцемерно
 Познанье, ум и жажду дел

 К тому направить, чтоб село
 Его трудилось и цвело,
 Чтоб грамоте учились дети
 И мужики умнели бы без плети.

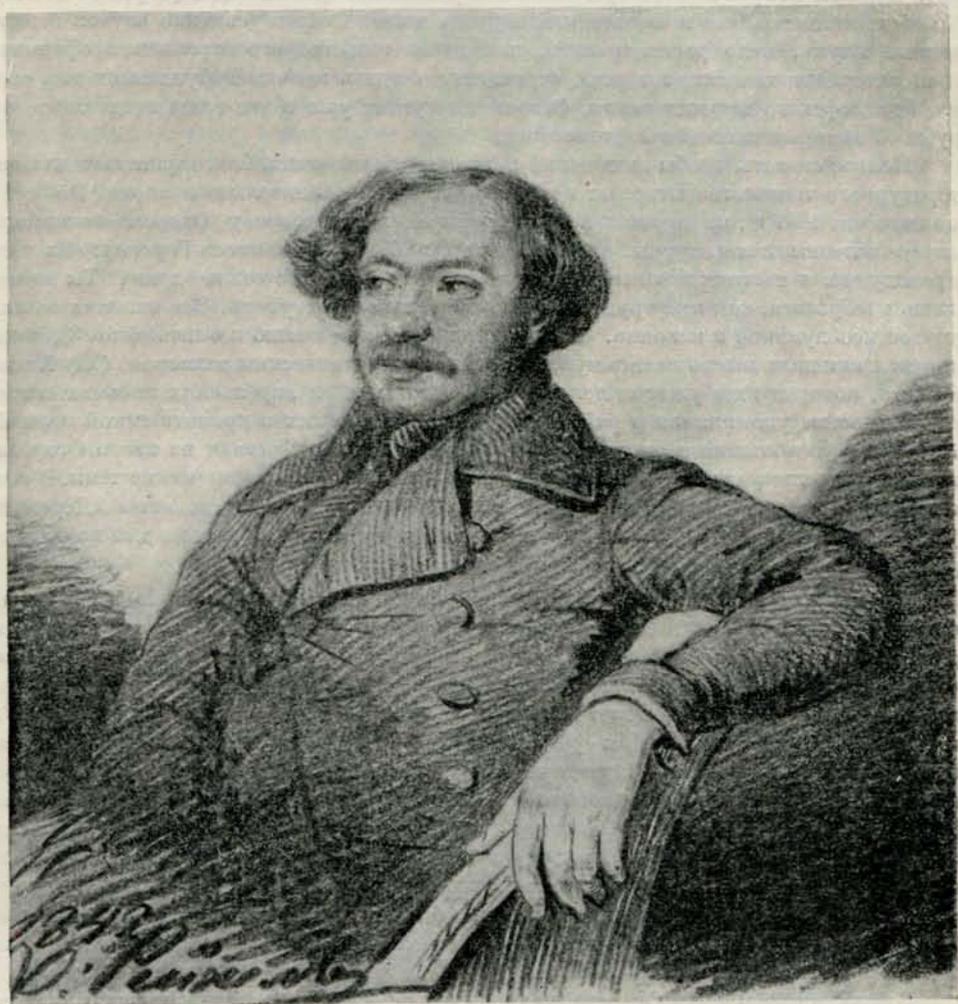
(«Деревня»)

Идея «блага народного» лежала в основе всех его проектов. Но объективно пропаганда сельскохозяйственной фермы являлась своеобразным отражением и преломлением в сознании Огарева тех буржуазно-аграрных требований, которые начинали предъявляться к крестьянскому хозяйству всем ходом исторического развития страны.

Хозяйственная и культурная деятельность Огарева в Акшине — замечательный памятник русского просветительства 1840-х гг. — заслуживает самого пристального

внимания и ждет своего исследователя-специалиста. Публикуемые письма дают для такого изучения богатый материал.

В публикуемых письмах нашли отражение и усиленные научные занятия Огарева. Огарев изучал самые разнообразные области человеческого знания, хотя более всего его интересовали «положительные», «практические» науки: медицина и физиология, химия и физика, геология и палеонтология. Изучение этих наук, по мысли Огарева, должно



ОГАРЕВ

Рисунок Х. Рейхеля 1842 г. в альбоме, подаренном Огаревым Герцену
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

было создать серьезный научный фундамент для его практической деятельности. Он ставил перед собой задачу глубоко овладеть научными знаниями, стать специалистом. В одном из своих писем он пишет: «Еще год, два, и я убежден в прочной специальности» (письмо от 3 января 1849 г.). Но Огарев не только читал десятки и сотни книг, не только производил практические опыты по физиологии и химии, т. е. сам занимался наукой. Он пытался привить интерес к знаниям и крестьянам. Об этом говорит его известный проект политехнической школы.

В стремлении Огарева изучить естественные науки существенно еще одна сторона. Огарев сам рассматривал изучение естественных наук как основу для выработки

последовательного материалистического мировоззрения, как противополодие против идеализма. В уже цитированном письме от 3 января 1849 г. Огарев о своих занятиях «положительными» науками пишет: «... в этой специальности меня все привлекает — и самый предмет, и то, что она самый крепкий бич романтизма» (курсив наш. — Ю. К.), а романтизм в понимании Огарева означал идеализм и противопоставление его реализму, материалистическому взгляду в науке и общественной жизни. Спасение «людейской породы» Огарев видел в «реальнейшем реализмате» (письмо от 3 февраля 1849 г.). То обстоятельство, что в «акшенский период» жизни Огарев усиленно изучал естественные науки, надо рассматривать, как доказательство его стремления оформить свои материалистические взгляды, стремления создать прочный фундамент для своего философского мировоззрения, Огарев выступает уже в эти годы представителем русской материалистической философии.

Нельзя сказать, чтобы акшенский период оказался очень благоприятным для литературного творчества Огарева: написано было им сравнительно немного. Но судя по письмам 1847 г., на первых порах пребывания в деревне у Огарева возникали многочисленные литературные планы. 3 января 1847 г. Огарев писал Герцену: «Из всех предыдущих и настоящих опытов понемногу составляется в голове драма. Ты не можешь вообразить, как мне трудно к ней решительно приступить. Все кажется то или другое необдуманно и неполно. На несколько страниц пошло и опять село. Здешные впечатления дали мысль писать мужицкие рассказы (тоническим размером) <...> Потом повесть, которая идет ужасно легко». В мартовских и апрельских письмах встречаются частые упоминания о работе над романом в стихах и драматической поэмой. Но вскоре упоминания о стихотворных замыслах совсем исчезают из писем Огарева; позднее несколько строк он посвящает своим статьям на экономические темы. В «акшенский период» написаны цитированные выше стихотворные «повести» «Деревня» (отрывок) и «Господин». Публикуемые письма дают много материала для комментирования авторбиографических страниц этих повестей.

Интересно высказывание Огарева о романе Герцена «Кто виноват?» Огаревская критика Бельтова — еще одно выступление русского передового человека конца сороковых годов, идейного соратника Белинского, против романтизма и «лишних людей», утверждающее активное, реалистическое и оптимистическое отношение к миру. «Бельтов — большой человек, — пишет Огарев. — Иначе он бы рассчитывал свою силу и объект деятельности и нашел бы среду, где бы мог развернуть ее <...> Я думаю, неумение отыскать самого себя в мире при огромном чувстве самобытности составляет последний фазис нашего романтизма» (письмо от 9 июля 1847 г.). В этом же письме Огарев пишет о «глупости» романтизма, который «прячется от живого понимания личности». Весьма примечательны и некоторые другие высказывания Огарева по вопросам, не связанным с основной тематикой публикуемых писем. Таково, например, очень интересные замечания Огарева по поводу скептицизма Герцена (письма №№ 17, 22 и 24), отклики на книгу Прудона «Экономические противоречия, или Философия нищеты» (письмо № 30) и др.

В начале пребывания Огарева в акшенской деревне он не замечал своего отрыва от столь привычной для него обстановки напряженных идейных споров в московских содружествах и кружках. Но уже в письмах 1847 г. начинают прорываться нотки тоски и одиночества. «Совершенно ли мне хорошо одному — это другой вопрос, — читаем в письме от 20 июня. — Иногда очень тяжело. Чувство одиночества тем более тягостно, что не только мое наслаждение одиноко, но даже вся моя деятельность одинока».

Особенно ощутительно для Огарева было отсутствие Герцена. Уже его отъезд за границу возбудил в нем «чувство глубочайшего одиночества». Позднее, в письмах 1847—1849 гг., Огарев постоянно спрашивает Герцена о его тогда еще возможном возвращении в Россию. При этом Огарева ни на минуту не покидает уверенность в том, что его идейная дружба с Герценом, их общее понимание жизни, их единство в определении жизненных целей и задач никогда не будут нарушены, как бы ни сложились их личные судьбы. «Я думаю, — пишет Огарев Герцену 4 декабря 1848 г., — мы и в оди-

накой настроенности и в одинаких убеждениях. В 20-й раз замечаю, саго шю, что наши жизни так ровно идут, что если бы нас развели на концы мира и свели бы через черт знает сколько лет, мы всё же нашли бы, что одинаково перешли одинакие ступени и очутились у тех же результатов» (курсив наш.— Ю. К.).

Особенно трудно было Огареву без дружеской поддержки Герцена в последние годы акшенской жизни, когда, с одной стороны, он переживал крах своих задушевных экономических планов, с другой стороны, в его личной жизни происходили большие осложнения, связанные с тяжбой против него Марьи Львовны и с его отношением к Наталье Алексеевне Тучковой.

«За одну минуту с вами <Герценом и Натальей Александровной> где-нибудь на берегу озера,— читаем в последнем из публикуемых здесь писем,— мы бы <Огарев и Тучкова> отдали все остальные годы... Ведь вы у нас одни, которых мы любим и можем назвать своими...».

Действительно, несмотря на географическую отдаленность, Герцены являлись для Огарева единственными близкими людьми и в этот период. Напомним, что самый отъезд Огарева в Акшено был связан, в первую очередь, с тем напряженным положением в московском кружке, которое создалось в конце 1846 г. Как известно, кризис, приведший к распаду кружка, был вызван глубокими идейными расхождениями.

Говоря словами Огарева, «действительные узы порваны» были основательно, и, как видно из его писем, он сам хорошо отдавал себе отчет в принципиальности этого разрыва. «Чувство симпатии, перешедшее в антипатию или злобу <...>, имеет корни действительные,— читаем в письме от 3 января 1847 г.— Это не только оскорбление мимоходное, которое забывается. Это не оскорбление даже, а просто расхождение в разные стороны. Вот отчего оно так глубоко въелось...».

Отдельные попытки возобновить дружеские отношения (в частности, с Грановским) положительных результатов не дали. Положение еще более обострилось после 1849 г., когда московские друзья резко отрицательно отнеслись к браку Огарева с Тучковой и создали вокруг этого брака и вокруг процесса об огаревском наследстве гнетелую и неприязненную обстановку.

Истории отношений с Натальей Алексеевной Тучковой посвящены, по сути дела, все письма Огарева 1848—1850 гг. Эти письма — необходимое дополнение к опубликованной в свое время в «Русских прописях» (т. 4) переписке Огарева с Тучковой. По этим письмам можно подробно проследить зарождение, развитие и расцвет большого чувства, полностью захватившего Огарева.

«Сердцем полон и живу десять жизней в минуту»,— характеризует Огарев свое состояние в одном из писем 1849 г. Эти же письма красноречиво рассказывают о той борьбе за свое счастье, которую пришлось вести Огареву. 1849 год был, несомненно, одним из напряженнейших годов в его личной жизни. Отказ Марьи Львовны дать развод и возбужденный ею судебный имущественный процесс сразу же создали для Огарева чрезвычайно тяжелое и почти безвыходное положение. Невозможность оформить брак с Н. А. Тучковой, на чем настаивал ее отец, преследования со стороны Марьи Львовны и нависшая угроза полного разорения, неприязнь московских друзей — все это тяжело действовало на него. «Жизнь наша имеет здесь такие трагические стороны, что их долго выносить сил нехватит»,— пишет он в письме от 16 марта 1849 г. Единственный выход — побег за границу к Герцену. Но предпринятые попытки — через Одессу и Крым — оказались неудачными, и Огаревы вынуждены были вернуться в Акшено. Как известно, намерение Огарева не осталось тайной для властей и вместе с другими обстоятельствами повлекло за собой его кратковременный арест в 1850 г.

После 1850 г. мечты о встрече с Герценом еще более усилились: «...мы одиноки и крадем хорошие минуты у жизни,— пишет Огарев в своем последнем из публикуемых здесь писем,— да и хорошие-то минуты проникнуты скорбью <...> только одна мысль: к вам! жива, как и прежде, уцелела от общего разгрома». Встреча с Герценом осуществилась через несколько лет, когда в 1856 г. Огарев вырвался из тисков жандармского наблюдения и, получив, наконец, заграничный паспорт, поспешил к своему другу в Лондон.

Может показаться странным, что в письмах, написанных в период назревания революции 1848 г., не отразились общественные события тех лет и революционные настроения Герцена и самого Огарева. Объясняется это, конечно, прежде всего цензурными условиями. В письмах есть свой подтекст, свой эзопов язык. В особенности это заметно на письмах 1848—1849 гг. Письма Огарева этих лет внешне совершенно «благонадежны»: в них нет ни одного слова об усиливающейся реакции, об удушливой атмосфере николаевского режима и желании освободиться от него. Однако в письме от 9 октября 1848 г. мы находим многозначительную фразу о том, что для здоровья необходим «более теплый климат». Сопоставляя это замечание с позднейшей попыткой бегства Огаревых за границу через южные порты, можно сделать вывод, что мысль о бегстве родилась у Огарева еще до того, как начались осложнения связанные с его новым браком, и была продиктована соображениями общественного порядка. В письмах мелькают такого рода фразы: «Мы каждый в своем углу нетерпеливо переживаем всякую мерзость; личность оскорбляется...» (письмо от 4 декабря 1848 г.); или: «Делаю то же, что и все. Иногда мне хорошо, иногда скверно. Вообще утешительного мало» (письмо от 3 января 1849 г.). Все эти фразы имеют второй, утаенный, общественно-политический подтекст.

В письме от 12 сентября 1849 г. Огарев пишет: «Не то, что естественные науки, в более того — *иные науки* и любовь к вам влечет меня к вам» (курсив наш. — Ю. К.). Совершенно ясно, что Огарев в данном случае пишет о революционных событиях на Западе и о своем желании принять в них деятельное участие. Читая письма Огарева этих лет и не упуская из виду их утаенного подтекста, можно по-иному оценить часто встречающиеся фразы о тоске, отчаянии, тяжелой обстановке, относя их во многих случаях не за счет личных переживаний, а за счет политической атмосферы в стране в 1848—1849 гг. И в то же время важно отметить, что Огарев, находясь в условиях жесточайшей реакции и политического гнета николаевской России, не терял веры в лучшее будущее, в победу передовой революционной мысли. Об этом красноречиво свидетельствует следующая фраза в письме от 4 сентября 1849 г.: «...с каким бы страданием ни бился мозг в черепе, как каторжник в тюрьме, все же в нем столько жизни, что он не может не найти себе выхода».

Публикуемые письма Огарева к Герцену представляют существенный интерес для характеристики общественного и психологического облика Огарева сороковых годов. Впервые в научное исследование вводятся документы, разносторонне характеризующие этот период. Поверхностное знание акшенского периода жизни Огарева не давало до сих пор исследователям возможности понять *истоки* его революционного мировоззрения шестидесятых годов. Ведь несомненно, что именно *практическое знакомство с русской деревней*, с русской крестьянской жизнью позволило Огареву отбросить многие элементы юношеской романтики и книжного восприятия действительности. Годы, прожитые в Акшене, явились для Огарева теми годами, когда оформлялись его социально-политические взгляды и когда он усиленно работал над углублением своего философского мировоззрения.

Письма Огарева публикуются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, ед. хр. 95).

Октябрь 8 (1846 г.). Москва

Посылаю тебе самый важный документ и доверенности, из которых увидишь, что делать; поспеши все это покончить, как можно скорее, и если для снятия запрещения (которого, кажется, не было сделано, о чем удостоверься аккуратно) нужно представить какие-нибудь деньги, то представь. Григорий Иванович² денег не достал; я отдал из взятых у Софьи Федоровны³. Но они мне будут необходимы; распорядись так, чтоб я мог

их в скором времени, на какой-нибудь срок, получить здесь, иначе будет мне плохо; или сам по возвращении дай, или у Егор(а) Ив(ановича)⁴ возьми, но достань, а я всю сумму, т. е. 5 т(ысяч), беру на себя.

Письмо твое из Новограда весьма меня потешило, и я уже джии не зову иначе как «практическое»⁵. Что ж еще сказать? М(ада)ме⁶ дурно не поступает. Здесь ужасно скучно. Я, как все дела приведу к концу, уеду ждать тебя в Соколово. А без тебя мне не хочется уехать⁷. Твой отъезд и мысль о том, что после расстанемся на годы, оставляет во мне какую-то пустоту или, лучше, чувство одиночества, довольно неловкое, и надо мне привыкнуть к нему, чтоб стать крепко. Юл(ия) Карл(овна) в воскресенье выходит замуж⁸ Сат(ин) отказался от крепких напитков. Барон⁹ ходит ежедневно на службу. Но всё *inter nos* * попрежнему — неловко, но учтиво и с виду задушевно. Более писать нечего. Кое-что работаю *con amore* **. Есть надежда с делами устроиться выгодно. Пиши ко мне. Дело мое ты можешь кончить в 2 или 3 дня и, *per l'amor di Dio****, не мешкай; а как Панаеву¹⁰ нужно тут участвовать, т. е. идти вместе с тобою в граждан(скую) палату, то тормоши его. Ты знаешь, что дело для меня важно. Что «Современник»?¹¹ Ну! Прощай! некогда.

Марья Федоровна¹² кланяется тебе.

На обороте: Герцену и все прилагаемые бумаги ему же.

Письмо адресовано Герцену в Петербург. Герцен выехал туда 1 октября 1846 г. хлопотать о заграничном паспорте.

¹ В этом письме, как и в последующих, речь идет об имущественных и денежных хлопотах, связанных с материальным обеспечением первой жены Огарева — Марьи Львовны рожд. Рославлева. Огарев окончательно разошелся с ней в конце 1844 г.

² Григорий Иванович — Ключарев, поверенный И. А. Яковлева, а после его смерти — Герцена; ведал его денежными делами. Письма к нему Герцена см. в «Лит. наследстве», т. 39-40, 1941, стр. 195—243.

³ Софья Федоровна — Каппель, владимирская знакомая Герцена.

⁴ Егор Ив(анович) — брат Герцена.

⁵ В письме от 3 октября 1846 г., написанном в Торжке, по пути из Москвы в Петербург, Герцен сообщал жене о своем попутчике-кунце, из вольноотпущенных крестьян: «у него фляжка с вином, т. е. с водкой, и он угощает меня верст через пять, спрашивая: „не прикажете ли *практического*“. Советую передать это Огар(еву)» (IV, 416).

⁶ Повидимому, Огарев имеет в виду Марью Львовну.

⁷ Герцен возвратился из Петербурга в Москву в конце октября 1846 г. и 30 октября проводил Огарева, который отправился в свое пензенское поместье Акшено.

⁸ Юлия Карловна — Рейссиг, сестра Софьи Карловны Корш (см. примеч. 7 к след. письму), вышедшая замуж за В. Р. Ашинова.

⁹ Барон — прозвище Н. Х. Кетчера.

¹⁰ И. И. Панаев, так же, как и его жена, А. Я. Панаева, подруга Марии Львовны, был посредником в денежных отношениях между Марьей Львовной и Огаревым.

¹¹ В конце 1846 г. «Современник» перешел в руки Некрасова и И. И. Панаева.

¹² Марья Федоровна — Корш, сестра Е. Ф. Корша, близкий друг Грановского, Герцена и Огарева.

2

Суббота вечером (2 ноября 1846 г.). Коломна¹

Беннет² избавил меня от малейшей неприятной минуты раскаянья в глупом поступке, догнав меня в Коломне, где я ночую. Ночую я потому, что темно и я устал, а дорога отвратительная. Переезд скучен. Но отъезд благоразумен. Мне даже и теперь как-то лучше, что вырвался из среды, весьма удушливой. Вчерашнее расставание было венцом всех нелепостей. Ну! да уж мы об этом говорили. А жаль мне, что ты остался один и всё

* между нами (лат.).

** с любовью (итал.).

*** ради бога (итал.).

в той же среде³. Я говорю — один, т. е. без меня. Наташа для тебя значит более, чем я, но я для тебя, все же, незаменим. Для меня вы оба и еще одно существо, с которым мои отношения очень близки, но не те, которых бы я желал, — нигде и ничем не заменимы⁴. Сухо и тяжело мне будет в одиночестве, но труд и отсутствие сплетни und des Unsinnns * примирят меня с тем временем, которое я проведу в деревне. С послезавтра еще дней пяток предстоит мне тяжелая, но свойственная мне, но интересная работа. Это маленькое государство, называемое село Белоомут, наведет меня на много вопросов. Уже сегодня, говоря с одним мужиком из плебса, я вижу, что сладить будет потруднее, чем я думал, потому что трудно добраться до правды. Обе партии, богатые и бедные, лгут немилосердно. А кроме того нельзя оправдать ни тех, ни других, не наделав страшного вреда. Ну! коротко же придется узнать, что такое община!⁵

Дело это мне шибко надоеет — не моего ума дело. Потом еще сквернейшая дорога дня в четыре приведет меня в Акшено. Тут я отдохну. Три вещи писать и три книги прочесть и кое-что поделать в анатомии и химии. Одну вещь напишу очень скоро, другие более продлятся. Новость ли положения, или в самом деле пробужденная потребность труда, но я нахожусь в припадке деятельности, так что голова сильно занята, несмотря на кочки, которые всякому порядочному человеку грудь бы отбили.

Ну! Прощай! лягу спать. Завтра буду в Белоомуте; я только потому и писал к тебе сие послание, чтоб ты успокоился насчет Беннета и не ругал бы меня за записку из Бронниц⁶; а извозчику заплати; он вез Беннета верст 20.

Жму руку Наташе и Марье Федоровне. Скажи М(арье) Ф(едоровне), что шарф ее вылечил меня от кашля. Скажи Софье Карловне⁷, что говядина, которую она мне прислала, поддерживает мое существование и заставляет часто прибегать к серебряному стаканчику, подаренному Наташей. Что ни кусок — всё кого-нибудь из вас вспомнишь и — поблагодаришь.

Если увидишь Нонче⁸, то приласкай его.

Addio.

Пиши мне в Рязань, *poste restante*, если хочешь, я там буду через неделю и, ерго, буду иметь о вас известие, что мне будет приятно.

На обороте: Его высокоблагородию

Александрю Ивановичу Герцену

В Москву

В Старой Конюшенной, на Сивцевом вражке,
в собственном доме, бывшем Яковлева.

Почтовые штемпеля:

Ноября 7 1846 г.

Москва <10 ноября> 1846 г.

¹ Письмо написано Огаревым по дороге в деревню, куда он отправился, выехав из Москвы 1 ноября 1846 г. Датируется на основании сопоставления с дневниковой записью Н. А. Герцен: «30-е, среда. Сегодня я ездил с Марьей Федоровной проститься к Огареву: он уезжает в свою пензенскую деревню и, может быть, надолго... Горько расставаться с ним, — он много увозит с собой» (IV, 436).

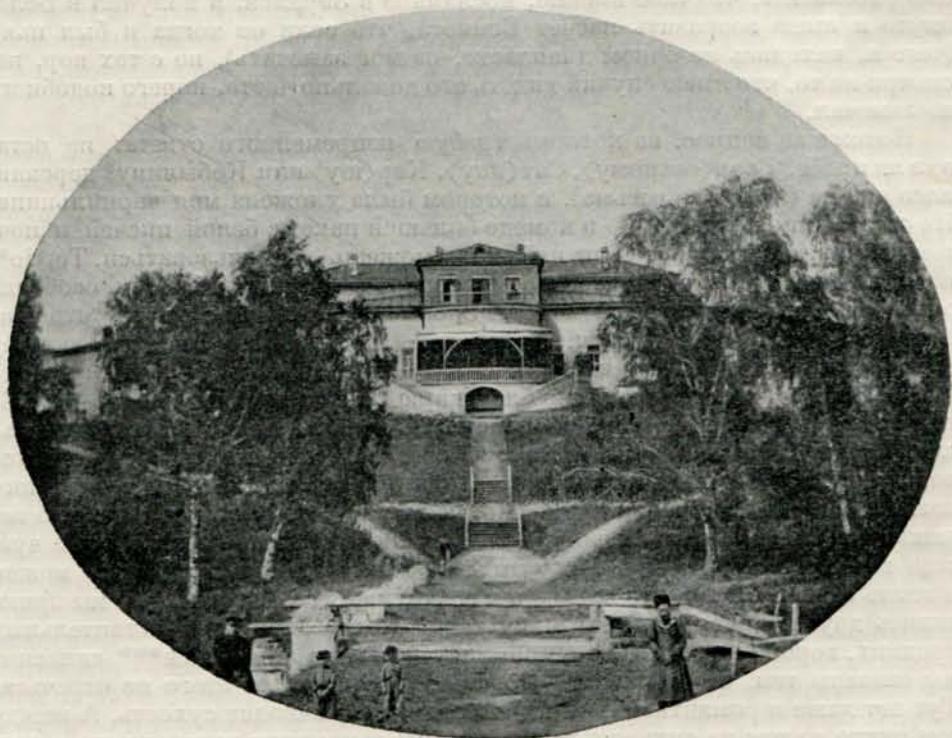
² Личность Беннета установить не удалось.

³ Летом и осенью 1846 г. окончательно выяснилось, что в результате острых идейно-теоретических и политических разногласий между Герценом и Огаревым, с одной стороны, и Грановским, Боткиным, Коршем, Кетчером — с другой, их московский кружок распался. Огарев уехал первым, вырвавшись «из среды, весьма удушливой». В начале 1847 г. уехали за границу Герцен и Наталья Александровна. (О распаде кружка см. «Былое и думы» — XIII, 184—193.)

* и вздора (нем.).

⁴ 11 ноября 1846 г. Н. А. Герцен записала у себя в дневнике: «Получили письмо от Огарева. Он пишет, что для него Ал(ександр), я и еще одно существо нигде и никем не заменимы. У меня захватило дух, когда я прочла эту фразу <...> После Алек(сандра) никого нет, кого бы я столько любила, уважала, никого, в ком было бы столько человеческого, истинного. Он грандиозен в своей простоте и верности взгляда. Мне тяжело бы было существовать, если бы он перестал существовать, и у Ал(ександра) это единственный человек, вполне симпатизирующий ему» (IV, 439).

Еще одно существо — Евдокия Васильевна Сухово-Кобылина, «Душенька». Об «утаенной любви» Огарева к ней см. в наст. томе, стр. 648 и сл.



СТАРОЕ АКШЕНО. УСАДЕБНЫЙ ДОМ

Фотография В. Чернобаева, 1861—1862 гг.

Исторический музей, Москва

⁵ В 1840 г. Огарев путем выкупной операции освободил с землею всех крестьян села Белоомут — самого крупного из имений, доставшихся ему после смерти отца. Однако проведенное освобождение послужило на пользу, главным образом, небольшой кучке белоомутских богачей: они внесли выкупные деньги за себя и за некоторых из бедняков и тем самым закабалили их. Вместо картины идеальной крестьянской общины, о чем мечтал Огарев, перед ним предстала картина жестокой борьбы богачей с бедняками («плебсом») (подробнее см. в наст. томе публикацию Е. Рудницкой «Из писем Огарева к М. Л. Огаревой»).

⁶ Эта записка Огарева к Герцену неизвестна.

⁷ *Софья Карловна Корш* (рожд. Рейсиг), жена Е. Ф. Корша.

⁸ *Нонче* — кличка собаки.

3

Акшено. 18 ноября <1846 г.>

Я приехал вчера разбитый, т. е. усталый с дороги, с головной болью и в великой agitation nerveuse *. Наконец, выспался und es ist mir behaglich **. У Тучкова¹ еще не был, потому что разными проселочными

* нервной возбужденности (франц.).

** и мне уютно (нем.).

путями попал прежде домой. Сегодня служил панихиду, это день именин моего отца². Вид могилы и связанные с нею воспоминания всегда производят на меня странное впечатление, которое повторилось и на этот раз, несмотря на непогоду и пение двух дьячков в два разные полутона. Возвратясь с кладбища, я получил ваше четверостишие, которому был очень рад³. Мимоходом замечу, что хорошо ты сделал, что не писал в Рязань *poste restante*, потому что мимоездом я был только раз на почте, и именно в этот самый раз, когда я забыл спросить, есть ли ко мне письма. Нужно еще рассказать, что твое письмо, посланное в Зарайск, я получил в Беломуте и имею возразить насчет Беннета, что если он тогда и был пьян (чего я, находясь на одном диапазоне, не мог заметить), но с тех пор, несмотря на то, что имею случай видеть его довольно часто, ничего подобного не замечал.

Потом еще вопрос, на который требую непременно ответа: не оставил ли я тебе, Гран(овскому), Сат(ину), Кор(шу) или Кобылину⁴ деревянного ящика (простого весьма), в котором была уложена моя чернильница. Не оставил ли я у тебя <?> в комодке большой пакет с белой писчей и почтовой бумагой, которой, если найдешь, можешь воспользоваться. *Tertio**, не забыл ли я в Москве еще чего, о чем теперь не помню? Обо всем, особенно о первом, дай немедленный ответ. Засим читайте на обороте, что мне вздумается написать. Кстати, о деньгах из казенной палаты напишу с следующей почтой, как и что.

Милая Наташа, удивительно благодарю тебя за письмо и за то, что тебе так хотелось писать ко мне. Напрасно ты извиняешься в этом; извиненье глупо, а письмо не глупо. *Primo***, отвечаю тебе на слова: «Страшно хорошо, т. е. хорошо и страшно»⁵. Нет, оно просто хорошо, страшного нет. За будущность нашей дружбы я не боюсь. Одно скажу только: во все наши отношения теперь вошло — и едва ли пройдет — непобедимое чувство горечи. Даже и мы, которым так хорошо между собою, не можем изгнать задней мысли, что вот мы тем еще ближе, что мы одни, что мы приютились друг к другу, потеряв кучу — не то что снов, но действительных крепких, хороших надежд; что, кроме того, что мы *wesentlich**** связаны, мы связаны тем, что мы одни. Это чувство горько, от этого не отречься. Тут нет даже и романтизма; оно, напротив того, наводит сухость. А между тем никто из нас не сух; еще до сих пор мы сохранили возможность с детской откровенностью бросаться на шею к людям, которые чуть нам покажутся симпатичными. Оно реже бывает, чем прежде, а бывает. Мы теперь стоим на весьма опасной точке — предстоит или сделаться сухими или затеряться. Из этого нас спасет весьма простое чувство, которое зовут (что по-русски довольно мудрено) гуманность. Наш *Grundton***** — гуманность. Мы перестанем детски симпатизировать (что было благородно и глупо, а если глупо, то не гуманно); мы дадим каждому свое место в нашей любви, будем знать, насколько кому уважения, насколько снисхождения; насколько вражды. Гуманность есть сознание своих отношений к людям. Если у сознания, у разумности есть страсть — то это гуманность. Вести ее в жизни трудно, но если этот труд кто из нас не преодолевает, — *addio-carissimi*, — погибнет совершенно или в натянтом самолюбии, или в натянтом буйстве. Почему я верю, что мы не погибнем, это я объясню тебе тем, что, во-первых, нахожу в нас больше элементов к силе, чем к гибели, а во-вторых, тем, что это моя религия. И, может быть, единственная; у Александра есть вера, по которой он симпатизирует с Аксаковым;

* В-третьих (итал.).

** Во-первых (итал.).

*** по существу (нем.).

**** основной тон (нем.).

у меня ее нет, да и довольно прокатиться из Москвы в деревню, чтоб дорога вытрясла остатки ее⁶. Вот это, в самом деле, страшно. Почему же ты думаешь, что я могу ошибиться в том, что я тебе писал? Почему ты думаешь, что я ошибаюсь в нашей внутренней силе? А это было бы одно и то же. Нет. Я не ошибаюсь, *saga sorella**. Повторяю, это моя религия, да и твоя, да и его. Если бы одно чувство еще, о котором я тогда писал, во мне как-нибудь, по силе внешней необходимости, могло погибнуть, я бы совершенно был полон горечи, но и совершенно приютился бы к вам и жил бы еще дольше. Верить ли, что для меня наши отношения не романтизм, а просто сознание? Да и *то* чувство во мне не погибнет, оно слишком ясно, определенно, живо и тихо. Нет, сестра, я чувствую, что еще не так-то легко поддамся чему-нибудь враждебному в жизни. А вопрос: почему ж ты меня не знала прежде, как теперь? Глупый вопрос; я сам знаю, что мы действительно познакомились в мой последний приезд из Соколова.

Ну! теперь ответ на твое письмо кончен, начинается рассказ. Я занял здесь одну половину дома — в длину, что составило восемь комнат, т. е. шагов шестьдесят с одного конца на другой. Нашел кучу книг, кроме тех, которые привез, отличное вино, фортепьяно, почти не пострадавшие от дороги (хотя по приезде и не были еще строены), и кучу нот, которых я почти не буду уметь разобрать. Но расскажи это Марье Федоровне и заметь ей притом, что имеются у меня бетховенские сонаты и симфонии, «Норма», «Лучия» и «Жидовка» и несчетное число вальсов. Также скажи Марье Федоровне, что я ее гораздо больше люблю, чем Нонче. Благодарю ее за отзыв о моем красноречивом молчании, — без шутки, — благодарю ее за то, что она меня любит, и принимаю это к сердцу. Писать ей буду на той неделе, когда возвращусь от Туч<ковых>, куда еду послезавтра. Работать я ничего здесь не начинал да и не начну до возвращения; а завтра весь день употреблю еще на устройство моего дома. Мебель я всю сосредоточил в двух комнатах, что не значит еще, чтоб в них было много мебели; зато в зале, напр<имер>, которая длиною (постой! смерю), длиною 16 квадратных шагов <!> — ни одного стула, ни стола и т. п. — ровно ничего, кроме стен, пола, потолка, окон, 6 дверей, 2 печей и камина. Фортепьяно и часть мебели — в гостиной, о которой Сатин может тебе повествовать. Другая часть в маленьком моем кабинете, где также камин и где мне очень хорошо. Остальные комнаты довольно пусты, но не малы. Освещение не так, как у вас на званом ужине, а 2 свечки в кабинете, 1 в гостиной и 1 в спальне.

Fratello! ** Опять остаюсь при своем мнении, что Санд⁷ мешается в словах: 1) Не может он исключить из природы физиологического отношения в любви к женщине, и не думаю, чтоб люди сделали глупо, назвавши *amou**** ту страсть, которая носит клеймо физиологического различия пола, и *amitié***** ту страсть, которая его не носит. (Страсть, впрочем, глупое слово, аффект, т. е. внутреннее состояние, настроенность человека, — вот я что хочу сказать.) 2) Разумеется, всякий сознательный аффект кроток, как бы это выразить, — тих, не буен, но силен, а бессознательный дик, — вот и все различие. 3) Зачем дикость полагать в любви именно к куртизанке? Она гораздо яснее, резче может явиться в других положениях, точно так же и *vice versa* ***** *der Gott und die Bajadera* ***** — случай возможный и совсем не неразумный. Везде решают индивиды больше,

* дорогая сестра (итал.).

** Брат! (итал.).

*** любовью (франц.).

**** дружбой (франц.).

***** наоборот (лат.).

***** бог и баядера (нем.).

чем общественное положение или даже пороки. Впрочем, Санд, вероятно, так и понимает, да зачем же слова путать, когда иначе проще? Хотел было много распространиться на этот счет, да расхотелось. В другой раз.

И жаль и нет, что не видал Самарина⁸. Оно, впрочем, больше курьезно, чем утешительно.

Нельзя ли переслать «От(ечественные) зап(иски)» да скажи Коршу, чтоб не забыл об «Allg(emeine) Zeitung». Книжки, которые, по моему предположению, мне будут нужны, я положил на почетное место, а остальные все *rêle-mêlé* * в шкапу и закаялся до них дотрагиваться, чтоб не сбиться с нити. С конца будущей недели писать к тебе стану часто и много. Надеюсь, что все будет больше и больше о чем писать. Во избежание дел, к которым я не способен, я назначу на оные то время дня, когда я ничего своего не могу делать; тогда я буду разговаривать с бурмистрами, смотреть отчеты и всякие *Scheine*** творить и морочить добрых людей. А остальное время стану крепко заниматься. Надеюсь, что соседи меня избавят от посещений, хотя слухи носят о противном, но постараюсь отделаться.

Marie⁹ называет здешний дом радклифским замком; это сегодня в особенности не несправедливо, потому что ветер так и свищет. К несчастью, не могу сегодня настроиться à la Hoffmann. Брал ванну и чувствую себя так ясно и *behaglich****, что ничего не вижу в ветре, кроме залога продолжительной распутицы и весьма трудный переезд к Тучк(овым) в Саранск и обратно.

Прощай, Александр, спать пора. Кланяйся всем. Скажи Грановскому, что он первый обещался ко мне писать, и я стану ждать. А жаль, что тебя здесь нет. Жаль, что ты там. Я боюсь, что заживусь здесь. А если бы вы были здесь и не подумал бы год выезжать. Делá выживут, вероятно, очень рано; надо их привести к концу; вижу, что иначе плохо.

Скажи Гран(овскому), что он прав насчет управления у меня в имении, а обвинять в лукавстве нашего друга нехорошо. Адрес мой все тот же: Пен(зенская) губ(ерния), в г. Саранск.

Засим прощай! Дай руку. Еще скажи Мар(ье) Фед(оровне), что отвечаю ей столь же сильным рукопожатием. Ну! и всем кланяйся.

¹ Алексей Алексеевич Тучков (1800 — ок. 1879) — участник движения декабристов, сосед Огарева по поместью в Пензенской губернии, владелец имения Яхонтово, отец Натальи Тучковой, будущей второй жены Огарева, и Елены Тучковой, будущей жены Н. М. Сатина. В феврале 1850 г. подвергся кратковременному аресту, одновременно с Огаревым и Сатиным (арест был отголоском дела петрашевцев), после чего был выслан из Пензенской губернии и отдан под надзор полиции.

² Отец Огарева, Платон Богданович, умер 2 ноября 1838 г. и похоронен в Акшене.

³ Это четверостишие, так же как письмо Герцена, упоминаемое Огаревым, неизвестно.

⁴ Александр Васильевич Сузово-Кобылин (1820—1903) — известный драматург. См. в наст. томе публикацию писем Огарева к его сестрам Елизавете (в замужестве Салвас де Турнемир) и Евдокии.

⁵ Цитируемое Огаревым письмо Н. А. Герцен до нас не дошло.

⁶ В главе «Не наши» из «Былого и дум» Герцен отмечал, что К. С. Аксаков «в начале сороковых годов проповедывал сельскую общину, мир и артель...» (XIII, 148). Огарев считал, повидимому, что взгляды самого Герцена в ту пору были близки этой проповеди К. С. Аксакова. В действительности, вера в русское крестьянство по содержанию своему была совершенно различна у Герцена и Аксакова. «У нас была одна любовь, но не одинакая...» — писал Герцен в некрологе К. С. Аксакова. Что касается до Огарева, то он в начале сороковых годов после неудачи белоомутского освобождения настроенно относился к русской крестьянской общине.

⁷ Речь идет о Жорж Санд (Sand). Какой именно из романов Ж. Санд послужил поводом для высказываний Огарева — установить не удалось.

* как попало (франц.).

** расписки (нем.).

*** уютно (нем.).



ГЕРЦЕН

Рисунок 1842 г. (?) в альбоме, подаренном Герцену Огаревым
Внизу помета: «(Новгород) А. Herzen par Филиппович»
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

⁸ Юрий Федорович *Самарин* (1819—1876) — публицист и политический деятель славянофильского направления, последовательный монархист и националист.

⁹ *Marie* — Марья Львовна.

4

Яхонтово. 21 ноября <1846 г.>

Сейчас получил твое письмо от 16¹ и сейчас оправляется почта. Спешу сказать несколько слов. Поздравляю, поздравляю и поздравляю, я чуть не вскрикнул от радости. А потом, Герцен, стало мне неловко. Первая мысль, которая промелькнула, — это чувство глубочайшего одиночества. Хотя бы проститься! А мне кажется, что я постараюсь пробыть здесь до осени. Куда я еще поеду, зачем? Осенью я знаю, зачем я поеду, знаю, кого я хочу видеть. А теперь — не знаю². Герцен! Приезжай, хотя один, недели на 2 в декабре. Путешествие 4 дни, с Мурома на Арзамас и Саранск и до меня 30 верст. Мне теперь глупо, и в деревне произведет дурной эффект, уехать в Москву, а из Москвы вдруг опять в деревню. Герцен, приезжай, *пожалуйста!* Рад я за тебя и не просто рад; новый опыт, брат, и через два года еще взгляд станет яснее. Добрый путь тебе. Пиши часто. Скажи, куда тебе писать, назначь маршрут. Да нет! Лучше приезжай!

Прощай, Наташа! Наслаждайся и понимай!

К будущей субботе приготовлю длинное письмо и вышлю свидетельство.

А<лексей> А<лексеевич> тебя крепко обнимает, Герцен.

Прощайте. Спешу. М<арье> Ф<едоровне> кланяюсь и скоро напишу.

На обороте: Его высокоблагородию

Александрю Ивановичу Герцену

В Москву

В Старой Ковюшенной, на Сивцевом вражке,
в собственном доме, бывшем Яковлева.

Почтовая помета: Саранск. 21 ноября.

Почтовый штампель: <18>46 ноября 25.

¹ Письмо Герцена к Огареву от 13 ноября 1846 г. до нас не дошло; несомненно, однако, что в этом письме Герцен сообщал о снятии с него полицейского надзора и о предстоящей поездке за границу.

² Уезжая из Москвы, Огарев, повидимому, обещал Герценам приехать через год, когда предполагалось их возвращение из-за границы.

5

Ноября 30-го <1846 г.>. Яхонтово

Это письмо тебе доставит один из благороднейших людей — наш сосед Алексей Дмитриевич Желгухин¹. Прими его откровенно дружески.

Вчера получил еще письмецо от тебя. Ты едешь 15-го генв<аря>! Заедешь ли прежде, или нет? Не ведаю. Мне хочется проститься, а ехать не хочется да и нельзя, я думаю; требуется много денег, верного расчета в известных делах, окончания подрядов. Конечно, я не делец, да надо видеть или, лучше, предвидеть, на что все окончательно сведется. — А ты приедешь ли? Герцен! Саго mio! прокатись 1200 верст, тебе ведь уж все равно путешествовать за один раз...

Я до сих пор у Тучкова, где пробуду еще неделю. До сих пор все пировал. Праздновали мое рождение, рождение старшей дочери Ал<ексея> Ал<ексеевича>, был спектакль и бал. Я плясал два дня сряду почти без отдыха и даже веселился, как ребенок². Вот все, что я до сих пор делал. Пока я здесь, в Акшне устраивают мою квартиру, свозят кой-какую мебель, etc., etc.; если ты приедешь, то все будет готово к принятию тебя.

Сегодня начну доканчивать одну начатую вещь, которая выйдет, кажется, недурна, и если ты приедешь, надеюсь кое-что показать тебе.

Всё прерывают. Решительно не могу писать. Разве уже вечером. Завтра надо свезти письмо к Желтухину. Он славный человек. А Ал(ексей) Ал(ексеевич) все такой же славный человек, и да погибнут всякие холопские клеветы.

Зачем же ты занимаешься слоновым хоботом, а говоришь, что рассматриваешь Мап-Монд?^{*3} Дай руку, Наташа! Я думал, что получу большое письмо, но, видно, вы моих писем не получали, оных писем с тех пор, как



ДОМ НА УГЛУ СИВЦЕВА ВРАЖКА И МАЛОГО ВЛАСЬЕВСКОГО ПЕРЕУЛКА В МОСКВЕ (ТЕПЕРЬ № 25/9). ЗДЕСЬ С АПРЕЛЯ 1846 г. ПО 19 ЯНВАРЯ 1847 г. ЖИЛ ГЕРЦЕН

Фотография 1912 г.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

я в родных местах, двое! «Кланяться некому да и едва ли кому хочется» — я еще довольно — не то что романтик, а привязанный к ним, чтоб чувствовать какую-то царяшину от этих слов; а, впрочем, все-таки, определив свои отношения, чувствую себя сильнее и свежее, хотя и уединеннее.

Надолго ли ты едешь? Увидимся здесь или где-нибудь в ином месте? Мой отъезд из здешней стороны, хотя не так проворно обделается, но и не замедлится. Здесь я не встретил на этот счет возражений и надеюсь дела окончить благополучно. Может, придется ехать тебя отыскивать впоследствии.

Однако ты подожди в Москве моего свидетельства, которое вышлетя 5-го декабря и ерго, будет у тебя 10-го или 11-го. 15-го ты можешь выехать ко мне — следст(венно), 19-го будешь у меня.

Буду писать к М(арье) Ф(едоровне) с сею же okazji. Вечером еще припишу. До свиданья!

* карту полушарий (франц. «marremonde»).

1 декабря

Нет, никак не успел ни приписать, ни написать к М<арье> Ф<едоровне> с сею оказией, а изберу для того почту.

Прощай! Дайте руки, друзья.
Детей целую.

На обороте: Его высокоблагородию
Александру Ивановичу Герцену
В Москву

В старой Конюшенной, на Сивцевом вражке,
в собственном доме, бывшем Яковлева.

¹ Алексей Дмитриевич *Желтухин* (1820—1865)—помещик Пензенской губернии, сосед Огарева и Тучковых; актер-любитель, впоследствии публицист и издатель «Журнала землевладельцев» (1858—1860), стоявшего на страже дворянских интересов.

² Это пребывание Огарева в имении Тучковых описано Н. А. Тучковой-Огаревой в ее «Воспоминаниях» (М., 1929, стр. 55).

³ Смысл этой фразы, являющейся откликом на не дошедшее до нас письмо Герцена к Огареву, неясен.

6

4 декабря <1846 г.>. Яхонтово

Последнее известие от тебя, любезный друг Наташа, ошеломило меня. Лика умирает!¹ Сожаление и злость — вот что наполняет мысли. Ну! а ты что? Пишите поскорей, пожалуйста. Жду с нетерпением завтрашней почты. Теперь мне уж нельзя ждать тебя в Акшено, Герцен? Чёрт возьми, как это всё нелепо!

Я провожу здесь мои именины и еду домой. Мне здесь не скучно, далеко не скучно, но одиночества хочется.

А писать не хочется, — теперь. Из Акшена напишу длинное письмо к вам и к М<арье> Ф<едоровне>. Сегодня отправляется в Москву сосед наш Желтухин. Благородный юноша! Прими его хорошенько.

Ал<ексей> Ал<ексеевич> тебе кланяется. Здесь такие курьезные дела производятся², что он и его секретарь должны были ими заняться, и взятые свидетельства поневоле еще отложилось до следующей почты.

Ваши руки! Прощайте!

Сатина с рождением поздравляю. Пиши. А приедешь ли? Ну! Я жду письма от тебя в большом волнении.

На обороте: Его высокоблагородию
Александру Ивановичу Герцену
В Москву

В Старой Конюшенной, на Сивцевом вражке,
в собственном доме, бывшем Яковлева.

Почтовая помета: 5 декабря.

¹ Годовалая дочь Герцена — Елизавета или, как ее называли, Лика, умерла 27 ноября 1846 г.; письма Герцена к Огареву об этом событии не сохранились.

² *Курьезные дела* — возможно, какие-то перипетии борьбы А. А. Тучкова с рекрутскими и другими злоупотреблениями помещичьей властью (см. «Воспоминания» Н. А. Тучковой-Огаревой, цит. изд., стр. 45—46).

7

7 декабря <1846 г.> Яхонтово

Вчера получил весть о смерти Лики¹. Что сказать, carissimi? Вы сами знаете, какое это и на меня производит впечатление. Ты хотела меня видеть, Наташа... Меня это трогает, несмотря на то, что ничего тут нет для меня неожиданного. А мне вас обоих хочется видеть, но, кажется, это желание <не> состоится. В Белоомут ехать мне всё равно, что в Москву,

мне ехать дня три туда. Белоомут от Москвы 130 верст, а отсюда 500. Да дело в том, что мне ехать весьма неловко. Нужны деньги для завода и <надо> дожидаться окончания закупок хлеба, что и будет уже поздно. А ко мне ехать всего 4 дня по хорошей (т. е. по большой) дороге. Знаю, что вам обоим едва ли можно предпринять путешествие (а если б можно обоим — куда бы хорошо было, мне как-то *романтически* хочется, чтоб вы были у меня в деревне), по крайней мере хотя бы Алекс<андр> один приехал.

Сейчас еду в Акшено. — Ал<ексей> Ал<ексеевич> едет в Пензу и во вторник вышлет тебе свидетельство. Доверенность Ив<ану> Яков<левику>² вышлю.

Спасибо Саше³ за письмо, скажи ему, что Беннет, слава богу, здоров. Прощайте!

Итак, сегодня буду опять в дедовском замке! Обнимаю вас от души. К середине напишу большое письмо.

Платки привези или пришли хоть по почте, они легки, ergo — не дорого.

На обороте: Его высокоблагородию
Александру Ивановичу Герцену. В Москву
В Старой Конюшенной на Сивцевом вражке,
в собственном доме, бывшем Яковлева.

Почтовые пометы:
Сараяск, 8 декабря
<Москва> 46, декабря 12.

¹ Это письмо Герцена неизвестно.

² Ив<ан> Яков<левику> — Яковлев, поверенный Огарева.

³ Саша — сын Герцена.

8

10-е <11-е> декабря <1846 г.>. Акшено

Хотя написано 10-е, но пишу 11-го. Вчера, надписав число, задумался, пошел брэнчать на клавире и так забылся, что лег спать только в 3-м часу, не написав вам ни строчки. Теперь должен спешить. Во-первых, потолкуем о самом важном — как свидеться? Ты говоришь, что мне ничего не стоит вернуться к генварю. Да! если б я думал скоро вернуться; но дело в том, что я очень нескоро вернусь отсюда. Мои подряды кончатся летом; след<ственно>, я должен их очистить прежде всякой сделки с Бхтм¹, ergo — могу жить здесь. Я чувствую, что мне это нужно sous tous les rapports*. Путешествие на несколько дней только расстроит меня внутренне, и все пойдет к чёрту. А ты на ходу — вот почему я и желаю твоего прибытия. Ты говоришь, что больше недели не можешь отлучиться — прикинь еще 5 дней, и тогда мы 6 дней были бы вместе.

Вероятно, с нынешнею почтою выслано тебе из Пензы свидетельство. Отшли 1000 р. асс<игнациями> моей жене через Авдотью Яковлевну²; если М<арья> Л<ьвовна> уехала, пусть перешлют ей в Берлин³. Заплати себе деньги, посланные Мюллеру⁴, а остальные немедля вышли ко мне, ибо идет закупка хлеба, и деньги страх как нужны.

Спроси у Кавелина, какие книги он назначал для Сазон<ова>, для истории 17-го столетия в России; я записочку потерял; а ты купи книги, хотя <бы> также из моих денег, и свежи их Саз<онову>⁵. Прошу это выполнить непременно имени моего ради. Можешь их из Берлина переслать р<а>г goulage**.

Вот и всё. Теперь к твоему письму. Я ждал, что Лиза умрет, а все-таки покорило при вести, что все уже кончено. Наташа должна быть сильно

* во всех отношениях (франц.).

** через транспортную контору (франц.).

потрясена. Мне стало жаль, что меня с вами нет. Я понимал, что просто мое присутствие, хотя бы ни слова не было сказано, было бы полезно. А двинуться мне с места неразумно, Наташа! Вот и проститься с тобой не удастся! Но делать нечего! Пришли ко мне Александра, Наташа, если только можно, если тебе его отсутствие на 10 дней не слишком тяжело. Если же тяжело — ну! простимся издали. Carissimi! Я здесь надеюсь на многое для себя, что сделает нашу будущую встречу еще совершеннолетней, но не в смысле оскорблений, а в смысле действительного развития. Я надеюсь привыкнуть к труду, исправить здоровье и отвыкнуть от образа жизни 18-летнего школьника. Знаете ли, что это главная причина, почему я не еду тотчас к вам? Эгоизм ли это с моей стороны, или даже холодность? Так я подумал, решившись долго не уезжать отсюда, но нет! Я хочу *не пропáсть* в пустоте (что могло бы, наконец, случиться) и для этого беру все меры, которые почитаю нужными — и это не эгоизм, а просто самоуважение, от которого не хочу отречься. А между тем ужасно хочется видиться перед отъездом. В последний раз повторяю — приезжай ко мне. Потом приходит в голову — не встретиться ли в Муроме, это ровно по 300 верст от каждого из нас, там дня два можно бы пробыть. Но, Александр, кроме всего другого, у меня есть *романтическое* желание видеть тебя у себя.

Саго, приезжай, пожалуйста. Если же *невозможно* — то напиши поскорей, когда можно встретиться в Муроме, и где, т. е. где там останавливаются, я не знаю — и я тебе тотчас же отвечу, в состоянии ли приехать к данному дню. А лучше здесь повидаться, гораздо лучше.

Все были около тебя во время несчастья, а все-таки не то чувствуется. Как я это понимаю и как это вдвое тяжело! Действительные узы порваны, а проществе на минуту сблизило, чтоб больше показать, насколько друг от друга стоят далеко. Как мне все это оскорбительно!⁶

М<арья> Ф<едоровна> за границу с вами едет? Боюсь я, что я не так понял. Но если *да*, то я за нее так рад, как будто б сам с вами ехал. Скажи ей это и еще скажи, что я все еще к ней письма не написал, а напишу к субботе.

Прощайте! Пора на почту. Жду самого скорого ответа. Ваши руки! Кланяюсь всем. Не может ли Кетчер переслать мне свой перевод Неймана⁷ или какую-нибудь книгу, на каком бы то из 3-х известных мне языков ни было, о сифил<итических> болезнях. Здесь они в народе свирепствуют страшно и большей частью переходят посредством привычки есть всем из одной чашки, так что всего более распространяется болезнь, начиная со рта, и водворяется в целые семейства.

На обороте: Его высокоблагородию

Александрю Ивановичу Герцену

В Москву

В Старой Конюшенной, на Сивцевом вражке,
в собственном доме, бывшем Яковлева.

Почтовая помета: Саранск 12 дек.

Штемпель: <18>46, декабря 16.

¹ *Бэтм* — повидимому, с Бахметьевым, пензенским помещиком.

² *Авдотья Яковлевна* — Панаева. Она была подругой М. Л. Огаревой и принимала деятельное участие во всех ее денежных делах; фактически через руки Панаевой проходили все деньги, выплачивавшиеся Огаревым жене.

³ М. Л. Огарева вновь уехала за границу в начале декабря 1846 г.

⁴ *Мюллер* — Герман Мюллер-Стрюбинг (см. о нем пример. 7 к письму № 13).

⁵ Н. И. Сазонов жил с конца тридцатых годов в Париже.

⁶ Огарев пишет о взаимоотношениях Герцена и членов московского кружка.

⁷ Речь идет о книге немецкого автора К. Неймана «Частная патология и частная терапия», вышедшей в Москве в 1846 г., в переводе Н. Х. Кетчера.

19 декабря <1846 г.>. Акшено

Сегодня А<лексей> А<лексеевич> уехал домой. Сегодня был почтовый день, но я не успел приготовить тебе письма; ездил на завод и вообще вот уже неделю как был не один и ничего почти не делал. Кажется до 2-го января я всё буду в поездках. 26-го — день рождения А<лексей> А<лексеевича>, и я поеду в Яхонтово, где пробуду до 2-го января — день, в который он едет принимать рекрут.

После этого я надолго поселись дома. Кстати, об А<лексее> А<лексеевиче> — мнение мое о нем ни на волос не изменилось. Он отличный человек. Что же касается до сплетен, то это были истинно холмоцские сплетни, что моя дворня мне ясно доказала. Дворня ужасно недовольна, утратив власть и не получая столько жалований, как прежде, и даже старается мутить крестьян, но довольно безуспешно. Крестьяне в большом порядке, т. е. богаты скотом и хлебом и даже кой у кого избы получше, чем прежде. Только в одной деревне страшный неурожай в продолжение 4-х лет (там барской пашни нет), и потому нужда в хлебе, но на это была только воля господня. Но что за люди те, которые не принадлежат к сословию мужиков, это ужас. Глупы и злы, а мужики просто глупы. У А<лексей> А<лексеевича> мужики лучше, потому что более приучены к промышленности. А мои не любят двгаться с места, чтоб искать работы и выгод. Дворня и прежнее барское управление достаточно деморализировало народ, и трудно его натолкнуть на деятельность¹. Мордасы — и только. Это название — самая большая заслуга гр. Соллогуба². Но зачем же я тебе надоедаю своими делами? Чёрт с ними! Жизнь мою посвятить на устройство моих деревень я не в состоянии, да и едва ли кому послужит в пользу такая жертва. Пример на глазах. А<лексей> А<лексеевич> убежден, что он очень полезен в нашей стороне. Действительно полезен, но уезжай он на 2 года — и след простыл, и его же ругать станут. Нет! не могу посвятить себя хозяйству и провинции. А между тем — сознаюсь в романтизме — ужасное чувство сожаления рождается, когда думаю, что скоро оставлю мой старый дом и сад, где я большей частью скучаю, но к которым привязан, как будто имею к ним нежность. Феодализм и романтизм еще сидят на шее. Но чёрт с ними!

Вот уже 7 недель (кажется), как я вас оставил. Дёла сделано мало. Все еще кочующая жизнь. Это ужасно глупо, и я жду — не дождусь конца этого. Писать ничего не писал. Химией позанился, т. е. читал и подготовил кое-какие снаряды, так что материалы совсем поспеют перед моей поездкой в Яхонтово, и, возвратясь, тотчас примусь за дело. Скажи М<арье> Ф<едоровне>, что клавир сегодня настроили.

21 дек<абря>

Написав предыдущую страницу, я посмотрел на имеющиеся у меня книги. Одна старая брошюра меня сильно заняла и напомнила давнишний план драмы, и я принялся за работу³. Принялся с наслаждением, что выйдет — не знаю. Страницы две написались разом. Вчера хотел продолжать, как вдруг визит уездного медика, и вместо писания отправился смотреть больных. Медик должен быть порядочный медик, по крайней мере и *habitus** такой, и репутация. Но что делает провинция из этих людей — это страх! Если б я имел талант к комизму, я написал бы комедию, даже роман, но это для меня невозможно. Избави бог поселиться в деревне или уезде больше, чем на год! Два выхода, т. е. два рода упадка для живущего здесь — или трагическое положение совершенно чуждого человека, или глупая свычка со всеми подлыми интересами.

* внешний вид (лат.).

Вот тебе поручения: 1) Отдай записку Ивану Яковлевичу, т. е. моему поверенному. 2) Отдай письмо и 300 р. ассигнациями, при сем прилагаемые, Немвродовым⁴. 3) Попроси Дёпре⁵ прислать мне 10 бутылок рёдерера (я 10 продал по соседству), 30 бутылок хересу в 5 р., прованского масла 15 бутылок. Долг с меня он должен ждать до марта. 4) Кстати, с сей оказией пришли мне 100°-*(ный)* термометр. 5) Прилагаемую записку и 50 р. отдай нянюшке, которая жила у гр. Сальяса⁶. Зовут ее, кажется, Дарья Дмитриевна, о месте жительства пошли узнать в дом к Кобыл*(иным)* у человека, именуемого Николай Андриянов. Ты пошли за ней — отдай деньги, а там не нужно адресоваться к Ал*(ександру)* Кобыл*(ину)*, ни к другим — это мои счета.

Прошу исполнить поручения, не слишком меня ругая, а так — знаешь ли, с дружелюбием. Желт*(ухин)*⁷ тебе понравился, очень рад! Он и мне нравится, в нем есть что-то юношеское. Честь и слава Селиванову!⁸ Я стану его хвалить просто за то, что он дает обеды. Кланяйся Клыкову⁹ и скажи, что напишу к нему с будущей почтой. Сегодня еще 5 писем деловых надо справить. А свидетельство, разбойники, все еще не выдают. Как получишь, то вместо пересылки денег к М*(арье)* Л*(ьвовне)* оставь у себя 400 р. серебром на разные дела, о которых с следующей почтой напишу, а остальные перешли немедля сюда, ибо деньги весьма нужны для завода. Завод мой в удивительном порядке и славно идет; поеду туда еще на несколько дней учиться винокурению.

Письмо мое весьма пусто, но так и должно быть, пока я не сделаюсь совсем оседлым.

Секретно. От пьянства я здесь весьма отвык *(...)* Все это к лучшему. Будет во всем умеренность, и «сердце пусто, ясен ум...», что и доказать надлежало. А 33 года недаром стукнули.

Явно. Итак, ты решительно не приедешь? Глупо! А может быть в Муром?.. Жду ответа. Если мои письма не отличаются полнотой и длиной, то и твои, в равной мере, не имеют помянутых достоинств. Это еще больше заставляет желать свидания. Неужели же ты и из-за границы будешь отличаться такой же краткостью писем? Не думаю. А теперь и пенять нельзя, чувствую, что пусто, а когда пусто — и писать нечего. До свидания.

Нельзя ли Дёпре прислать вино в самый Саранск, который 120 верст ближе к Москве, чем Пенза, и передать [или купцу Кубанцеву], или уездному лекарю Степанову (Алексею Ивановичу).

Кажется, лучше кончить письмо с вечера и приняться за чтение. Написал кучу писем и ничего уже сам выдумать не в состоянии, а завтра надо рано посылать на почту.

Друг мой Наташа, благодарю за твои строки, а сам на эту минуту так глуп, что ничего сказать не хочется. Дай руку, и прощайте, мои сердечные. Сашку целую.

Можно ли у Пецца¹⁰ достать коллекции реагенций, из коих серная и селитренная кислоты в порядочном количестве? Здесь не добьешься хороших, а самому концентрировать долго, скучно и с непривычки напортишь. Можно ли переслать в ящике?

¹ Неудачный опыт освобождения крестьян в Белоомуте при помощи выкупа заставил Огарева отказаться от повторения этого опыта в акшенском имении, тем более, что акшенские крестьяне были значительно беднее белоомутских. Столкновение с реальной жизнью крепостной деревни заставило Огарева выработать новый план улучшения экономического быта крестьян — путем «приучения» их к «промышленности», к вольнонаемному труду (см. письмо № 16).

² *Мордасы* — название села в известной повести В. А. Соллогуба «Тарантас» (1845).

³ Вероятнее всего Огарев имеет здесь в виду именно тот замысел исторической драмы, о котором сообщал в своих письмах 1843 г.: «Замысел огромный: 1-е, оба Иоанна, из которых IV-й будет разделен на две части. 2-е, Федор (до Годунова боюсь дотронуться), Шуйский и патриарх Никон» («Русская мысль», 1890, № 8, стр. 9).

⁴ Григорий и Петр *Немеровы* — крепостные люди Платона Богдановича Огарева — были его внебрачными сыновьями и, значит, братьями Николая Платоновича, который принимал близкое участие в их судьбе и оказывал им материальную помощь.

⁵ *Депре* — московский винооторговец.

⁶ У графа Андра *Салиас де Турнемир*, мужа Е. В. Сухова-Кобылиной.

⁷ О *Желтужине* см. примеч. 1 к письму № 5.

⁸ Илья Васильевич *Селиванов* (1810—1882) — писатель и мемуарист, пензенский помещик, сосед Огарева.

⁹ *Клык* — художник, встречавшийся с Огаревым в Риме.

¹⁰ *Пеци* — владелец магазина аптекарских и химических товаров в Москве.

10

23 декабря (1846 г.). Акшено (Яхонтово)

Сейчас получил ваше письмо, *carissimi!* Итак, мы не увидимся перед отъездом! Прощайте, друзья! Обнимаю вас горячо. Право, горячо! Как будто отрывается что-то, «als wie ein Stück von mir» *. По крайней мере пишите часто и много. Дайте маршрут, чтоб я знал, куда писать и когда. Ваше письмо прекратило весьма загадочные расчеты эквивалентов и безрассудное перелистывание геологических книг. И вот я как-то странно, почти романтически настроился. Стал разыгрывать Бетховена. Играл, разумеется, скверно, но понимал очень хорошо, и как-то еще более оромантизировался. Но мои фантазии идут не *jenseits* **, а изобретают все невозможные счастливые события на твердой земле. Невозможные — чёрт знает почему! А чувствую, что никогда не будет, что хочется. Я думаю, эта неуверенность мешает достигать цели. Да что ж с этим делать, когда жизнь так устроена, что какая-нибудь горячка прекратит все твои надежды, или люди сами разовьются так, что, будучи 10 лет убежден в величайшей близости, вдруг находишь, что друг с другом существует только дальность. Ступай, саго, беги далеко, наслаждайся и созревай еще. Есть зрелость, кроме горьких опытов, — это сознание методы жить *mit Fülle und Lebenslust* ***. Если Юпитер и сделался покойником, все же его олимпийское спокойствие и сила остаются высшей задачей практической <1 нрзб.>.

Пусть опыты горьки, пусть мало возможности перевоспитания в людях и на всех лежит помеха к свободному развитию, т. е. известная организация, запутанная в известные привычки, обычаи и *Naturgewalten* ****; да нельзя же на этом остановиться и надо достигать *das ästhetische Leben* *****. Как посмотрю на всех и на себя в особенности, что за сумбур и безумие: тебя мучат, ты других мучишь, ты наслаждаешься грязно, или скучаешь глупо, или делаешь не то, что тебе надо, — да когда же из этого выпутаешься? Жизнь дана для наслаждения, а наслаждение человека *изящно*. Зачем же не стряхнуть с себя все неизящное, которое в тебе или в отношениях к другим? Зачем же это длинное улаживание своего живого, разумного, эстетического понимания с противными ему своими привычками или отношениями? Зачем это вечное обхождение с самим собой и с людьми наподобие Адольфа с Элеонорой? Зачем разыгрывать ненужную трагедию? Сожаление и гуманность! Чёрт знает, одно ли это и то же? Намедни я битых два часа должен был разговаривать с работником, который хотел большей платы, чем нужно. Я ему предложил расчесть его, и пусть он отправляется, а я найду другого, а он 2 часа отвечал на это все одно и то же: «Расчет, так расчет, а не то и так останемся». Удивительно умное изречение, потому что прилагается к каждой минуте жизни. А ведь это скучно и глупо. Воля, обузданная одним изящным, т. е. человеческим, *ergo*, абсолютная, самоопределяющаяся — вот и вся мораль.

* «словно частица меня самого» (нем.).

** потусторонне (нем.).

*** полно и жизнерадостно (нем.).

**** власть естества (нем.).

***** эстетической жизни (нем.).

И вы едете, и я не буду с вами! Жаль! Так бы пожить хотелось полно. Как бы хорошо быть вашим *siegerone* *! Я чувствую что теперь и с вами я там удивительно бы хорошо жил, понимаю, наконец, очень хорошо die *Kategorie des Maasses* **, что не значит умеренность, а разумная полнота в жизни.

Ах, Герцен! Наша жизнь должна бы быть лучше греческой, а наслаждение должно бы быть роскошнее, а нет... Зачем же нет? И вернешься опять



А. А. ТУЧКОВ

Рисунок карандашом Х. Рейхеля, 1844 г., в альбоме, подаренном Огаревым Герцену
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

к действительности, т. е. к горьким опытам, к тысячам людей, на которых смотреть сердце надрывается, и к собственным слабостям. До сих пор я тебе вот что скажу: смерть — не весьма оскорбительное дело. Что толку долго разыгрывать невозможность примирения с действительностью? — Но mit dem *ästhetischen Leben des Menschengeschlechts muss der Tod nicht mehr statt finden* ***. Вглядись в параллельное развитие естествознания и цивилизации — право, хорошо будет потом. А нам от этого не легче. Сколько раз ты глупо будешь странствовать, это ты мне расскажешь

* проводником (итал.).

** категорию меры (нем.).

*** с <наступлением> эстетической жизни человеческого рода смерть не должна больше иметь места (нем.).

по приезде. А скоро ли ты приедешь? Где мы встретимся? С каким запасом светлых сведений и горьких опытов? Да довольно твердить, что этот год был для нас *erfahrungsreich** в последнем отношении, надо приняться за опыт *im Vernünftigen* **; *Unsinn* *** уже известен, как 5 пальцев, и страх надоел.

Какая ночь светлая! Имеет же свою красоту этот снег при этом освещении. А в особенности мне здесь нравится — *das stille Leben* ****.

А у вас все хмурятся. Да уезжай уж ты поскорей, *Donner Wetter!* ***** И Петр Григор(ьевич)¹ и все — *Dio santo!* ***** Да с какого же права?

Поздравь от меня Панаева, что Селив(анов) у него будет сотрудником².

Ты спрашиваешь, что я делал 2 нед(ели) у Тучк(овых)? А как ты думаешь? — Дела никакого не делал. Фантазировал с ним о разных предметах, а более предался старой и, может, старческой привычке болтать вздор с его детьми или, лучше сказать, юными барышнями³.

Вот видишь, Наташа, ты не хотела говорить М(арье) Ф(едоровне), что я ей стану писать, а я и написал. Что, взяла? — Но поговорим о твоём письме⁴. Верно, ты не сомневаешься в том, что я понимаю и насколько понимаю твои скорби. Часто самому бывает не легче, да и никак силы не наберешь, чтоб поспорить с судьбой и с окружающим, и столько отыщешь в себе пережитого, т. е. умершего, и так это все становится страшно, какая-то безвыходность, и ничего не дается, чего хочется. А камешки не принимаешь за воду. Ты спрашиваешь, что тут лучшего? А вот что — знать, что камень — камень, а не вода — само по себе хорошо, а ребячество в взрослых — уродство. Легче ли от этого? Легче. Потому что насколько набирается горечи от опыта и истины, настолько возбуждается жизни и силы, и жизнь становится шире и... (не смейся над этим словом) — величайей. Я ужасно давно люблю это слово, право оно многозначительно. Что выйдет из этой любви к этому слову, не знаю — сумасшествие или сознание комической дальности своей жизни от этого прилагательного (*adjectivi*) или гармоническое развитие самого себя — не знаю. Может, *c'est une passion malheureuse* ***** — так уж на роду написано.

Вот насчет одного, твоя скорбь и негодование совсем обезоруживают мое желание сильно стоять против случайностей, ты догадаешься, что я отвечаю на твои слова о Коле⁵. Ну! Тут больше ничего не придумаю, как крепко пожать тебе руку, будто от этого может быть лучше!

Вот за 4 дня до почты написал не совсем короткое письмо. Так хочется с вами говорить. Кажется, ваше последнее письмо от 18-го не есть еще ответ на вызов в Муром. А может быть, и это свидание не удастся. Ну! Так и быть! Дайте руки и поезжайте...

Пора перестать писать. Опять вернусь к Дюмасу⁶ с комп(анией).

Герцен! если будешь в Риме, сходи к гр. Сальяс⁷. Ну, и кланяйся всем от меня.

Прощай пока! Еще припишу в среду. Завтра еду к Тучк(овым), откуда и пошлю сие письмо на почту. Мне не хотелось бы выезжать из дому, но нельзя... день его рождения, и потом он озабочен, раздосадован, печален и стареет, и болен, и мне его жаль, очень жаль.

Fichtrel! ***** Уже половина 2-го.

* богат опытом (нем.).

** в разумном (нем.).

*** неразумное (нем.).

**** тихая жизнь (нем.).

***** чёрт побери (нем.).

***** святой боже (итал.).

***** это несчастная страсть (франц.).

***** Чёрт возьми! (франц.).

25 дек<абря>. Яхонтово

Отправляю сегодня письмо. Тучков тебе кланяется.

Желаю встретить новый год по возможности весело и всем нашим тоже.

Что-то давеча думал приписать, да забыл. Если мое свидетельство придет так, что ты уже не успеешь по нем хлопотать, то кому бы поручить? А деньги надо будет отдать Ценкеру и Колли ⁸ 6000 франк<ов> с процентами.

Прощайте, carissimi.

Доверенность отдай моему поверенному.

¹ *Петр Григорьевич* — Редкин (1808—1891), профессор юридических наук Московского университета; в сороковых годах был близок к кружку Герцена.

² Об И. В. Селиванове и его сотрудничестве в «Современнике» см. примеч. 8 к письму № 9.

³ *Юные барышни* — Елена и Наталья Тучковы.

⁴ Это письмо Н. А. Герцен к Огареву неизвестно.

⁵ Этими строками Огарев отвечает на не дошедшее до нас письмо, в котором содержалось сообщение Н. А. Герцен о неизлечимой болезни сына: Коля Герцен (1843—1851) был от рождения глухонемым.

⁶ *Вернусь к Дюма* — повидимому Огарев хочет сказать, что он заканчивает письмо и возвращается к прерванному чтению романа Дюма.

⁷ Речь идет о Елизавете Васильевне *Салиас де Турнемир*, которая в это время жила в Италии.

⁸ *Ценкер и Колли* — московская банкирская контора.

11

28 <декабря 1846 г.>. Яхонтово ¹

Сегодня напишу мало и то вещи деловые. 1) Не забудь отвезти книги Сазон<ову> по реестру, который тебе даст Кавелин ². 2) У Мар<ьи> Львовны есть в Петербурге *une dette d'honneur**, которую надо уплатить через посредство Панаевой, по крайней мере 2500 р. ас. теперь и столько же после, всего 5000. Здесь никак нельзя теперь изворотиться, за покупками хлеба. Можешь услужить *последнюю службу* до весны или прежде, то заплати всю, да скажи, кому отдать без тебя. Может, и очень скоро можно, а теперь никак не извернешься. Нельзя — напиши немедленно. Желательно, чтоб было можно. Ценкеру надо отдать из тратных денег, полученных за вино; он напоминал. Все это скверно; прежде полутора года и думать нельзя прийти в порядок; разве счастливая сделка, на которую я плохо стал надеяться, ибо сомневаюсь, дадут ли столько, сколько мне надо. А быть может! — через месяц узнаю и напишу.

2-го генв<аря> буду дома, и опять получишь длинное послание на прощанки. Теперь до свидания. Дайте руки оба.

Что за страна здесь, Герцен! Но дома я эгоистически доволен, когда могу закрыть глаза и уши и жить про себя. А между тем поездка сюда чрезвычайно полезна и *erforschungsreich***. Вполне убежден, что умно сделал, что сюда приехал. Это *dernier coup de serviette**** совершеннолетия.

Прощайте!

Пришли мне адрес моего поверенного.

На обороте: Его высокоблагородию

Александру Ивановичу Герцену

В Москву

В Старой Конюшенной, на Сивцевом вражке,

в собственном доме, бывшем Яковлева.

Почтовая помета: Саранск, 29 декабря.

* долг чести (франц.).

** плодотворна (нем.).

*** завершающий лоск (франц.).

¹ В дате, поставленной Огаревым, описка: «28 января». Письмо написано до отъезда за границу Герцена и, следовательно, должно датироваться 28 декабря 1846 г. См. также почтовую помету: «Саранск, 29 декабря» и фразу в тексте, указывающую на то, что письмо написано еще в декабре: «2-го генв(аря) буду дома, и опять получишь длинное послание...».

² См. об этом поручении в письме № 8.

12

〈Яхонтово.〉 1 января 1847

Итак, ты в самом деле едешь 15-го. Так тому и быть! Я рад за тебя, сам ты это знаешь. Но мне становится весьма сомнительно будущее. Я боюсь за материальное существование. Я боюсь, что не возьму за свое надлежащей цены и тогда должен буду весьма стесниться. Но я стеснюсь, так и быть, ибо другого выхода не вижу. При каких бы условиях я не жил здесь, я должен буду испортиться. Мои отношения к людям, кроме собственных дурных привычек, должны мне испортить жизнь и характер. Во всех этих Мордасах¹ можно дойти или до совершенного одиночества, или сделаться *seigneur*^{*}ом *. Ergo, буду стараться устроиться, как говорил, хотя не имею надежды на то довольство, которое полагал возможным.

Ал(ексей) Ал(ексеевич), кажется, поедет за границу, сколько ему ни трудно будет пекуньярно^{**}, но он шибко болен и одна из дочерей также, т. е. больше, чем они сами думают, и потому я уговариваю их к отъезду. Но это путешествие в секрете, ergo, не говори никому².

Еще раз, не забудь книги Саз(онову).

От Гран(овского) я письма не получал. Да полно, писал ли он? — Вы расстаетесь симпатичнее, чем было. Тем лучше. Может быть, когда-нибудь мы и совершенно будем симпатизировать. Приняв в задаток прежнюю близость, оно и весьма вероятно. Но отчего же не верится? Трагический ли пафос барона, который может часто поколебать человека и не столь мягкого, как проф(ессор), или самая глубокость случившегося разрыва — заставляют сомневаться? Не знаю. Но едва ли будет когда-нибудь толк³.

Мне самому сегодня неловко, я не под веселыми впечатлениями пишу. Везде раздоры и размолвки, и везде вижу страждущих, интимно страждущих, мало того, что и случайно страждущих много. Это тебе покажет, Наташа, что я письмо твое понимаю, но нахожу в нем несовершеннолетие *sauf le respect que je te dois*^{***}. Может быть, человеку горько, но остановиться на горьких опытах нельзя, не впадая в ложно-патетическое или в ложно-апатическое состояние, или, что весьма естественно, хотя с первого взгляда кажется *non-sens*^{****}, и в то и в другое разом. Помни *die Kategorie des Maasses*^{*****}, что в жизни выражается гармонией, и трудись, дойди до ней. Видишь, я пишу коротко, потому что спешу. Завтра еду домой и с будущей почтой напишу больше. Прощайте, друзья, до отъезда еще письма три напишите. Около 15-го я буду писать в Петерб(ург) через Панаева. Кстати, что же мое дело об уничтожении акта?⁴ Ведь это скверно, что длится, я могу попасть в положение быть в невозможности делать какие бы то ни было сделки.

Да! Счастливым год вам всем, и Михайле Семеновичу⁵ скажи поздравление и рукожатие, я об нем давно не осведомлялся. Здоров ли он?

* феодалом (франц.).

** в денежном отношении (от лат. «resuipia»).

*** при всем моем к тебе уважении (франц.).

**** бессмыслицей (франц.).

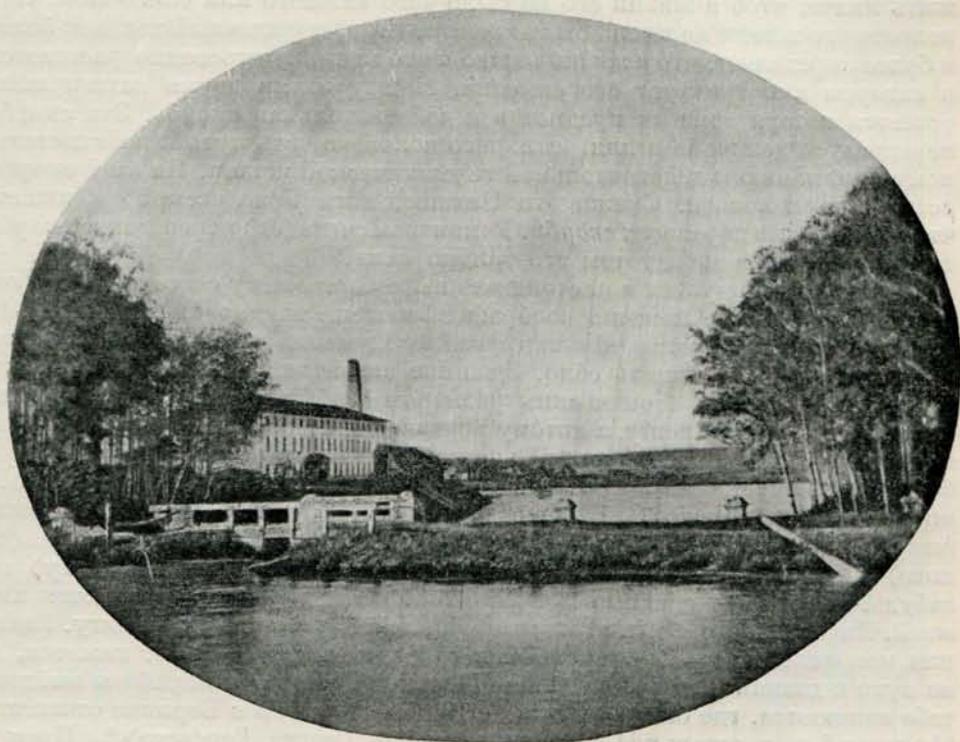
***** категорию меры (нем.).

Доверенность вышлю другому. Пришли мне свою или напиши чин Марьи Каспаровны ⁶, которой низко поклоняюсь.

На обороте: Его высокоблагородию
Александру Ивановичу Герцену
В Москву

В Старой Конюшенной, на Сивцевом вражке,
в собственном доме, бывшем Яковлева.

Почтовый штампель: Генваря 6.



СТАРОЕ АКШЕНО. ПРУДЫ И ЗДАНИЕ СУКОННОЙ ФАБРИКИ

Фотография В. Чернобаева, 1861—1862 гг.

Исторический музей, Москва

¹ О *Мордасах* см. примеч. 2 к письму № 9.

² Тучковы ездили за границу осенью 1847 г.; это самое раннее из всех доныне известных упоминаний об их предполагаемой поездке.

³ Огарев имеет здесь в виду распад московского кружка. *Барон* — Н. Х. Кетчер; *профессор* — Т. Н. Грановский.

⁴ Повидимому Огарев пишет здесь об оформлении новых денежных условий с М. Л. Огаревой.

⁵ *Михайле Семеновичу* — Щепкину.

⁶ *Марья Каспаровна* — Рейхель.

3 генваря <1847 г.>. Акшено

Primo, чернила бледны, а, secundo, иных нет. Но намерен писать какими бы то ни было. Разом получил по приезде сюда письмо от тебя и от Грановск<ого>¹. У Гран<овского> романтизм имеет какую-то широту, вот отчего он так симпатичен. Стану ему отвечать сегодня же. Но сперва

хочется поговорить с тобой и о твоём отъезде и о моём *ни с места*. Надо же тебе сказать, что я думаю делать, что я *давно* думаю делать и что внезапно пришло в голову вследствие здешних впечатлений. Главное то, что некоторые личные обстоятельства довершили тот опыт, что вещи, которые имели ещё некоторую важность в жизни, совершенно её утратили. Зато другие приобрели. Ведь вот в чём сущность всего дела, Герцен, что когда вещь начинает терять важность, порядочный человек, т. е. человек с какой-нибудь силой разума и характера, *не горюет*, а просто *перестает* считать важным то, что *не важно*; а потом порядочный человек не может жить иначе, чтоб в жизни его не было чего важного или ещё более: чтоб целостность его жизни не имела бы важности. Ergo, порядочный человек более и более определяет, что в жизни важно и что вздор и откровенно расстается с вздором или трактует его свысока. Между этими двумя категориями остается потеря важных предметов и действительная скорбь. Эта скорбь переносится величаво и для реального человека есть путь к действительному пониманию и действительной гармонической жизни. На этой скорби остановиться нельзя. Скажи это Наташе, хотя Гран(овский) и пишет, что она *величаво* переносит *скорби*. Романтизм счита(ет) перенесение скорби за холодность, а между тем это только сила.

Из всех предыдущих и настоящих опытов понемногу составляется в голове драма². Ты не можешь вообразить, как мне трудно к ней решительно приступить. Все кажется то или другое необдуманно и неполно. На несколько страниц пошло и опять село. Здешние впечатления дали мысль писать мужички рассказы (тоническим размером)³. Как все другое — нет места истинному комизму, и потому трагическая настроенность неизбежна; я думаю, что это даже хорошо, ибо не так обыкновенно, а между тем трагос больше действует, чем комизм. Потом повесть, которая идет ужасно легко⁴. — Спроси у Basile Guillaume⁵ мои стихи «Море»⁶. Я их совсем забыл, они у него оставались; я бы их здесь переправил. Спроси у него о Саз(онове) и пр. и перешли мне сведенья *непрерывно*. Книжки Саз(онову) не забудь. — Вот тебе главные мои занятия. Остальное ограничивается химией. Начинаю de facto, т. е. опытом, *eigenhändig* * повторять книгу. Главная моя цель теперь — результаты горения (combustion) и, кажется, я на пути к диаманту ** (что считается шуткой). Что из этой работы выйдет, тебе напишется, где бы ты ни был. — Надеюсь, что ты в Берлине отыщешь Мюллера⁷ и в остальной Европе отыщешь Георга Гер(вега)⁸. Прошу Боткина написать мне, где Фролов⁹ и Галах(ов)¹⁰, чтоб я им мог написать.

Твое письмо, в самом деле, грустно. Чувство симпатии, перешедшее в антипатию или злобу (что ни ты не скрываешь, ни я), имеет корни действительные. Это не только *оскорбление* мимоходное, которое забывается. Это не оскорбление даже, а просто расхождение в разные стороны. Вот отчего оно так глубоко въелось. Я думаю с Базиль-Guillaume мы сойдемся в мнениях, но еще хуже разойдемся — в том модуле, по которому мнения выработаны, и на поверку выйдет антиномия бóльшая, чем с кем-нибудь. Гран(овского) я люблю и стану к нему писать. Корша уважаю и люблю, но писать к нему не стану. К барону вовсе не стану писать, ибо чувствую только злобное сожаление. С Сат(иным) всего труднее. Злобы нет, а жалость — то чувство, которое имеем к женщине, которую надоело любить, вот что господствует, и я не знаю, что тут делать. Присоветуй***. Кажется, я сегодня откровенен. Жду от тебя прощального письма. Мы не свиделись, что делать? Надо перейти через это, сколько бы оно оскорбительно ни было, а насколько наше несвидание оскорбительно, ты сам знаешь.

* собственноручно (нем.).

** <к созданию> бриллианта (от франц. «diamant»).

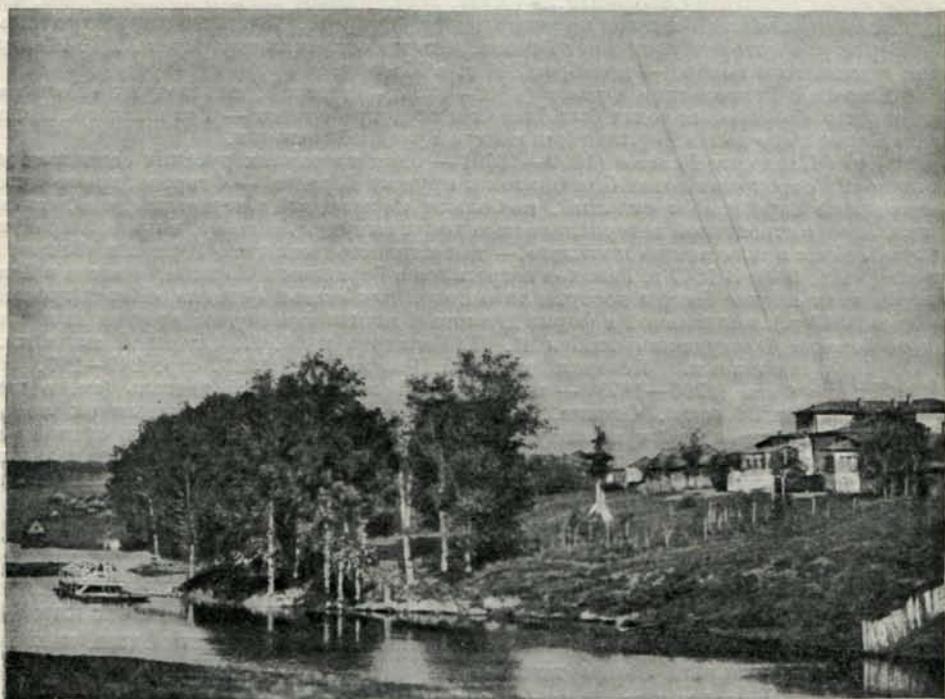
*** Не хочется его оскорбить, а делять не могу. — Примеч. Огарева.

Теперь о тебе — краткий совет, т. е. маршрут: 1° — Берлин и Дрезден, Гейдельберг, воды; 2° — Фр(анция), Италия и опять Фр(анция) — Лондон, как хочешь. Швейцария — для прогулки, особенно в сентябре. А что James Fazy? ¹¹ Человек не мимоходный.

Прилагаю записку к Мюллеру и стану теперь писать к Гран(овскому). С будущей почтой в последний раз напишу тебе в Москву, а там в Питер.

Наташа, дай руку и прощайте, carissimi.

Извините, что так скверно пишу. Спешу, завтра надо рано отправлять в город, по делам, а уже поздно. Сашку целую.



СТАРОЕ АКШЕНО. УСАДЕБНЫЙ ДОМ СО СТОРОНЫ ПРУДА

Фотография В. Чернобаева, 1861—1862 гг.

Исторический музей, Москва

Доверенность послана.

Кому же дать довер(енность) на свидетельство, оно через три дня готово?

Заплати за меня талеров 15-ть Шредеру, книгопродавцу, Unter den Linden, № 23.

¹ Упоминаемые письма Герцена и Грановского к Огареву неизвестны.

² Повидимому, речь идет о той же исторической драме, что и в письме от 19 декабря 1846 г.

³ «Мужицкие рассказы» Огарева неизвестны.

⁴ Речь идет о повести «Деревня» (впервые напечатана М. Гершензоном в 1904 г.).

⁵ *Basile Guillaume* — В. П. Боткин.

⁶ Огарев, повидимому, имеет в виду стихотворение «Небо да море...» или «Прощание с Италией» («На море тихо...»).

⁷ Герман *Мюллер-Стрюбинг* (ок. 1810—1893) — археолог, филолог, искусствовед, участник революционного движения сороковых годов, в частности неудачной попытки восстания во Франкфурте; впоследствии участник событий 1848 года. После франкфуртских событий семь лет сидел в тюрьме; в 1848 г. эмигрировал. В сороковых годах был тесно связан со многими русскими деятелями, приезжавшими

в Берлин или жившими в Берлине, в частности с Огаревым, Тургеневым и др. В своих «Воспоминаниях» Н. А. Тучкова-Огарева так рассказывает о встрече с Мюллером: «Огарев дал моему отцу записочку к берлинскому жителю Герману Мюллеру-Стрюбингу, который был для русских вроде проводника; предупрежденный письмом, он встречал откомендованных ему русских, показывал им все, что заслуживало внимание в Берлине...» (М., 1929, стр. 61—62). Мюллер встречал в Берлине и Герцена. В письме к друзьям от 8 февраля 1847 г. Герцен сообщал: «(Мюллер) славный человек, мы с ним в полчаса подружились...» («А. И. Герцен. Новые материалы». М., 1927, стр. 27). Позднее Герцен изменил свое мнение о Мюллере и дал ему довольно саркастическую характеристику в «Былом и думах» (XIII, 322).

⁸ В «Былом и думах» Герцен писал: «Когда я ехал из России, Огарев дал мне письмо к Гервегу. Он его знал во время его пущей славы <...> Я застал Гервега в тесной дружбе с Бакуниным и Сазоновым...» (XIII, 500). Данное письмо подтверждает, что Герцен познакомился с Гервегом по рекомендации Огарева. Возможно также, что письмо к Гервегу, о котором упоминает Герцен, Огарев отправил ему через А. Д. Желтухина, ездившего в ноябре — декабре 1846 г. в Москву.

⁹ Николай Григорьевич Фролов (1812—1855) — географ, переводчик «Космоса» Гумбольдта; в сороковых годах был близок к кружку Герцена — Грабовского. Долго жил в Европе; его дом в Берлине был центром русской колонии.

¹⁰ Иван Павлович Галахов (1809—1849) — один из ранних русских социалистов-утопистов; в сороковых годах был близок к кружку Герцена — Огарева; много путешествовал по Европе. «Ум сильный, но больше порывистый и страстный, чем диалектический, он с строптивой нетерпеливостью хотел вынудить истину, и притом практически, сейчас прилагаемую к жизни», — так характеризовал его Герцен в «Былом и думах» (XIII, 103). В 1847 г. Галахов встретился с Герценом в Париже, а затем в Италии. Их итальянские беседы послужили основой для статьи Герцена «Перед грозой» (декабрь 1847 г.), написанной в форме диалога и явившейся первой статьей из цикла «С того берега». О неудачной любви И. П. Галахова к М. Л. Огаревой см. в кн.: М. О. Гершензон. История молодой России. М., 1923, стр. 249—267.

¹¹ Джеймс Фази (1796—1878) — швейцарский политический деятель (см. о нем выше в настоящем томе). Оценка, данная Огаревым Фази, с которым он лично встречался, относится к тому периоду, когда имя Фази было еще овеяно славой революционного борца. Как известно, впоследствии Фази отказался от радикальных и социалистических взглядов своей молодости и перешел на реакционные позиции.

⟨Акшено.⟩ 7 января ⟨1847 г.⟩

Начинаю писать немного поздно, потому что уже с лишком час как 8-е января. Привычка не спать ночью, Герцен! Кажется, живши один, как бы не начать правильный образ жизни, ах нет! не умею. Ложусь в 3 часа и встаю в 12. И как ленив, если б ты знал! 2-й день не выхожу на воздух. Все некогда. Вчера, проснувшись, принялся пилить баранью голову. Переломил все мускулы. Потом вынул мозг и глаза. Мозг занимал меня сегодня целый день. Только недавно кончил, и то не совсем; для окончательного разбора потребуется еще 2 овечьи жизни. Глаза остаются на неделю в спирту. Третьего дня пользовался глазами теленка, которого имею счастье есть, но были слишком свежи, т. е. неудоборазделяемы. Читаю Longuet¹. Книга превосходная. Впрочем, и химия не отстает; завтра буду жечь алмаз в кислороде. Пособия не все для науки, но пока достаточно. Достаточно некоторых весьма обыкновенных тел, чтоб поглубже вникнуть в процесс жизни. В природе есть процесс жизни и потом die geographische Gesamtheit*. Для изучения первого не столько нужно необыкновенностей, и потому я не жалею на недостаток средств. Могу жаловаться на две вещи: на недостаток сведений и недостаток памяти. Для облегчения равесил по стенам доски и записываю мелом все, что должно вспомнить при известном случае. Труд, Герцен, должен все преодолеть. Жаль мне, что очень туго пишется, чтение и манипуляции отбросили совсем в другую сторону. Иногда хочется натянуться на производительность, да не ладится. Подожду.

* совокупность географических условий (нем.).



Н. А. ТУЧКОВА-ОГАРЕВА

Рисунок карандашом Н. А. Герден (дочери), с пометкой «Park House».
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва, 1859 г.

У барана на лице недостает многих мускулов в сравнении с человеком. Я ненавижу заниматься миологией, потому что слишком трудно помнить. А между тем голова барана привлекла меня к миологии. Как бедность мускулов лица связана с бедностью интеллигенции*! Ему нельзя наморщить лба, у него не может существовать улыбки; его лицо не может опечалиться. Зато *musc. masseter* ** развит уродливо. Одна часть удободвижимее, чем у человека: ухо. Ему нужно бояться, прислушиваться в известную сторону; *musc. attolens* и *attrahens auricules**** развитее. А самое ухо, т. е. внутреннее, коротко и сжато. Я неловко резал уши и не мог сообразить, где евстахиева труба, все же она должна быть плохо отделана, если в глаза не бросилась. Мозг следить ужасно трудно. Я же его не совсем удачно разрезал. Непременно 2 головы еще нужны, чтоб ясно осталось в голове его расположение. Потом примусь за спину и за сердце. Манипуляция ужасно много занимает времени; но все же лучше, чем с препаратом. Никто не надоедает, и из своих ошибок много выучиваешься.

Думая о тебе, о твоём отъезде etc. и думая о своих работах, я как-то сегодня живо вспомнил твоих детей. Чёрт знает, приготовишь ли ты их, как нужно, и заставишь ли избежать всего длинного ложного пути воспитания, которое из меня в особенности сделало игноранта****. Я забыл, что не нужно было помнить, и не успел узнать, что надо было знать. Наташа! Не учи Сашку грамматике, пока он сам не захочет, а заставляй его писать да поправляй ошибки, чтоб он писал правильно *par routine******. А когда грамматика ему предстанет как логико-историческое развитие языка, он сам узнает. Отчего мне стало страшно за детей и я ничего не придумал при этом страхе, как вышеписанную глупость о грамматике? А страшно. Как дать ребенку такой ход, чтоб он вышел гуманен и не мягок, объёмлющ и не игнорант? Чтоб специальность не сделала узким? Чтоб общее занятие не сделало ничего не знающим? Чтоб сведения шли об руку или всегда были в запасе на помощь мышлению? Как дать огромную силу на защиту своей личности — без злобы? Кажду насладженья — без унизительного эксцесса? — Ты права, Наташа, надо для воспитания людей исключительных, страстно посвятивших себя на это дело. Новое доказательство важности семейства!

В самом деле, лицо животного не может выразить ни радости, ни печали. Для этого употреблен хвост. Уши, глаза и уста существуют только для простого глядения, слушания, и рот только будто продолжение пищевого отверстия. У обезьяны хвост перестает быть изъяснителем ощущений и становится простым орудием, пятой рукой, и глаза становятся выразительнее; рот еще не развился до улыбки. Для игры лицевых мускулов надо избавиться от шерсти. Организм стремится создать лицо. Как это я еще не читал Кабаниса? ² Да надо вот что <изучить>: *rappports du physique et du moral chez les animaux******. Иначе, того гляди, из морального сделаешь *aparté******, который начинается там, где то начинается. Между тем как химическое: *rien ne se crée, rien ne se perd****** — при общем рассмотрении существ переходит в *rien ne commence, rien ne finit******. Есть один *Totalität******.

* т. е. интеллекта.

** жевательный мускул (лат.).

*** мускул, приводящий и отводящий раковину уха (лат.).

**** невежду (франц. «ignorant»).

***** по навыку (франц.).

***** Отношение между физической и моральной природой у животных (франц.). Парафраза названия главного труда Кабаниса.

***** нечто обособленное (франц.).

***** ничто не создается, ничто не исчезает (франц.).

***** ничто не начинается, ничто не кончается (франц.).

***** целостность (нем.).

Я сегодня видел чудесный сон!

Неужели это мое последнее письмо в Москву? Как-то не хочется верить. Тяжело будет не писать, хотя и вздор пишешь большей частью.

Я к Гран(овскому) писал письмо, в котором раскаиваюсь⁴. Но мне показалось, что в его письме было какое-то забвение прошедшего, не то что сознательное примирение, а так — *leichtsinniges Vergessen* *, хотя, может быть, только и было, что обхождение того, о чем говорить трудно или не хочется. Но у меня так еще врезаны в память все отношения при моем отъезде, что я не могу представить себе иных. А часто хочется, в особенности с ним, быть попрежнему, сгладить эту недоступную черту между нами! — Напиши же о том, как ты уедешь из Москвы? С будущей почтой стану писать тебе через Панаева. А что «Современник»-то? Говорят, Некрас(ов) меркантильничает, и Виссари(ону) попрежнему плохо⁵. О *maledetti!* ** — Бог с тобой, Герцен! Ступай, ступай!

Вчера рекрут отправил.

Ты лучше меня будешь гулять, я уверен. А я здесь надеюсь поукрепить, привыкнуть к труду и отвыкнуть от вина. Последнее я уже совершил — и результат вот какой: с тех (пор) нет нервических припадков, ни даже от позднего и малого сна, ни от работы, ни от чего. Вдобавок я лью на себя холодную воду, не жалея.

Прощайте, *carissimi*, пора спать. До завтра.

8 гев(аря)

Писать больше некогда.

Счастливого пути вам, *carissimi*! Гуляйте, гуляйте! Пишите часто, очень часто. Письмо, как воздух, мне нужно. Ну, прощайте.

¹ Франсуа-Ахилл Лонже (Longet, 1811—1871) — французский физиолог, автор вышедшей в 1842 г. книги «*Traité d'anatomie et de physiologie du système nerveux de l'homme et des animaux vertèbres*» («Курс анатомии и физиологии человека и позвоночных животных»), которую, вероятно, и имеет в виду Огарев.

² Пьер-Жан Кабанис (Cabanis, 1757—1808) — французский врач и философ, представитель материалистической философии XVIII века. Его сочинение «*Rapports du physique et du moral de l'homme*» («Отношение между физической и моральной природой человека») вызывало большой интерес у русских утопических социалистов сороковых годов.

³ Парафраза знаменитого принципа Лавуазье — одной из основ материалистического мировоззрения: «*La nature ne fait rien de rien, et la matière ne se perd point*» («в природе ничего не делается из ничего, и материя не исчезает»).

⁴ Это письмо Огарева неизвестно.

⁵ Переход «Современника» в руки Некрасова и И. И. Панаева вызвал многочисленные толки. То обстоятельство, что Белинский не был включен в число пайщиков журнала, а оставался в роли сотрудника, вызвало сильное неудовольствие московских друзей критика, неосновательно обвинявших Некрасова в пренебрежении к материальным интересам Белинского. Особенно усердно распространял подобные слухи В. П. Боткин. Однако сам Белинский, положение которого в журнале окончательно определилось к февралю 1847 г., считал себя материально вполне удовлетворенным (см. об этом подробнее в «Лит. наследстве», т. 56, 1950, стр. 186—187).

13 марта (1847 г.). Яхонтово

Наконец, после долгого незнания куда писать к вам, я опять могу сказать вам несколько слов, друзья мои. Жаль будет, если не много скажется, потому что поздно, и завтра надо посылать на почту. Как видите, я не дома и целый день был не один. Впрочем это только потому, что Желтух(ин) был на короткое время, иначе я здесь располагаю всем утром. Желт(ухин) велел тебе сказать, саго, что он тебя в короткое время много полюбил. Он славный человек¹.

* легкомысленное забвение (нем.).

** О черти! (итал.).

Здесь я, вероятно, долго проживу, потому что Ал(ексей) Ал(ексеевич) недели через две едет и летом, вероятно, с вами встретится. Я здесь привык, как дома, и мое пребывание здесь мне мало мешают. Я давно собирался писать вам, хотя понемногу, но одно занятие меня отвлекло от всякой другой письменности, а именно: роман в стихах, который, сколько мне кажется, мне весьма удастся. Надеюсь, что к осени или ближе могу его напечатать и что он останется не без сенсации. Он почти может служить концом первой пииме². В эту работу я так погрузился, что почти месяц ничего иного не делаю. От этого реторты пусты и бараны живы. Но думаю на днях начать вести все дела разом. Не пойдет — останусь при одном; пойдет — тем лучше.

Жаль мне, что тебя нет, Александр, весьма много нужно бы поговорить, и во многом бы ты принял участие.

Я много думал и говорил о пекуньярных обстоятельствах, и мне проглядывают кой-какие новоизобретенные пути к устройству дел, которые я, осмотрев, — только найдя невозможными или превышающими мое терпение, пойду на сделку с Бахмет(ьевым)³. — Не подумай, чтоб Ал(ексей) Ал(ексеевич) сколько-нибудь мешал мне решиться на последнее, он и сам для себя желает такого рода аферу, т. е. то же сделать с своим *possessione* *, что и я думал; да ты знаешь, как трудно окончательно на это решиться. А он *de facto* еще менее решителен, чем я. Его я в последнее время узнал короче и полюбил еще больше.

Без сомнения, я остаюсь вообще при моем обычном плане насчет будущих поездок, но по хозяйству хочется сделать что-нибудь действительно полезное, и на этот счет многое придумываю. Когда будет что-нибудь *de facto* дельное, то сообщу тебе. Но довольно об этом! Давай говорить о вас.

На другой день.

А говорить о вас, как видите, я оставил до утра, потому что не превозмог сна. Получил я два послания с дороги, 2 из Берлина. Последние 2 на днях. Одно с приписками всех. Дайте же крепко сжать вам руки. Только послушайте, Наташа и Марья Федоровна, вы слишком мало говорите о путевых впечатлениях, а мне ужасно хочется знать, как на вас именно действует новая среда жизни. Что касается до Александра, то я наизусть знаю, что и как, и жду от него только отчет о том, куда выработается его мысль, да еще новостей. Вот он мне пишет о Берлинском музее. Caro! Берлинский музей порядочная дрянь, все, что могу сказать и что ты сам поймешь, побывавши в Италии. *Gypsabgüsse*** никак не заменят всего изящества мрамора и бронзы. Да и собрание бедно. Я не совсем согласен, чтоб греческое искусство оставляло нас себе чуждыми. Античная гармония форм, во мне по крайней мере, возбуждает чувство необычной *Pracht und Fülle des Lebens****. Я не думаю, чтоб мы были очень далеки от древнего искусства; я думаю, что еще нашему миру суждено дойти до этого гомерического спокойствия лиц, до этой стройности и сочувствия к природе и жизни, но с иным, большим содержанием. А ты, верно, не видал в галерее графа Рачинского картины Роберта «Жнецы»⁴. <Это> один из оригиналов, другой оригинал в Лувре. Рассмотря внимательно это удивительное произведение, где соединилась жаркость южного колорита, античная стройность фигур и скорбь современного человека. Чувственность — избыливающий элемент Востока — меня тоже всегда поражал в египетских изваяниях, но, признаюсь, никогда не поражал приятно; тут есть что-то *lascif*****, животное, нестройное и рабское.

* именьем (лат.).

** Гипсовые слепки (нем.).

*** роскоши и полноты жизни (нем.).

**** похотливое (франц.).

(и я тебя дождусь), я убежден, что наше свидание будет еще совершеннее.

В «Современнике», наконец, поместили «Отъезд», чего мне столько не хотелось, и по этому случаю я заслужил олимпийский гнев Виссариона⁵. А «Монолог» не печатают⁶. 2-ой № как-то послабее первого.

Говорят, Виссарион собирается попутешествовать, потому что болезнь его усиливается⁷. Журнал нуждается в критике. Жаль, если он как-нибудь ослабнет, а я не знаю, кто без Виссариона его поддержит. Комаров что-то, говорят, наврал по части астрономии в смеси. Да ведь придет же в голову давать Комарову перо в руки!⁸ Зато «Петр Петрович Каратаев» Тургенева скрасил книжку. «Хорь и Калиныч» его же приводит всех в восторг, но я не согласен с этим, хотя оно списано с натуры. Они находят тут изящную сторону русского мужика. А я этого не нахожу; это чистошлотная, но тупая сторона русского мужика. — Статья Бел(инского) о Гоголе состоит из выписок, за себя говорящих; но — или он много выпустил — чувствуется надобность в голосе критика⁹. Повесть Кудр(явцева) «Без рассвета»¹⁰ очень хороша по задаче и плану, но в ней, чего я никогда в его повестях не замечал, что-то книжное. Вот тебе и о «Современнике».

Здесь я перечел «Мертвые души». Что за удивительное произведение! А и в нем пробивается новый, безумный Гоголь¹¹. Прочел «Дон-Жуана». Гете называет его ein grenzlos-geniales Werk *. Достань же себе перевод Гильдемейстера¹² и прочти. Я нигде не встречал такого объема содержания, такого богатства фантазии и иронии.

Мы с Гран(овским) были в полемической переписке¹³. Он недоволен мною будто бы за мое высокомерие и еще за то, что я с ним не согласен, будто бы он скептик. Да уже это как ему угодно, а он вовсе не скептик, но роскошно задушевная натура. Я с ним спорю и люблю его бесконечно. От других, разумеется, ни от кого не получал известий. Писал к Риттеру¹⁴, да, кажется, очень неловко писал и раскаиваюсь. Что ж делать! Как-то слова не клеились.

Напиши мне, застал ли ты Николая Ивановича¹⁵, когда он придет, не напишет ли ко мне, можно ли писать к нему, и крепко обними его за меня. Также мое горячее рукопожатие Рейхелю и Георгу¹⁶.

Засим нахожусь в необходимости кончить письмо, потому что как-то не пишется сегодня, а надо еще писать к Григорию Ивановичу, которому, наконец, посылаю вчера полученную доверенность. Каково меня гражд(анская) палата продержала?¹⁷

Прощай, саго, прощай, сестра, прощайте, Марья Федоровна! Пишите чаще. Теперь я пошел строчить каждую неделю по письму. Я давно бы писал, да кто виноват? Вольно не написать маршрута. Не мог же я пустить мое письмо путешествовать по Европе, что для (вас) совершенно было бы бесполезно.

Прощай, Сашка! Целую тебя. Беннет здоров. Что Коля?

Узнай, где Иван Павлов(ич) и Фролов и правда ли что Ив(ан) Пав(лович) женился?¹⁸

Ал(ексей) Ал(ексеевич) кланяется.

На обороте: Paris. Messieurs Thurneissen et Comp.

Chaussée d'Antin, 22.

⟨Prière⟩ de vouloir bien remettre la lettre

à Mr Alexandre Herzen

В Париж.

Господам Турнейсену и комп.

Почтовая помета: Саранск 16 марта 1847 г.

* безгранично гениальным произведением (нем.).

Несколько строк из этого письма (с упоминанием о Белинском) напечатано в «Лит. наследстве», т. 56, 1950, стр. 189.

¹ О *Желтухине* см. примеч. 1 к письму № 5.

² Огарев говорит здесь о своей поэме «Деревня». 25 апреля 1847 г. он писал Т. Н. Грановскому: «Пишу я повесть в стихах. Оной написана одна глава, но в ней местами кой-чего недостает еще, и начата 2-я. Заглавие: Деревня. 1-я глава — приезд, 2-я — отъезд (...). Я готовлю ее для «Современника», но едва ли решусь напечатать, по крайней мере скоро, хотя и кончу в июне» («Звенья», т. 1, 1932, стр. 125; см. об этом также в письме № 16). «Деревня» была впервые опубликована в «Стихотворениях» Огарева, под ред. М. О. Гершензона (М., 1904).

³ О *Валмееве* см. примеч. 1 к письму № 8.

⁴ Огарев имеет в виду, повидимому, картину французского художника Леопольда *Робера* (Robert, 1794—1835) — «Жнецы в Понтийских болотах», находившуюся в картинной галерее прусского мецената графа *Афанасия Рачинского* (Raczynski, 1788—1874).

⁵ Стихотворение Огарева «Отъезд» было напечатано во второй книжке «Современника». Белинский в это время отрицательно относился к поэзии Огарева. 29 января 1847 г. он писал Боткину: «Насчет стихов Огарева ты меня не совсем понял: кроме гамлетовского направления, давно сделавшегося пошлым, оно бесцветно и вяло в эстетическом отношении. Это набор общих мест и избитых слов, а главное — тут нет стиха, без которого поэзия есть навоз, а не искусство. Ты говоришь, что стихи не обязаны выражать дух журнала, а я говорю: в таком случае и журнал не обязан печатать стихов. Из уст журнала не должно исходить слово праздно. Таково мое мнение» (В. Г. Белинский. Письма, т. III. СПб., 1914, стр. 161—162).

⁶ 15 февраля 1847 г. Некрасов писал Тургеневу: «...за Огарева на днях с Белинским мы воевали (впрочем, в дружелюбном тоне), и победа осталась за ним — „Монологи“ погибли для света!» (Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. X. М., 1952, стр. 62). Тем не менее Некрасов и Панаев все же напечатали «Монологи» в № 3 «Современника».

⁷ Летом 1847 г. Белинский уехал для лечения за границу. 29 июля 1847 г. он встретился в Париже с Герценом.

⁸ Александр Сергеевич *Комаров* — инженер, в сороковых годах был близок к литературным кругам; напечатал несколько заметок в первых номерах «Современника». 17 февраля 1847 г. Белинский писал В. П. Боткину: «Надо тебе сказать еще, что Комаришка же составляет для смеси „Современника“ ученые известия. Вдруг профессор Савич <известный астроном. — Ю. К.> присылает к Панаеву письмо, где, извиняясь в своей откровенности своим желанием всякого добра „Современнику“, говорит, что ученые известия Комаришки для не знающих дела людей очень хороши, но для знающих — курам смех и журналу позор! Вследствие этого полдец Комаришка из „Современника“ изгоняется...» (В. Г. Белинский. Письма, т. III. СПб., 1914, стр. 171).

⁹ Статья Белинского о «Выбранных местах из переписки с друзьями» была напечатана в № 2 «Современника» за 1847 г. Понимая, что цензура не пропустит откровенного осуждения реакционной книги Гоголя, Белинский построил свою статью о ней главным образом на цитатах из самой книги, сопроводив их довольно осторожным критическим комментарием. Однако и это не спасло статью от цензурных пощипов: она была сокращена почти на треть. «Статья о гнусной книге Гоголя, — писал Белинский, — могла бы выйти замечательно хорошей, если бы я в ней мог, зажуривав глаза, отдатья моему негодованию и бешенству» (В. Г. Белинский. Письма, т. III, стр. 185).

¹⁰ Петр Николаевич *Кудрявцев* (1816—1858) — профессор Московского университета, одно время приятель Белинского, высоко ценившего его беллетристические произведения. Повесть Кудрявцева «Без рассвета» была напечатана в № 1 «Современника» за 1847 г.

¹¹ Вероятно, Огарев прочел вышедшее незадолго до того второе издание «Мертвых душ», снабженное авторским предисловием, которое, как отмечал Белинский, внушало живые опасения за славу Гоголя в будущем и «грозило русской литературе новой великою потерей прежде времени» (В. Г. Белинский. Собр. соч. Под ред. С. А. Венгерова, т. X. СПб., 1914, стр. 429).

¹² Отто *Гильдемейстер* (Gildemeister, 1823—1900) — немецкий писатель, переводчик и журналист. Огарев рекомендует Герцену его перевод «Дон-Жуана» Байрона.

¹³ См. письма Огарева к Т. Н. Грановскому от 17 января и 14 февраля 1847 г. («Звенья», т. I, стр. 112—117, 119—124) и ответ Т. Н. Грановского («Т. Н. Грановский и его переписка», т. II. М., 1897, стр. 448—449).

¹⁴ *Ritter*, Ritter aus Tambow (рыцарь из Тамбова) — прозвище Н. М. Сатина.

¹⁵ *Николай Иванович* — Сазонов; с ним Герцен встретился в первый же день по приезде в Париж — 25 марта 1847 г.

¹⁶ Адольфу Рейхелю и Георгу Гервегу.

¹⁷ *Григорий Иванович* — Ключарев (см. о нем примеч. 2 к письму № 1). В письме Герцена к Г. И. Ключареву от 28 (16) марта 1847 г. из Парижа — читаем: «Неужели

Огарев до сих пор не высылал вам доверенности на получение 6 или 7 т<ысяч> ас<сигнациями> в казенной палате?» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 198).

¹⁸ И. П. Галахов 17 января 1847 г. женился на англичанке Элизе Боуен. Герцен и Анненков были «свидетелями» на этой свадьбе.

16

20 апреля
2 мая (1847 г.). Акшено

Caro mio! Давно я не писал к тебе, долго не отвечал на твою маленькую записку из большого города¹. Раз я писал к тебе на Турнейсена и только раз с тех пор как ты уехал, потому что не знал, куда писать. Теперь ужасно захотелось поговорить с тобою и, вероятно (хотя в несколько приемов), мое письмо будет длинно. Дела ужасно много, друг мой. Сколько раз хотел писать и было некогда. Ты удивишься, что мне некогда. А в самом деле так. Три вещи поглощают все время: наука, литература и *хозяйство*. Последнее удивит тебя еще более, и я намерен серьезно дать тебе отчет в этом. Primo, скажу, что в это время написана статья для «Современника», которую я весьма доволен²; пишется поэма, которой 1-я глава кончена почти и вторая начата. Еще несколько скомпоновано из будущей драматической поэмы под заглавием «La nuova divina comedia»*. Что же касается до поэмы, которая теперь пишется, это — повесть в стихах под заглавием «Деревня»; состоит из 2-х глав: 1-я — приезд, 2-я — отъезд. Через месяц или полтора надеюсь кончить.

В науке мало подвигов. Время идет много, но все какое-то школьное шатание и неумение преследует и мешает. Впрочем, химия штудировается не без успеха. Многие проясняются in natur-philosophischem Sinne**, и еще занимает меня приложение. Хлопочу открыть себе совершенно новую отрасль промышленности искусственной фабрикацией настоящего виноградного вина. Для этого предпринимается не совсем без успеха химическое разложение мадеры, которую, сколько мне кажется, весьма будет возможно сделать совершенно из тех же элементов, какие в ней находятся, но другим путем, нежели она делается естественно. Сколько могу предположить, фабрикация может обходиться так, что бутылка такой мадеры будет продаваться не дороже 50 коп. асс., и следовательно, много заменит в народе водку. До сих пор два элемента мне совершенно известны, есть еще несколько органических щелочей, которые не легко открываются. Я работаю за этим с усердием, тем более, что вижу в этом огромную общественную пользу, если только удастся³.

Теперь перейдем к хозяйству. Скрепя сердце принялся я за это дело. Но дошел до того, что отнюдь не пойду на сделку с Бахм<етьевым> и во что б ни стало добьюсь иной цели или найду средство *почище*. Я недавно принялся за хозяйство. Зиму я удалялся от него. Но, познакомившись с мужиками, я почувствовал такое усердие к цивилизации, что не шутя принялся за дело⁴. Хотя роль плантатора до некоторой степени неизбежна, потому что тупость невежества ничем не пересилишь, кроме приказывания, но я стараюсь избегать даже и последнего, сводя все на определенность в администрации. Пока я верчусь в приведении в порядок администрации, на том основании, чтоб отнюдь не требовалось более работы, чем дозволено законом, и потом чтоб совершенно взвешивалась ценность труда. Конечно, я не разбогатею от этого, да если я когда-нибудь разбогатею, то уж, верно, не посредством усиленных бесплатных работ.

Теперь начинается весна, и я, как школьник, совершенно ничего не знающий, войду в агрономию. Вчерашний снег мне помешал, но вреда не сделал. Снег 19-го апреля! Экой край мерзкий! — Но к чему вся эта забота

* «Новая божественная комедия» (итал.).

** в натур-философском смысле (нем.).



КРЕПОСТНАЯ ДЕРЕВНЯ

Рисунок Н. С. Черцова с пометой художника: «На первой версте от села, нищий, рабочий».

Конец 1840-х — начало 1850-х гг.

Исторический музей, Москва

о хозяйстве, спросишь ты? Для того, чтоб сделать〈ся〉 фермером, саго mio, ибо иного благородного выхода я не вижу. Ферму я продам хоть тебе, если хочешь, пожалуй хоть Григ(орию) Ив(ановичу) Ключареву, который хлопочет о моих деньгах в Москве. Carisco, саго mio? * Видишь, что по всем занятиям у меня проектов более, чем когда-нибудь. Что же касается до исполнения... Странно, но je suis plus ferme que je ne le paradis **.

Я успел отучиться от чрезмерной чувственности и излишеств. Я редко выпиваю целую бутылку вина в день. Голова моя свежа. Нервные припадки мои, кажется, совсем исчезли. Но что-то мне голо и пусто в жизни, Герцен, должен я в этом сознаться. Трагический элемент, несмотря на блаженность, развивается жестче и безотраднее. Может быть, и самые коллизии с людьми дикими и странными помогают ему развиваться. Сознание усилий не заменяет сознания успеха. А лично что-то так много или утрачено, или не выполнено, что часто страшно тяжело бывает. Умеренность в образе жизни несколько не составляет das harmonische Maass im Leben ***. Изящного наслаждения жизнью нет. Сердце не полно, и вместо усовершенствованного эллинизма в жизни, о котором я так мечтал, существует какая-то сухая борьба с средой, в которой дышишь. Борьба, которая даже редко доходит до пафоса.

2
(14) мая

Прерванный на сем слове, я только теперь принялся доканчивать это письмо. — Ферма занимает меня чрезвычайно. Размежусь с мужиками по владению и перенеся на их повинность долг, я устрою на моей земле ферму которая по расчету даже при нынешних обстоятельствах не может быть безвыгодна; это меня занимает, Герцен, потому что, прожив здесь около полугода, я убедился, что ферма есть норма всего будущего хозяйства русского, норма, по которой мы из плантаторов перейдем в земледельцев-хозяев (entrepreneurs de maisons rurales, farmers ****). Развивать тебе эту мысль слишком долго, но ты, я думаю, поймешь ее, насколько

* Понимаешь, дорогой мой? (итал.).

** я более стоек, чем кажусь (франц.).

*** гармонического мерил в жизни (нем.).

**** организаторов земельных предприятий (франц.), фермеров (англ.).

знаешь наши хозяйственные дела. Заметь, что и советский долг⁵ тут не только не мешает, но способствует. Он, падая на крестьян, вознаграждает помещика за уделение земли *по владению* (т. е. сколько крестьяне для себя в данный момент обрабатывают) и составляет на 37 лет $\frac{2}{3}$ налога, который крестьянин платит теперь работами у порядочных помещиков и, конечно, только $\frac{1}{3}$ того, что он платит у непорядочных. Помещик же, у которого души не заложены, заложит их для того же оборота. Ферма, которая составит владение и труд помещика, переменит ни на чем, кроме предрассудка и привычки, не основанную систему нашего хозяйства и, представляя все-таки *une entreprise rurale en grand**, подвинет успехи земледелия быстро, а между тем, дав ценность труду, возвысит цены произведений и увеличит и производительность и доходы. Я не думаю, чтоб эти немногие строки о вещах, о которых ты, вероятно, там теперь не думаешь, показались тебе скучными. Мне это просто *tient à coeur***. Я посвящу на это три года почти постоянного пребывания в деревне, а окончив, сам съезжу попутешествовать, отдохнуть и работать попрежнему в сфере, в которой я больше дома, чем в агрономии, теперь, по крайней мере.

Весна пошла чудесная! *Carissimi!* Если б вы были со мной, мы провели бы время лучше, чем в Сокол(ове). Деревня, где я живу, весьма недурна. Поутру я или объезжаю работы, или ухажу в лес, который составляет и мое действительно поэтическое наслаждение, и главный мой капитал. Ничто не менее романтично, как поэзия природы. От этого она реальна и истинна.

И я могу в ее таинственную грудь,
Как в сердце друга, заглянуть.

А лучше всего в природе лес. Тут столько жизнью составляют между собой удивительную целую симфонию, что я не знаю, где может быть для фантазии жить шире. Здесь я могу идти лесом в прямую линию верст 10. Я или наблюдаю его, *im forschwissenschaftlichen Sinne****, или собираю гербарий, или мне просто так хорошо становится, что я забываю и науку и хозяйство, и дышать становится как-то вольно, роскошно и даже дико, может быть. Скитанье по лесу пробуждает какое-то трудно изъяснимое чувство *einer wilden Freiheit*****.

Если б вы здесь были, я бы мог жить от полноты души. В Москву я не поеду или поеду на очень короткое время, чтоб взглянуть на некоторых, даже на Федю⁶ (о чем прошу донести Мар(ье) Фед(оровне). Может быть, Гран(овский) ко мне приедет на лето. Я надеюсь на это. Воспоминанье и широкая симпатическая натура этого человека совершенно меня возвращают к нему. — С бароном и Риттером, кажется, у нас никогда ладу не будет. Последнее отношение мне очень неловко, особенно с тех пор, как он заметил это из моих писем к тебе. И ты весьма неосторожно показывал ему кое-что из них. Ты очень хорошо понимаешь, что его жаль, и от этого так мудроно стать перед ним сухо и притом невозможно стать задушевно, особенно когда поотвыкнешь от сантимента грусти и всей истории средних веков.

Теперь я опять стану писать очень часто, Герцен. Мне самому надело молчать с тобой и не получать от тебя ни строки. На эту минуту я не дома, а у Ал(ексея) Ал(ексеевича), который в этом месяце уезжает. На днях у него умерла племянница, отчего и дети его (которых я очень люблю, и если вы с ними встретитесь, то, Наташа, познакомься с ними короче, ты

* земельное предприятие, широко поставленное (франц.).

** лежит на сердце (франц.).

*** в научно-исследовательском смысле (нем.).

**** дикой свободы (нем.).

можешь иметь большое влияние на эти два очень милые существа, особенно меньшая заслуживает быть весьма развитою) — в унынии. Я ее знал за границей, ей было не больше 20 лет. Ты знаешь, что такого рода смерть наводит страшную досаду. А если, кроме закона необходимости, разглядеть еще вследствие каких невыносимых семейных коллизий являются эти ранние смерти, то уж, верно, не благословенья свернется с языка.

Наташа, Мар(ья) Фед(оровна), дайте руки. Пишите же, не забывайте меня. Наташа, привези мне из Парижа портфель.

Сашку целую.



КРЕПОСТНАЯ ДЕРЕВНЯ

Рисунок Н. С. Чернова, 1850 г.

Исторический музей, Москва

Что же Саз(онов)? Когда он сюда едет? Пусть приедет ко мне в деревню. Обнимаю его крепко. Что он давно не пишет?

Что Галах(ов)? Женится ли он? Где Фрол(ов)? Я к ним ужасно давно не писал. Ну! да и они ко мне тоже. Галах(ову) напишу скоро, а Фрол(ову) не могу, потому что не знаю, где он. Извести же меня. Жму руку Рейх(елю).

Прощай, саго! Наслаждайся и пиши часто, даже не считаешь письмами, как визитами, что *было бы* с нашей стороны довольно курьезно. Наслаждайся.

¹ Эта записка Герцена к Огареву неизвестна.

² 25 апреля 1847 г. Огарев сообщал Т. Н. Грановскому: «Послал в „Современник“ статью (вероятно, в смесь) — Письма из провинции (pseudonyme). Не совершенно удовлетворен художественной отделкой, но ручаюсь за меткость и достоинство статьи, если ее не испортят» («Звенья», т. I, стр. 127). В редакции «Современника» она пролежала до осени (см. след. письмо); повидимому, в ответ на запрос Огарева И. И. Панаев писал ему 6 октября 1847 г.: «Напрасно сомневаешься ты в том, что письма твои не будут напечатаны в „Соврем(еннике)“. Они превосходны и будут служить украшением (так сказать) нашего журнала. Они поместятся в *декабрьской книжке*. Бога ради, пиши продолжение их. Такого рода вещи очень и очень полезны, полезнее иных художественных произведений» («Новые пропилеи», т. I, 1923, стр. 17). Тем не менее в «Современнике» эта статья Огарева не появилась. Повидимому, это та самая статья, которая была опубликована в «Полярной звезде» на 1857 г.

под псевдонимом «Антон Постегайкин» с датой — 15 марта 1849 г. (см. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, М., 1952, стр. 67).

³ Об этом же Огарев писал и Т. Н. Грановскому («Звенья», т. I, 1932, стр. 125).

⁴ План земельного переустройства, о котором Огарев подробно говорит в этом письме и в письмах от 7 июня и 26 июня 1847 г., сложился у него в 1847 г. — и над претворением этого плана в жизнь он работал в течение 1847—1848 гг. Отказавшись от юридического освобождения крепостных крестьян, Огарев решил перестроить их быт экономически. Он намеревался «приучить» крепостных к вольнонаемному труду. С этой целью Огарев приступил к созданию «образцовых земельных ферм», а также фабрик и заводов (см. подробнее во вступительной статье). Глубоко убежденный в правоте и в практической осуществимости своего, в действительности совершенно утопического, плана, Огарев был готов «привести его в исполнение насильно». Во что вылился бы акшенский эксперимент, сказать трудно, но дальнейшие события личной жизни отвлекли Огарева от практического осуществления этого эксперимента.

⁵ Огарев имеет в виду долг в Опекунский совет.

⁶ Федя — Ф. Е. Корш (1843—1915), сын Е. Ф. Корша, впоследствии известный филолог, академик.

17

⟨Яхонтово.⟩ Июня $\frac{19}{7}$ ⟨1847 г.⟩

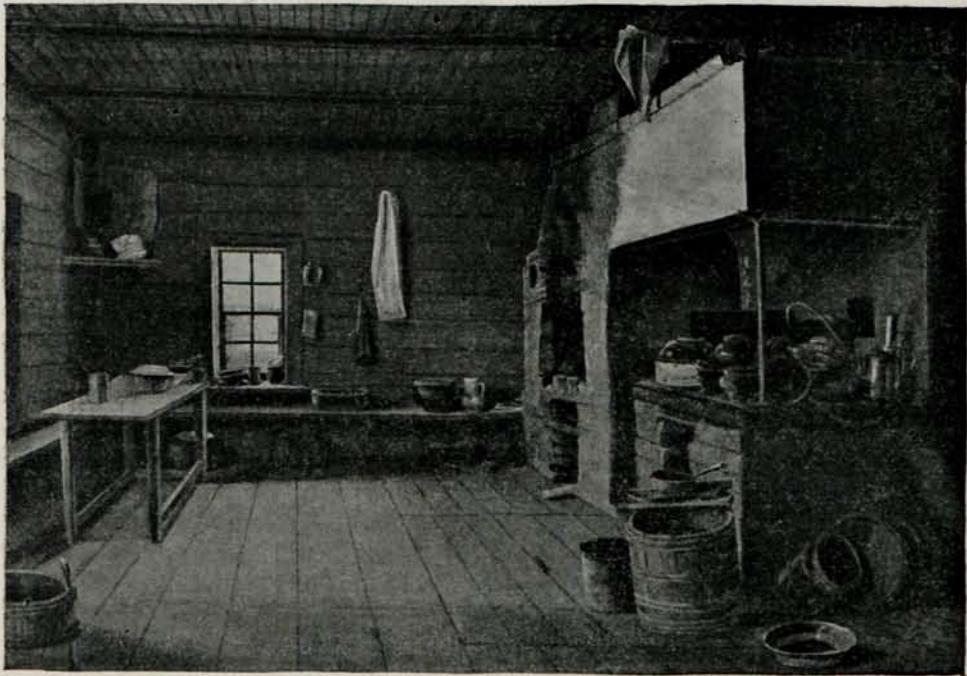
Вот я и опять давным давно не писал к вам, друзья мои, и давным давно не получал от вас писем. В последний раз как я писал к вам, мой посланный, возвратясь с почты, привез мне ваше письмо, и я тотчас собрался отвечать, но меня остановила болезнь. Страшная лихорадочная невралгия надглазного нерва мучила меня недели две до сумасшествия. «Но молодость свое взяла», и я опять здоров, как нельзя лучше. Ты улыбнешься при этом слове «молодость», саго mio! Однако я прав. Я чувствую откровенно, что я молод, не той первой, чудесной молодостью, которая так много ждет, так много фантазирует и которая была так непосредственно хороша, несмотря на все нелепости поступков и страстей, что я ее вспоминаю с любовью и, сознавая, не стыжусь тысячи глупостей и горечей и не раскаиваюсь в них; но я молод именно тем, что моя первая молодость совершенно прошла, а силы мои несколько не утратились, но сосредоточились и стали развиваться в сфере действительности, в положительности фактов. Если прошлый год был так богат для нас опытом и скорбью совершеннолетия, то этот год богат для меня силой совершеннолетия, молодостью совершеннолетия, если ты допустишь это выражение. Тут, конечно, нет розовых надежд, но есть рассчитанность поступков и живая оценка существующего. Это переход в Praxis*. Этот переход был необходим в моем развитии. Два выхода предстояло: уныние и Praxis. Я страстно и весело перешел в практическую деятельность, с верой в труд и с деспотизмом воли, которой ни ты, ни я сам в себе не замечал. Насколько я предвижу вперед, я на пять или шесть лет *безвызванный хозяин* в деревне. Это решено и будет упорно выдержано. Не говорю о поездках в столицу на один или два месяца в год — это нужный отдых, и отсутствия мои из деревни не переступят означенного срока. Я решился на труд хозяина, думавши целую зиму об этом, и решился не pour acquit de conscience** и не ради необходимости уплатить долги, а с полным расчетом на резкое изменение хозяйства и приобретение огромных средств. Я совершенно понимаю цену богатства и достигну его трудом. Хорош ли расчет и верно ли я проведу свой труд—это докажет опыт. По вашем возвращении, друзья мои, вы посетите меня в моем отшельничестве, и тогда уже многое найдете приведенным в исполнение. Как я буду рад вам, об этом говорить нечего! Сколько и о скольком нам придется болтать друг с другом, это можно предугадывать. Я верю, что в этот раз наше свидание будет еще лучше и мы найдем друг друга еще совершеннолетнее, мужественнее, ровнее и определеннее.

* практическую деятельность (нем.).

** для очистки совести (франц.).

20
8 июня

Сегодня я еду домой от Ал<ексей> Ал<ексеевича>. Он отправляется первого июля. Несмотря на его скорый отъезд, я бываю у него и реже и на короткое время. Просто некогда с тех пор как ко всем иным занятиям прибавилась мне должность управляющего. Да и дом мне с тех пор лучше нравится. Романтические воспоминания не одни меня привязывают к нему, но еще и живая определенная деятельность и определенные надежды. А потом и для внутреннего, любимого наслаждения мне дома лучше: местность изящнее. Огромный лес, где я бываю часто и долго. В лесу у меня три занятия: 1) вводимая мной рациональная рубка, извлечение дегтя etc.,



ВНУТРЕННИЙ ВИД ИЗБЫ

Картина маслом Н. С. Чернова, 1864 г.

Русский музей, Ленинград

2) гербаризация, 3) наслаждение. Последнее занятие, разумеется, мне больше всего по сердцу. Мне нигде не бывает так хорошо, как в лесу. Погода теперь чудесная. Совершенно ли мне хорошо одному — это другой вопрос. Иногда очень тяжело. Чувство одиночества тем более тягостно, что не только мое наслаждение одиноко, но даже вся моя деятельность одинока. Пробовал я многое предпринимать *en compagnie**, и только Ал<ексей> Ал<ексеевич> (и то не совсем) держится со мною. Другого соседа я в иных случаях пугаю; в устройстве фермы боюсь убытков, жалуются на неимение средств. На днях мне очень жутко пришлось, так все наши прошлогодние споры пришли на память, повторились в другой сфере. Это было не так задушевно больно, но одиночество деятельности для меня обозначилось. Ничего! Я не впаду в уныние и все-таки устрою дела, как хочу. — Я звал профессора¹ приехать к себе. Он еще не отвечал. Профессор остался для меня все тою же изящною натурою, которая мне всего ближе, кроме

* в компании (франц.).

тебя. Я думаю, мы с ним можем провести летний месяц очень хорошо, и даже многое скорбное между нами может изгладиться. Приедет он или нет — не знаю! Думаю, что да!

Твой обзор знакомых, с которыми ты встретился, меня сильно интересовал. Он справедлив — не могу не согласиться. Но все же ты не довольно оцениваешь Саз(онова). Что касается до его сожительницы, в это я решительно не вступаю, Герцен, и не признаю себе права вступаться. Naturgewalt* и некоторые, может быть, ошибочные оценки ее участия во время неловких обстоятельств связывают его. Это дело такое личное, что я не беру на себя la condamnation **. Если тут есть грязность, то, с другой стороны, есть и благородство. Что же касается до Георга², — это, без сомнения, одна из самых полных и изящных натур, которую я когда-либо встречал.

Женился ли Гал(ахов)? Обними его за меня. Где Фрол(ов)?

Желал бы лично видеть впечатление, которое на тебя производит та-мошний мир. Мне кажется, что, несмотря на многое скорбное и удушливое, с которым ты необходимо должен был столкнуться, ты слишком немного обратил внимания на Staat in seiner politiko-oekonomischen Entwicklung***. Боюсь, чтоб Gesamtheit**** фактов и целость развития не скрылись перед тобою за теоретическими неудовольствиями. Впрочем, только боюсь, и то не знаю сам отчего, а думаю иначе.

Думал написать очень много и написал очень мало. Сейчас деловое послание из города, и надо писать деловые письма. Григорий Иван(ович) очень хорошо со мной поступает и берет на себя в Москве многие хлопоты по моим делам³.

Лучше послать 2 страницы, чем ничего. Дайте руки, друзья. Напиши хорошенько, Наташа, что ты делаешь там, да и Марье Федор(овне) не худо написать мне о себе. Не полнитесь, Марья Федоровна! Скажите все впечатления, которые иные страны произвели на вас. Я играю ап-дante Тальберга⁴. Это замечание исключительно посвящено вам.

Addio! Меня зовут.

На обороте: Paris. Monsieur A. Herzen.

Confiée aux soins obligeants

de Mrs Thurneisen et Comp.

Chaussée d'Antin, 22.

В Париж. Господам Турнейсену и компании

Почтовые пометы:

Francs. Саранск. 12 июня;

Moskau. 1847. Juni 17.

¹ Профессор — Т. Н. Грановский.

² Георг — Гервег.

³ О Ключарева см. примеч. 2 к письму № 1.

⁴ Сигизмунд Тальберг (1812—1871) — известный пианист и композитор.

Я у Ал(ексея) Ал(ексеевича), который едет 1-го или 2-го июля ⟨ст. ст.⟩, в дороге пробудет еще до выезда ⟨за границу⟩ более месяца; благодарит тебя за предложение и напишет к тебе из Москвы. Славный он человек,

* сила естества (нем.).

** осуждения (франц.).

*** государство в его политико-экономическом развитии (нем.).

**** совокупность (нем.).

carissimo; но что такое делают из человека обстоятельства и среда, в которой он движется, это можно проследить на нем в каждой нитке. Если б он не был так близок мне, это была бы остроумная этюда, а теперь это мне горькая этюда.

Но... эта среда та же, в которой я начинаю вращаться (минус разные невкусные обстановки, от которых я избавлен). И что же, саго? Испортит ли меня эта среда, или я с отвращением обращаюсь в бегство? — Не думаю. Я слишком прямо иду к цели; я слишком скоро подвину все средства к достижению, чтобы мне можно было привыкнуть к уродливому положению аристократа-плантатора. Назначение русского помещика, ergo — и мое (в этом я глубоко убежден), быть ни тем, ни другим, а быть просто индустриалом, plus ou moins* оптовым. Заметь это, это очень важно. С учреждением ферм (так как мы все же по всему нашему положению с конца в конец России — *земледельцы*) хлебопашество и промышленность сильно подвинулись. Может быть, я — как первый — разорюсь на этом, беда не велика, путь проложен; дурно только для примера, но истина свое возьмет. Да я и этого не думаю; я почти убежден в возможности обогащения или, по крайней мере, ясной отчетливости в барыше и убытке. До сих пор никто — и самые лучшие барщинные хозяева — не считают у нас ни капитала, ни труда, т. е. не считают расходов, а только продажу произведенных приобретенных денег. Нетрудно разглядеть, что это детский расчет, ребячество политической экономии. Я это докажу примером. Положим с 10 десятин земли продал 100 четвертей ржи по 7 р. ассигнациями. Я и говорю тотчас, что, дескать, получил 700 р. доходу. Какая нелепость! Земля моя стоит по 100 р. десятина, след<ственно> 1000 р. С 1000 р., хорошо употребленных, я должен получить 100 рублей доходу. За обработку барщиной я опять плачу мужику тем же количеством земли, т. е. 10 десятинами (по 1 дес<ятине> на тягло), т. е. капиталом в 1000 р. и процентами в 100 р. Вот уже 200 р. расходу. На посев я употребил 10 четвертей по 7 р., след<ственно>, 70 р. Теперь земля моя заложена по душам; по расчету на 10 десятинах лежит долгу третья часть залога 20 душ (ибо 10 дес<ятин> ржи представляют 30 десят<ин> в 3-х полях, на обработку надо 10 тягол, представляющих 20 душ, по крайней мере); третья часть залога 20 душ = 1866 р. (ergo, почти $\frac{9}{10}$ того, что стоит земля). Процентом на это 112 р., à 6%. Вот уже расходу 382 р. Прибавь 1% в уплату капитала 18 р. 66 <к.>. Теперь провоз проданной ржи смело полагай в 1 р. с четверти = 100 р. Вот уже очевидного расхода 500. Остается барыша 200 р., из которого можно положить верных 150 <на> убыток от скверного севооборота и всегда дурной обработки посредством барщины. Следственно, действительного дохода с капитала в 2000 р. я имею 50 р., что почти равняется убытку, или, лучше: значит 150 р. убытку, ergo: мы работаем в убыток или сводя на-нет все капиталы и труды. Вот расчет барщинной обработки.

Из этого можно заключить, что уже как бы то ни было фермажная обработка земли не может быть убыточнее. В доказательство моего расчета приведу то, что все именья ощутительно приходят в упадок, что доказать может статистика Опекунск<ого> совета, т. е. число имений, продающихся с аукционного торга и число перезакладываемых имений. Заметьте, еще, что со времени учреждения О<пекунского> совета почти ни одно имение не выкуплено, а все *перезаложены*.

Я не думаю, чтобы ты соскучился, читая этот расчет²; нельзя не охватывать материальных интересов, если хочешь, чтобы твоя наука была полна и реальна. — Надо и еще заметить, что 50 р. барыша, которые я выше

* более или менее (франц.).

положил, мнимы, потому что если расчесть употребляемый на прокормление крестьян хлеб в голодные года, то совсем сойдет на-нет.

При фермажном устройстве расчет следующий:

Приход с 10 дес<ятин> — 100 четв<ертей> по 7 р. =	700.
Расход 1) С капитала в 1000 р. %	= 100
2) На пашню по 10 р. с десят<ины>	= 100
3) На жнитво idem	= 100
4) На уборку idem	= 100
5) На провоз по 1 р. с четв<ерти>	= 100
6) На посев	= 70
Всего расходу.....	570

Следственно, чистого барыша, очевидного 130 р. От улучшения севооборота и обработки 15 четв<ертей> — лишних 105 р., итого барыша 235 р.

Крестьяне уплачивают советский* долг, т. е. платят оброк с 10 дес<ятин> 130 р. 66 к. (ежегодный % в сов<ет>). Разделив это на 10 тягол, выйдет 13 р. 6 к. с тягла на десятину в продолжении 37 лет; а здесь нанять десятину стоит до 16 р.

Кажется, всем выгодно, не говоря о умножении трудолюбия в крестьянах и улучшении промышленности. Как думаешь, саго, можно прохлопотать над этим лет пять безотходно?

Крестьяне платят, следственно, в О<пекунский> совет всего с тягла 39 р. 18 к. (с 3-х полей). Они платят подушных и повинностей до 10 р.; словом, на них ляжет налог в 50 р. ежегодно (все в продолжении 37 лет) с тягла, что составляет небольшой оброк; доход тягла может быть (если 1 десятина в поле, а надо заметить, что, по большей части, у них не менее 2-х десятин): с 1 десятины ржи — 10 четв<ертей> по 7 р. = 70 р., с десятины ярового — 15 четв<ертей> по 4 р. = 60, итого 130 р.; следст<венно>, тягло за летнюю работу получить за уплатой повинностей 80 р. Теперь за зимнюю <работу> — от 50 до 60 р. при дурном промысле, т. е. когда крестьяне не умеют и не любят промышленять *ремеслом*. Наприм<ер>, у меня мужики, имея слишком много земли, скорее - бедны, чем богаты от избытка <...>

Если не устоишь против скуки, отвращения, горя, которыми охватывают стычки с упорной косностью и невежеством, — разумеется, бросишь хозяйство и уедешь из деревни, чтоб никогда уже в нее не заглядывать. Такие минуты находят нередко; недостаток помощников (т. е. *contre-maitres*) отнимает силу, горько бывает; но я решился выдержать все во что бы то ни стало — и убежден в пользе результата.

У нас была засуха; теперь опять дожди небольшие; но холод смертный. Ты бы уж давно напялил 20 шапочек на голову и ругал бы холод и головную боль. А я здоров пока. Нервическ<ие> припадки совсем отстали. Сон крепок, апшетит удивительный.

<Акшено.> $\frac{9 \text{ июля}}{27 \text{ июня}}$ <1847 г.>

Ваше письмо, *carissimi*, я получил тому назад недели две. Много благодарю всех вас. Мы редко переписываемся, это нехорошо. А между тем, как же иначе? Времени так мало. Живой разговор требуется, а перо лениво. Твое письмо, Наташа, мне ужасно живо напомнило тебя. Мы с тобой не можем не симпатизировать, и потому в твоих письмах для меня никогда нет нелепицы. Все близко понимается. Знаешь ли, что у нас есть сходство

* т. е. в Опекунский совет. — *Ред.*

чувство скорби может быть очищено деятельностью. Деятельность стирает с нее остатки романтической пыли, а остается живая, человеческая, весьма простая скорбь, которая знает свой предмет. Ах! сестра! Нельзя уж нам, извиняясь молодостью лет, ни вообще стремиться к любви и тосковать, ни грустить, теряясь в стремлениях и вверх и вдаль, и в науку и в искусство, и пр. и пр. Нет! Вещи стали проще. Любишь известные лица, думаешь об известных предметах, наслаждаешься известным впечатлением. Иначе уж стало невозможно. Но от этого любовь не утратила ни на йоту силы, и чувство любви ни на йоту прелести, мысль не утратила энергии, в науке знаешь, чего ищешь, в искусстве знаешь, чем наслаждаешься; если сам производишь, знаешь, чего хочешь; когда бродишь в лесу, не ищешь наполнять его несуществующими созданиями, а просто любишь его шум и зелень — и светло, и хорошо, и ровно на сердце. Только в столкновении с фактом, которого нельзя опрокинуть, является скорбь, иных скорбей уж и не выдумашь. Утратился в чувстве, мысли и даже поступке характер беспутности... Знаешь что? Совершеннолетие юнее и свежее молодости да и энергичнее. Люди, которым хочется и беспредметно любить, и что-то творить, и что-то делать, похожи на хватов-офицеров, которые всё нюхают: нет ли кого побить — ямщика ли, другого ли кого. Да помилюйте, господа, за что же? Если у вас есть сила — производите; а если побить случится, так бейте, когда кто действительно виноват... К чему я все это говорю? Уж оно, право, старо. Да так, мой друг, последняя филиппика против романтизма.

Наташа! не обманывайся внешностью Саз(онова) и протягивай ему руку. Он, право, свежий и сильный человек. — Ну! а тебе, Александр, спасибо за новости и очерк характеров. Напишите мне поподробнее о «Миньоне» Рейхеля. Гегелианец, а надо признаться, уже давно плоше, чем казался во времена школьной диалектики. — Кланяйся всем. — Точно ли Саз(онов) едет? Я чуть ли не до ноября останусь в деревне.

Перечитал я вчера «Кто виноват?». Эта повесть на меня всегда производит сильное впечатление, она слишком близка. А знаешь ли что, Герцен? Ведь метил ты Бельтова поставить очень высоко. А между тем Бельтов — *durch und durch** ложное лицо. Бельтов — романтик и *pseudo***-сильный человек, хотя все-таки высокий человек. Бельтов — больной человек. Иначе он бы рассчитывал свою силу и объект деятельности и нашел бы среду, где бы мог развернуть ее. Хватание за разные предметы без порядка — признак романтического брожения. Я думаю, неумение отыскать самого себя в мире при огромном чувстве самобытности составляет последний фазис нашего романтизма³. Неужели мы не перейдем этот рубеж! Досадно будет. Мне ни умирать, ни замирать ни в каком отношении не хочется.

Один пензенский медик рассказывал, что когда Цезарь перешел через Рубикон, то воскликнул: *nes plus ultra!* *** К чему я вспомнил эту глупость, чёрт знает!

Ну, прощайте! Ал(ексей) Ал(ексеевич) долго собирается. Не хочется не проводить его и ужасно надо бы домой. Я уже его тороплю.

Дайте руки! Прощайте! На обороте пусть читает Марья Федор(овна). Пиши чаще, однако. Иногда одиночество тягостно, ждешь как праздника дружной речи, толчка, поощрения или иных интересов.

Желт(ухин) уехал по части получения наследства.

Печатание моей статьи отложено, не знаю до каких пор, ибо одобрение получил, а почему отложено — не знаю⁴. Поэма подвигается.

* насквозь (нем.).

** мимо (греч.).

*** дальше некуда! (лат.).

В вышеописанном расчете могут быть маловажные ошибки; я сделаю весьма отчетливую статью, вероятно, для журнала Министерства государственных имуществ, в которой уже их не будет⁵.

Наташа! Портфель мне нужен для письма, кожаный (buvag) и есть с пропускной бумагой, и чтобы в нем было место уложить сургуч, ножницы, ножичек, перо и карандаш; чтобы он был удобен для дороги и можно бы в него укладывать много бумаги. Хорошо, если к нему приделана чернилица. Надо, чтоб он запирался на замок. Величина его в лист бумаги. Переплетенной в него бумаги, кроме пропускной, не нужно. Дороже 50 р. ассигнациями дать не хочется. Не худо, чтоб был футляр или чехол.

¹ На это письмо Герцен отвечал письмом от 3 августа 1847 г. (см. V, 47—49).

² «Насчет твоих экономических теорий я не стану говорить, — писал Герцен, — потому что я плохо знаю предмет; в них мне всего более нравится яркое доказательство твоей живой и реальной природы. Быть современным, уместным, взять именно ту сторону среды, в которой возможен труд, и сделать этот труд существенным — в этом весь характер практического человека» (V, 47).

³ Повесть Герцена «Кто виноват?» была напечатана: первая часть в «Отеч. записках», 1845, кн. 12; вторая часть («Владимир Бельтов») в «Отеч. записках», 1846, № 10. Затем повесть была напечатана в приложении к кн. 1 «Современника» за 1847 г. и в том же году вышла отдельным изданием. В своем письме от 3 августа 1847 г. Герцен ответил Огареву подробным рассуждением о Бельтове (см. V, 47).

⁴ См. примеч. 2 к письму № 16.

⁵ Статья эта неизвестна, но некоторые мысли публикуемого письма нашли отражение в другой статье Огарева «Замечание на замечание г. Чихачева», которая была напечатана в № 228 «Санкт-Петербургских ведомостей» от 5 октября 1847 г.

⟨Акшено.⟩ $\frac{2 \langle 1 \rangle \text{ноября}}{20 \text{ октября}}$ ⟨1847 г.⟩¹

Через три дня я еду в Москву, caro mio. Не особенное желание выехать из деревни влечет меня, но дела. Предприятия и обороты большие; я на пути разбогатеть, а это я почитаю необходимым. Еду я за деньгами в Белоомут. Но если мне понадобится еще денег, то где взять? Вышли поскорей (если возможно) доверенность Григорию Ивановичу о размене твоих билетов и выдачу мне займа под залог одного из моих имений, находящегося в Пензенской губернии до 85 000 ассигнациями (или на серебро до 25 000). Я тебе буду платить по 8% на два года. Если ты этого не сделаешь, это будет и глупо и скверно, ибо при закладной ты ничего не теряешь, не рискуешь, а 8% > 4%. Между тем я сим оборотом могу сделать себе на 1-й год тысяч 50 доходу лишнего, т. е. которого еще не имел (а имею я не более 35), а на второй год и более. А это важно для всех моих здешних предприятий, ибо без этого их подвинуть трудно². Если Ал(ексей) Ал(ексеевич) что-нибудь тебе будет говорить про мои дела недобрительного, то (inter nos*) не верь, потому что я сроду не видывал человека нерасчетливее его, он отчасти и сам сознается в этом, но любит скрывать от себя все невыгоды по хозяйству. Почему я говорю inter nos? Потому, друг мой, что когда ему в глаза это говоришь, то его печалит и сердит немного. А если так, par un tiers**, то его самолюбие <не> слишком оскорбится. Он милый и благородный человек, но лета — Герцен! Лета и жизнь... Но об этом мы поговорим при свидании. Я своих дел от себя не скрываю. Теперь они скверны, но новые обороты мои рассчитаны верно и ни в каком случае убытку не принесут. Но без денег нечего делать. Мир экономический движется по своим законам. Если ты согласен на мое предложение, то

* между нами (лат.).

** через третье лицо (франц.).

пришли поскорей доверенность, засвидетельствованную в посольстве. Может, я и не возьму твоих денег, если добьюсь прежде, но, на всякий случай, пришли поскорей, потому что корабль мой снят с якоря, и остановиться нельзя. Тебе странно видеть меня в промышленной деятельности, мне самому странно. Но я чувствую, что я на месте покуда, и прошу верить мне ради моего чистосердечия, поддержанного просто цифирными законами. Надеюсь тоже, что вся моя деятельность не заставит тебя усомниться в моем бескорыстии, но что ты оценишь ее важность в моем положении.

Но будет об этом. Где ты? Я писал к тебе через Турнейсена, и при оном письме было еще письмо к моей жене³, с которой, не знаю, ты встретился ли; а мне очень нужно знать, где она, ибо надо послать ей денег, и не знаю куда. Писал я к тебе недель пять или шесть тому назад, а может и больше. Я все был в разъездах. Теперь опять пишу через Турнейсена, и, вероятно, ты письмо получишь к святкам. Вероятно, будешь в Риме⁴. Ал<ексей> Ал<ексеевич> туда едет. Наташа, возьми же под свое покровительство m-lle Natalie⁵. Право, стоит того, чтобы развить эту богатую натуру. Дай ей смысл к изящному, который по данным всего менее мог развиться.

Что я делаю? Немного, саго mio.хлопоты и расчеты <...>

Все же я успел вот в чем:

1) Расчеты мне стали яснее. Возможность привести в исполнение задушевные экономические проекты яснее. Тут две вещи нужны: время и деньги. 2) Поместил в газеты две статьи, из коих одну сам от души уважаю⁶. 3) Подвинул немного поэму. Авось ли к новому году кончу. — Письмо мое поместится в XI книжке «Современника». Каково! Письмо от марта — в ноябре!⁷ Я бы с тех пор десять написал, если б оно в свое время было напечатано, а теперь с трудом надо наладиться опять на тот же весьма полезный тон. — Еще готовлю в «Современник» письма в другом роде, посвященные тебе⁸.

Что же ты делаешь? Твоих писем я еще не читал, ибо к нам приходит «Совр<еменник>» ровно через 5 недель⁹.

Что ты, Наташа, делаешь? Что М<арья> Ф<едоровна> делает? Что дети? Хорошо ли вам в Италии, carissimi? И в Риме-то вы будете! Подчас бросил бы все хозяйственные занятия и уехал бы в Рим. Но нет! Теперь уже нельзя бросить. Теперь жизнь захвачена в это дело, сколько бы оскорбительных препятствий ни встречалось на пути. Голубое небо и мир искусства тревожат иногда воспоминанье, но от живой делающейся истории оторваться нельзя.

Прощайте, мои милые. Устал я что-то и не хочется писать. Чёрт знает сколько бы дал, чтоб в эту минуту, когда я становлюсь нежен, сидеть с вами и говорить с вами. Когда же вы приедете? Вот уже год как мы врозь, а развитие-то совершается наверно одинаковое.

Addio!

На обороте: Paris, Monsieur Alexandre Herzen.

Confiée aux soins obligeants
de Messieurs Thurneissen et C^o

qui sont priés de vouloir bien expédier la lettre
à Mr Herzen où il se trouve.

Chaussée d'Antin 22.

В Париж, господам Турнейсену и комп.

Почтовые пометы:

Franco. Саранск. 23 октября

Moscou. 1847. Octobre 28.

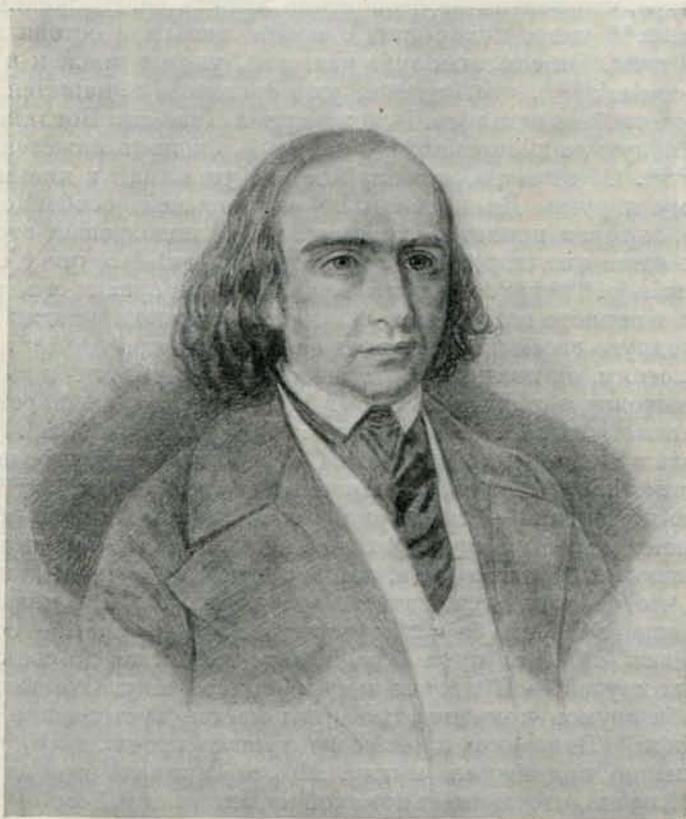
¹ Огарев ошибся, переводя дату со старого на новый стиль.

² Распоряжение Герцена о выдаче Огареву займа 25 000 рублей см. в его письме к Г. И. Ключареву от 4 декабря 1847 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 206).

³ Огарев имеет в виду письмо к М. Л. Огаревой от 17/29 октября 1847 г.; оно опубликовано (в переводе с французского) в кн.: Я. Черняк. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. М., 1933, стр. 331.

⁴ Герцен и Наталья Александровна выехали из Парижа 21 октября 1847 г. и приехали в Рим 30 ноября.

⁵ О встрече Герцена и Натальи Александровны с Тучковыми в Италии и об их совместной жизни там см. в «Воспоминаниях» Н. А. Тучковой-Огаревой (М., 1929,



Т. Н. ГРАНОВСКИЙ

Рисунок К. А. Горбунова, 1845 г., в альбоме, подаренном Огаревым Герцену
Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

стр. 64). После возвращения Тучковых на родину между Н. А. Герцен и Н. А. Тучковой завязалась оживленная переписка (см. «Русские пропилеи», т. I, М., 1915).

⁶ Первая из двух статей — это упомянутая выше (см. примеч. 5 к письму № 18 статья Огарева «Замечания на замечания г. Чихачева». Она была помещена в «Московских ведомостях» от 11 октября 1847 г. Вторая статья — «Замечание на статью „Опыт статистического распределения Российской империи“», была опубликована в «Московских ведомостях», № 116, от 27 сентября 1847 г. Об этой статье Огарев упоминает в письме к Т. Н. Грановскому от 10 сентября 1847 г. («Звенья», т. I, 1932, стр. 138).

⁷ См. письмо № 16.

⁸ Подразумевается начатый Огаревым цикл статей, озаглавленный «Письма к деревенскому жителю. Посвящено Искандеру». Неоконченная рукопись «Письма первого», обнаруженная Я. З. Черняком в архивном фонде III Отделения, впервые публикуется в наст. томе.

⁹ В «Современнике» (1847, кн. 10—11) были напечатаны «Письма из Avenue Maigny» Герцена.

Генваря 7 1848 г. Москва
Декабря 26 1847 г.

Давно, страшно давно я не писал к вам, друзья мои. Поездки, болезни и, наконец, празднштанание в Москве, вот причины *suffisantes**, хотя и неизвинительные. Прежде чем стану говорить тебе о твоих последних 2-х письмах из Рима¹, скажу несколько слов о здешних друзьях. Мы встретились теплее, нежели расстались. Грановск(ий) отделался от предрассудков, и теоретической дальности между нами не существует. Это такая изящная натура, что нельзя не бесконечно любить ее. Но жизнь его смущена. Его *pater*** умер, похоронив с собой деньги и оставя на именье неоплатимый долг. Он сам, как тебе известно, упал с дрожек и расколол себе *ossem jugularis****, что, однако, уже срослось, и, кажется, никаких дурных последствий не осталось. В то же время Лизавета Богдановна² простудилась и получила *pleuresis*****, который, сколько кажется, перешел в *phthisia******. Об этом ты, пожалуйста, не упоминай в письмах, да не попадутся ему в руки. Да и своим не рассказывай, особенно Мар(ье) Фед(оровне), которая придет в отчаяние. Он не подозревает этого, и она тоже. *Il ne le saura que trop tôt, si c'est vrai. Et peut-être que c'est une erreur. Qu'en sais-je?******. Если это правда — это сразит его, тем более, что он теперь в периоде возмужалости и действительно привязан к ней, как к истинной подруге своей жизни, *seines ganzen Wirkens******. Вдобавок ко всем несчастиям, он выходит в отставку, и весной едут оба за границу. Корш тоже выходит в отставку. Зачем? Я почитаю это рыцарством и романтизмом, хотя и уважаю. Он все тот же. Я его ужасно люблю. Кавел(ин) выходит³. Также и *Pietro Gregorio*⁴. *Pietro Gregorio* совсем дурак, с позволенья сказать: *Borniertheit******, доходящая до *Wahnsinn******. А Кавел(ин) славный юноша! — Барон⁵ смягчился, кроток и даже любящ. В нем я перемену нашел необычайную. Воздержность на язык изумительная. Он просто исправился. Должно быть, наши отношения в последний год так сразили его, что он стал одумываться. Правда, что эта перемена не всесовершенна... еще бы! Тогда барон перестал бы быть бароном, — но перемена важна. Надеюсь на этом пути помочь ему добраться до светлого верованья в своих друзей. — *Ritter*⁶ на меня наводит тоску. Сколько ни вытягивает из себя звуков покрепче, все откликается пустоозвоние прискорбное. — Васил(ий) Петрович⁷ производит худшее впечатление, чем когда-нибудь. Большие полушария мягки. Можно принять его за флюгер, тряпку и т. п., за все, что не имеет никакой консистенции. *Escolò!******
Весь отчет.

Теперь перехожу к твоим письмам. Зачем ты в «*Avenue Maignu*» не занялся политико-экономическими вопросами? Если б занялся, ты и писем бы своих в этом виде не напечатал и никак не предложил бы мне купить за 175 тыс(яч) твое имение, приносящее 7000, т. е. по 4% доходу, т. е. купить такое имение значит добровольно принять на себя бесплодную хлопотню, вместо того, чтоб оставить деньги в О(пекунском) совете. Расчет!⁸

* достаточные (франц.).

** отец (лат.).

*** скуловая кость (лат.—правильно *os jugale*).

**** плеврит (лат.).

***** чахотку (лат.).

***** Он узнает об этом всегда слишком рано, если это правда. А может быть, это и ошибка, как знать? (франц.).

***** всей своей деятельности (нем.).

***** тупость (нем.).

***** помешательства (нем.).

***** Вот он! (итал.).

Генваря 8, 1848 года ст. ст.

Какова лень! вместо того чтобы скорее и много написать, я откладывал до-нельзя и должен буду торопиться не пропустить почты. Это уже ни на что не похоже, что так долго молчу. Благодарю тебя, Герцен, за присылку доверенности и билета Григор(ию) Иван(овичу). Для моей фабрики заем мне оказался уже ненужным, потому что я получил 198 т(ысяч) с рязанских крестьян и, следственно, расплатился и пустил капитал в оборот. По всем данным и по тому, как устраивается наше бумажное производство, я рассчитываю, что на свой пай буду получать с нее 50 т(ысяч) доходу через год⁹. Устройство окончится в будущем сентябре; мастер у меня лучший в России. Он взялся руководствовать фабрикой без жалованья, но из доли, т. е. за исключением 35 т(ысяч) доходу, которые должны оставаться исключительно в пользу владельцев, мастеру будет выдаваться треть из дохода, превышающего означенную сумму. Не знаю, насколько может тебя интересовать то, что капитал дает рубль на рубль, тебя, желающего сберечь *status quo** состояния и вдобавок блуждающего по окрестностям Рима... но знаю, что меня это ужасно интересует. Я Россию считаю чем-то вроде восточной Индии, куда можно ехать обогатиться, и люблю смотреть на развитие капиталов с какой-то художнической точки зрения. Мне досадно и больно видеть капитал, приносящий 4%, мне больно видеть наши *propriétés foncières*** , которые и 4% не приносят; но оборотливость и торговля у нас не приносят менее 15%. Рассчитывать (разумеется, не мошеннически) оборот, который должен принести, напр(имер), 30% только от искусства вести его, в этом, право, есть что-то художественное.

Но не воображай, чтобы ради этой художественности я не мог представить себе, сколько должна тебя радовать иная художественность в Риме. Напиши мне *en détail****, чем ты наиболее наслаждаешься. У меня есть в Риме любимые вещи и любимые места, и я желал бы знать, тот ли же эффект они производят на тебя или нет. Если хочешь действительно помянуть меня, то отправляйся в Альбано; отправляйся оттуда к старому монастырю на другой стороне озера и побудь там сколько захочется. Или отправляйся из Albano по старой Via Appia в Arici. Чёрт знает, как все это хорошо, Герцен. Но для этого надо апрель и май, чтоб видеть в полном блеске эту природу. Отчего природа на меня производит впечатление, гораздо сильнее, нежели искусство? Этот вопрос я задавал себе часто. Личный ли вкус это, или каприз, или вообще на всех впечатление то же? Я думаю — на всех. В искусстве ты переводишь в свое сознание — сознание другого, а среди природы ты сам создаешь твое сознание о ней, и внутренняя *Wirksamkeit***** должна быть гораздо сильнее. Я больше люблю окрестности Рима, чем все его древнее и новое искусство.

На днях получил письмо от Германа М(юллера). Что за славный человек этот немец!¹⁰ Вчера пришло письмо от Тучкова. Благодарю тебя, Наташа, за сближение с ними во имя мое. Они, кажется, довольнее и лучше с тех пор, как ты влияешь на них. Пишу ко всем с сею почтою; вы передадите письмо немедля. — Говорят, Герцен, ты пишешь славную повесть¹¹. — Когда же ты назад приедешь? Мне часто ужасно недостает вас. Всего чаще, разумеется, я здесь выдаюсь с Кор(шем) и Гр(ановским), и много нам тебя недостает. Вчера оба подали в отставку.

*Ergo, c'est une affaire finie******: Гран(овский) весной едет за границу непременно. Желал бы я с ним, но в этот год невозможно. Здесь я пробуду

* существующее положение (лат.).

** земельные владения (франц.).

*** подробно (франц.).

**** действительность (нем.).

***** Итак (лат.), это дело решенное (франц.).

еще два месяца, работая в универ<ситетской> лаборатории под руководством Лясков<ского>¹². Потом отправлюсь домой. О работе и пр. постараюсь написать тебе в это время письмо длинное. Вообще ты, я думаю, от меня дней через 10 получишь длинное письмо. Многое на душе лежит, что сказать хочется. Но все это время то дела, то гульба, то очень скверное расположение духа, и потому не пишется никак.

По новейшим надобностям я, может быть, возьму у Григор<ия> Иван<овича> тысяч восемь ассигн<ациями> из твоих денег, а может и 15, если кому нужда придет, а может и ничего — собственными вывернусь. Но, на всякий случай, знай, что до 15 т<ысяч> ассигн<ациями>, может быть, возьму, а более не нужно. С М-ме Carrelle¹³ расквитаюсь на будущий год, я думаю она не сердится нисколько, что я еще год продержал деньги, которых ей некуда поместить выгодно. — Засим, прощайте, carissimi! Перестаньте хворать и наслаждайтесь, Марья Федоровна! Какой Федя славный, вы себе представить не можете. Саша тоже очень мил, я на них люблю и вспоминаю вас¹⁴.

Ну! Addio! надо писать к Тучкову. Жму вам всем руки крепко. Пишите, адресуй к Коршу.

¹ Эти письма Герцена не сохранились.

² *Лизавета Богдановна* — Грановская, рожд. Мюльгаузен (1824—1857) — жена Т. Н. Грановского.

³ Уход К. Д. Кавелина и П. Г. Редкина из Московского университета, а также уход Е. Ф. Корша из редакции «Московских ведомостей» явились результатом их протеста против недостойного поведения профессора Н. И. Крылова, которого поддерживал министр. Предполагался и уход Т. Н. Грановского (см. «Воспоминания Б. Н. Чичерина», вып. 2. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1929, стр. 60—61, 67 и др.). Этот, на первый взгляд частный эпизод был, несомненно, связан с тем неприкрытым реакционным курсом, который проводило правительство Николая I накануне революции 1848 года; оно стремилось освободить университеты от «вредного» влияния молодых прогрессивных профессоров. Отклик Герцена на это известие см. V, 178.

⁴ *Pietro Gregorio* — П. Г. Редкин.

⁵ *Baron* — Н. Х. Кетчер.

⁶ *Ritter* — Н. М. Сатин.

⁷ *Васил<ий> Петрович* — Боткин.

⁸ Ни в переписке Герцена, ни в других источниках мы не нашли каких-либо сведений о таком предложении.

⁹ Приобретение бумажной фабрики явилось заключительным этапом «промышленной деятельности» Огарева. Как и многие другие хозяйственные предприятия Огарева, тальская бумажная фабрика, купленная им в 1848 г., оказалась для него лишь источником неприятностей и финансовых просчетов. В конце концов Огарев потерял к ней всякий интерес. Пожар, уничтоживший фабрику в 1855 г., был воспринят им как своего рода освобождение от обязанностей «индустриала-мученика». «Пожар на фабрике развязал нам руки, — вспоминала Н. А. Тучкова, — беспечные, равнодушные к деньгам, мы почти радовались освобождению от дел» («Архив Огаревых», М., 1930, стр. 258).

¹⁰ О *Мюллере* см. примеч. 7 к письму № 13.

¹¹ Речь идет о повести «Долг прежде всего», первая часть которой была отправлена Герценом в 1847 г. в «Современник». Повесть по цензурным соображениям не была там напечатана и появилась в сокращенной редакции в сборнике «Прерванные рассказы» (Лондон, 1853). Публикацию первоначальной редакции см. в наст. томе.

¹² Николай Эрастович *Лясковский* (1816—1871) — с 1846 г. профессор фармакологии, ученый аптекарь Московского университета.

¹³ О долге Огарева С. Ф. Капшель см. в письме № 1.

¹⁴ *Федя* — Ф. Е. Корш. *Саша* — Александр Евгеньевич Корш (1845—1898), сын Е. Ф. Корша.

Вот, carissimi, после долгого молчания² весточка — небольшая, может быть, но, как бы коротка ни была, пусть даст вам кой-какое понятие обо мне и моей жизни. Сильно бы хотелось поговорить с вами, многое бы

пересказалось и передумалось, но видите, пока вы катаетесь по Европе, я прикован к Пензе, т. е. к деревне. В последней весточке ты мне пишешь — не живи в Пензе. Эх! саго, нельзя вырваться ближе двух лет (minimum). Надо устроить дела и совершенно обеспечить свои денежные средства. Впрочем, *sauf le respect que je dois à mon voisin**, решительно в деревне работать нельзя — душно в этой бесплодной работе. Что ни говори люди, которые



Е. В. ГРАНОВСКАЯ

Акварель К. А. Горбунова, 1845 г., в альбоме, подаренном Огаревым Герцену

На портрете дарственная надпись Герцена М. К. Рейхель: «Посылаю вам, Мария Каспаровна, портрет, хранившийся у нас двенадцать лет. Вы так любили Елизавету Богдановну — лучше же ему быть у вас. 1857. 13 мая Путней»

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

называют самолюбием и гордостью неудовлетворение маленькой деятельностью (которой результат, впрочем, = 0), я не принимаю этого упрека, и как скоро коммерческими оборотами успею разбогатеть, что здесь возможно, точно в Индии, — то откажусь от дел и успокоюсь. Съезжу отдохнуть на юг, в Крым, что ли, или не знаю куда, только нужен для моего здоровья более теплый климат. Ты тоскуешь в Европе, а я тоскую здесь; кажется результат один — тоска. Впрочем, лично я счастлив.

На днях ко мне приехали гости: графин(я) Сальяс³. Ее заботливость о моем существовании делает для меня жизнь счастливою. Она во имя

* при всем уважении к моему соседу (франц.).

мое протягивает вам руки — жмет братски. Ее приезд на некоторое время заставил меня забыть милых соседок, а отец их озабочен службой, и потому ровно 2 недели как мы не виделись. Поговорите об этом серьезно. Я намерен увидаться с ними вскоре и вытребовать, чтоб их часто отпускали ко мне, а потом *petit à petit** вытребовать, чтоб их отпустили к вам. Я к ним имею какую-то родительскую нежность, т. е. к *Natalie*, которая славное существо.

Иногда мне нельзя оспаривать ее презрение к жизни, потому что, что же, в самом деле, дает ей жизнь? Перспективу постепенно увянуть в деревне с утешительной мыслью, что мордва будет плакать на похоронах? Право, тут не за что любить жизнь. А положение почти *sans issue*** : отпа оставить жаль, а стащить его с места тоже жаль, потому что тогда он будет не на месте. Тут с его стороны огромный запас эгоизма, впрочем, понятного, — но я всеми силами стану нападать на этот эгоизм, сломя его или придется поссориться — не знаю. Прежде попробую действовать *en diplomate****; может, успею. Чувствую, что на бедных детей, как они возвратились в деревню, пахнуло мертвящим воздухом, и готов на всякую оппозицию в пользу их. Об успехах стану сообщать как можно чаще.

Вот что об них. Теперь о собственном психическом развитии. Я уже два раза менял взгляд на все происходящее и, наконец, вполне с тобой согласен. Только я больше, чем ты, верю в жизнь. Но писать лень, а свидетельствовать желалось бы: когда это будет? Весною ли или через два года — не знаю. Даже не знаю, желать ли тебе еще несколько курсов на водах, что так нужно для твоего здоровья и для Наташи, или желать тебе скорого возвращения. Не могу решить вопроса. Знаю только, что видеть тебя хочется, сказать все светлое и мрачное в моей жизни и пожить вместе — хоть здесь в деревне, что было бы для меня праздником. Светлого много в моей жизни, самые задушевные струны звучат гармонически, а вообще так мало надеюсь на полное удовлетворение всей моей человеческой целостности, что подчас страшно, а иной раз кажется, что еще доведется пожить хорошо. Я думаю, мы и в одинакой настроенности и в одинаких убеждениях. В 20-й раз замечание, *саго mio*, что наши жизни так ровно идут, что если бы нас развели на концы мира и свели бы через чётр знает сколько лет, мы всё же нашли бы, что одинаково перешли одинакие ступени и очутились у тех же результатов.

Теперь запрос: твой несноснейший белый галстук и тупейший формалист Ключарев писал к тебе письмо; разрешай ему поскорей (доверенностью) выдать мне деньги под крепостное заемное письмо; мне необходимо, и надеюсь, что ты не усомнишься, что я у тебя гроша не промотаю. В том немногом, что потрачено для нашей семьи, мы сочтемся при свидании.

M-me Carrelle я заплатил весь долг; но теперь нужны деньги для оборотов дозарезу. Год трудный, но выбарышничать можно много.

Разрешай скорей, чтобы не упустить времени.

*Agiotage***** при известных условиях места и времени, когда больше делать нечего и иначе никто не делает, впрочем честный *agiotage*, т. е. дешевая покупка и дорогая продажа, — необходим, ибо иначе будешь бесполезно глуп.

Ну! прощайте, *carissimi*, целую вас всех, от мала до велика. Вскоре напишу больше и лучше. Если нужно будет писать что-либо особое к *Natalie*, то присылайте на мое имя в *Saransk*, т. е. просто на мое имя, а я уж передам.

Addio. *N i c o l a s*

* мало-помалу (франц.).

** безвыходное (франц.).

*** дипломатично (франц.).

**** биржевая игра (франц.); здесь в значении: «стремление извлечь барыш».

миром, сравнение может *stattfinden**. Пожалуй, изучай древний мир, оно может быть приятное препровождение времени. Да что же сделаешь из этого занятия? Выведешь закон повторений Вико?² Да что же проку в этой сравнительной анатомии истории? Ведь все же данные другие. Тип человечества сохраняется во всех проишествиях, как сохраняется тип животного во всех породах. Но, приняв это за вечную истину, я лучше люблю исследовать все данные новейшего организма. Об этом много можно говорить. «*Contradictions en économie politique*»*** навели меня на ряд мыслей, которые мало-помалу придут в порядок. Работы ужасно много, друг мой! С сожалением смотрю на трату времени, которая необходимо связана с жизнью. Не лениюсь, но каждый момент страшно дорог. Я недоволен своим существованием, однако работаю насколько могу. В продолжение 2-х или 3-х лет надо кучу вещей передумать и сделать. А после этого я не намерен оставаться в деревне, так <же> как до тех пор не намерен почти выезжать из *оной*, и, кроме занятий, составляющих самый внутренний запрос, намерен нажить много денег, находя, что на этот счет Русь представляет Индию. Благодарю тебя за 25 т<ысяч> сер. Я их получил, и все сделано по форме. Надеюсь в два года не погибнуть и расквитаться с тобой совершенно. Ты меня совсем поставил на ноги. Год этот в хозяйственном отношении страшно труден, и без твоей помощи при всех предпринятых делах я мог сесть на мель. Спасибо...

С сею почтою посылаю 1000 пелков<ых> m-me Og<areff>. Ты про нее пишешь, что она попрежнему представляет бочку дегтю и ложку меду и наоборот; я нахожу, что все женщины в мире то же представляют, кроме двух Наташ⁴. А две Наташи я чётр знает как люблю. Здешней Наташе жить довольно плохо. Ал<ексей> Ал<ексеевич> сидит верхом на приличиях, созданных по уездному покрою; я с ним на этот счет имею переписку. Он немножко подался, но все это бесплодно. Вероятно, и не раз случится с ним об этом поспорить, но все бесплодно.

Я примирился с Нат<альей> Апол<лоновной>⁵, вижу в ней просто хотя и глупую, но несчастную женщину. Ал<ексей> Ал<ексеевич> с нею просто задорен: в нем бездна мелкого самолюбия и мелкого деспотизма. Но я гляжу на него почти *sine ira****, как на огромный капитал, растраченный в мелочной торговле. Не знаю, чем помочь детям. Выход им отчасти будет только, когда вы, *carissimi*, воротитесь сюда. Наташа! а Наташа-*Consuela*⁶— чудесное существо. Если я когда-нибудь выхожу из чувства глубочайшего одиночества, это только с ней, и она для меня с каждым днем становится необходимой. Когда вы воротитесь, приезжайте прямо ко мне. Захватите профессора *in spe*****⁷, и тогда все будет со мною, что я люблю. Больше мне никого лично не надо. Каково ограничивается горизонт сердца, когда взгляд становится беспощадно ясен! И не то, чтобы я не любил прочих; люблю и рад им, да не составляют они того, без чего мне жить нельзя. Я, впрочем, боюсь сродниться с чувством одиночества; Hang***** имею к этому. Минута, в которую мы таким образом здесь съедемся, будет лучшею в моей жизни.— Ну! чем же я еще занят, спросишь ты. *Naturwissenschaft******— это тоже Hang. Может, я под конец жизни, *sano mio*, сделаюсь специалистом.

Читал ли ты в «Современнике» статью Грановского?⁸ Вот тебе для сравнительной анатомии истории живо написанная статья. Вообще он с того времени, как вы расстались, развился и стоит совершенно по сю сторону.

* иметь место (нем.).

** Противоречия в политической экономии (франц.).

*** без гнева (лат.).

**** в будущем (лат.), т. е. будущего профессора.

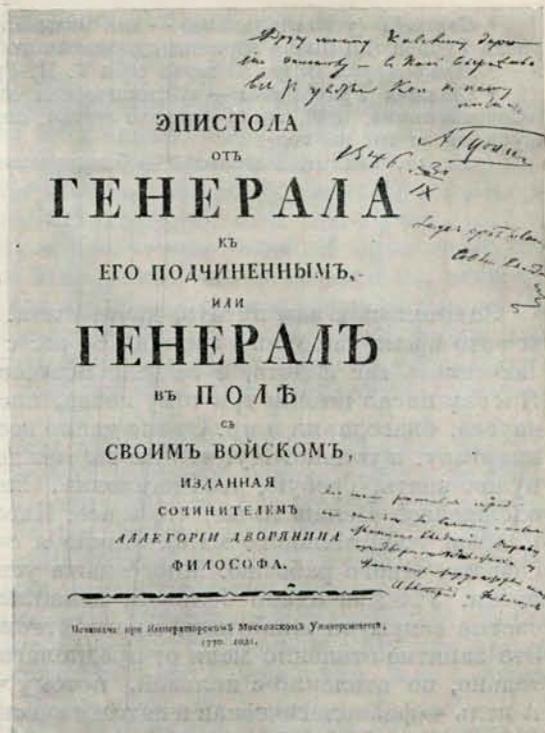
***** склонность (нем.).

***** естествознание (нем.).

КНИГА ДМИТРИЕВА-МАМОНОВА
«ЭПИСТОЛА ОТ ГЕНЕРАЛА...»
С ШУТОЧНЫМИ НАДПИСЯМИ
ГЕРЦЕНА И ОГАРЕВА

Ручкой Герцена: «Другу моему Кавелину дарю сию эпистола, в коей выражены все те чувства, кои к нему питаю. А. Герцен. 1846. 30. IX. Legar epistolam! совет Константину». *Ручкой Огарева:* «Кавелин решил передать его эпистола в вечное и потомственное владение Огареву, из дворян коллежскому регистратору, который сам Аллегория и Философ»

Историческая библиотека, Москва



Да, кроме того, люблю я его женственность; все вместе делает из него благородную и изящную личность. Ужасно люблю его.

Наташа! вот тебе письмо от Наташи. Пиши к ней через меня. Доставка наверное не будет замедлена. Адрес мой тот же.

Прощайте, carissimi. Крепко жму вас к сердцу. Нужно вас видеть и кажется, что нужно видеть здесь.

Да! Сашку целую в лоб и желаю, чтоб этот лоб был хорошо организован. Скажи ему, Наташа, что Беннет спился, а Нонче умер, а Кортик стоит на стойле; а собака у меня новая и называется Минна.

Ну! Кланяйтесь всем. Addio!

Микроскоп привези или пришли. Деньги на этот счет затрать за меня. У меня все же нет денег. Твой капитал рассорти<ро>ван так, что все же до будущей осени будет голодно.

Посылаю Марье Львовне письмо, в котором извещаю ее о высылке 1000 р. сер. от Колли и Редлиха. Анвелопа* будет тоже на твое имя к Ротшильдам⁹. Извини за комиссию, боюсь, чтоб как-нибудь не залежались где-нибудь деньги, и скажут, что я, дескать, не кормлю и не пою.

Ну! Прощайте совсем, дайте еще раз руки.

¹ В письме к Огареву от 17 октября 1848 г. Герцен, говоря о своем разочаровании в Западной Европе, писал: «Я думаю, кончится тем, что я поселюсь где-нибудь между Яхонтовым и Старым Акшеном...» («А. И. Герцен. Новые материалы», М., 1927, стр. 63).

² Джованни-Баттиста Вико (Vico, 1668—1744) — итальянский философ, юрист и историк, создатель антинаучной «теории общественного круговорота», развитой в его главной работе «Принципы новой науки».

³ Огарев, несомненно, имеет в виду книгу Прудона — его главный экономический труд «Système des contradictions économiques, ou la Philosophie de la misère» («Система экономических противоречий, или Философия нищеты»).

⁴ Две Наташи — Н. А. Герцен и Н. А. Тучкова.

⁵ Нат<алья> Апол<доновна> — Тучкова, рожд. Жемчужникова (1802—1894), жена А. А. Тучкова, мать Натальи Алексеевны Тучковой.

* Конверт (от франц. «enveloppe»).

⁶ *Consuela* (утешительница) — так называла Н. А. Тучкову Наталья Александровна Герцен (по имени героини одноименного романа Жюль Санд).

⁷ *Профессором in spe* называл себя Т. Н. Грановский (см., напр., III, 236).

⁸ *Статья Грановского* — «Историческая литература во Франции и Германии» («Современник», 1848, кн. 11 — вторая статья; первая была напечатана в первой книге журнала за тот же год).

⁹ *Колли, Редлих, Ротшильд* — банкирские конторы.

⟨Акшено.⟩ 3 января 1849 г.
22 декабр[я] 1848 г.

Захотелось к вам писать, друзья мои. От вас давно не было писем, а я все это время так много говорил об вас с *Mlle Natalie*, что вот страх как захотелось вас видеть, а за невозможностью, по крайней мере, писать. Я к вам писал недели три тому назад, писал, что деньги получил от Ключарева, благодарил и пр. От вас давно вести нет. Знаем, что вы переменили квартиру, и только. Ну! что же вы там делаете на новой квартире? Очень нужно знать. Требую, чтоб написали. Сказать вам, что я делаю? Сделайте одолжение! Делаю то же, что и все. Иногда мне хорошо, иногда скверно. Вообще утешительного мало. Лично я счастлив. Больше ничего не могу сказать. Много работаю. Много даже успел по части физиологии и патологии. Уход за одной больной, деланный с великим усердием к науке, частые вскрытия животных, много чтения подвинули меня не на шутку. Это занятие отвлекло меня от предполагаемого занятия химией исключительно, но отвлекло с пользой, потому что никак не отдалило от цели. А цель — физиологическая и патологическая химия. Еще год, два, и я убежден в прочной специальности. Разумеется, специальность не может быть развешена с энциклопедическим направлением. Но в этой специальности меня все привлекает — и самый предмет, и то, что она самый крепкий бич романтизма. Политико-экономические задачи также не улетучиваются *ins Blaue hinein**. Вообще голова моя работает, и сердцу тепло. Одно только: холод, снег, какая-то косность этой жалкой природы, которой не в силах преодолеть, навевает часто гнетущую скорбь. Нет! как хочешь, *sage mio*, а тебе должно быть лучше.

Перейду к другому предмету. *Mlle Natalie*, которую я люблю чётр знает как и которая составляет здесь мою единую отраду, страдает она, вот что. Почему? Да потому, что жить скверно. К Ал⟨ексею⟩ Ал⟨ексеевичу⟩ я теряю с каждым днем уважение в его семейных отношениях. Мелкий, тупой эгоизм (вдобавок бесхарактерный), домашняя тирания — вот Grundton** его жизни. Я, наконец, объясняюсь напрямик с ним, но он пускается в иеремиады, а толку из этого никакого. Досадно! злоба во мне разыгрывается. Уж я же его со временем доведу, потому что нахожу, что лучше, чтоб он удавился, нежели, чтоб дети удавились. Я не могу передать всей злости, которой он меня наполняет; подчас дрожь берет, когда вспомнишь о тупоумных, мелких, узких, неконсеквентных***, жалких поступках этого человека, который всегда находится в борьбе своей благородной точкой отправления, булавочным эгоизмом и страхом потерять наше уважение. Скверно это!

Наташа! *Mlle Natalie* ужасно желает иметь от тебя письмо. Сама не захотела теперь писать и велела только послать тебе листок плюща, который при сем препровождаю. Напиши к ней, адресуй письмо ко мне. Право! ужасно жаль этих юношей, полных жизни и надежд и которым, право, остается выбор один: уйти или умереть¹. Приезжай сюда и увези

* в голубую даль (нем.).

** основной тон (нем.).

*** непоследовательных (от лат. «consequentis»).

их с собой с его согласия или без оногo. Больше я ничего не могу придумать. А вдобавок сегодня Natalie ко мне пишет, что весной m-lle Michel приедет. Чёрт знает что такое!²

Тата была больна³. Это меня беспокоило; мне об этом сообщила m-me Ogareff, к которой я послал через тебя письмо и денег 1000 р. сер(ебром). M-me мне пишет письма весьма экстравагантные и влюбилась в тебя, Наташа. Чего на свете не бывает! Мое мнение о ней все более и более подтверждается: она im Grunde* хорошее существо, но мозг перепутан.

Если вы думаете, что я напишу много, то ошибетесь. Я хотел много писать, но теперь расхотел, а желаю выбарышничать от вас письмо, поэтому и пошлю сие малое послание. Я все это время страшно был болен, опять призопалия <?> Только первый день совсем не чувствовал боли. А боль эта самая нестерпимая на свете. Лечусь прилежно, хотя и без доктора; к счастью, после многих попыток и соображений нашел лекарство, которое меня излечило.

Странное дело! Я сам и все люди получают для меня значение патологических субъектов. Боюсь впасть в односторонность. M-me Sailhas, которая еще гостит у меня, но на днях уезжает⁴, совершенно разыграла для меня роль самого интересного патологического субъекта. У нее чахотка. По этому случаю я в два месяца перечел больше, чем в 2 года, и много действительно понял. Только химико-патологических наблюдений — главной цели моей — не смыслю еще делать. Учусь аускультировать**. Когда здоров, занимаюсь в своей больнице. Через год перееду в Москву и буду ежедневно в клинике Екатерининской больницы при всех вскрытиях.

А теперь недели через две перееду к Ал(ексею) Ал(ексеевичу), конечно, не для него. Впрочем я с ним не желаю рассориться и сохраню вид дружбы, а может и самую дружбу, потому что он все же во мне действительно больше возбуждает сожаления о безумии, чем ненависть. Я боюсь с ним поссориться, потому что здесь я необходим для Natalie и она для меня.

Засим прощайте, carissimi; целую Сашку и очень желаю его видеть. Выезжу для него лошадь, если он приедет. Жду от вас письма и с нетерпением великим. Если долго не придет, то сам напишу скоро. Веселитесь на новый год.

Сегодня — 20° и славная месячная ночь. Грустный, но изящный вид.

Carissimi! а ведь я создан наслаждаться жизнью. Прощайте! Обнимаю вас всех и целую, даже и вас-с, Наталья Александровна, с вашего позволения-с.

Кланяйтесь всем, кому хотите.

Микроскоп не забуду.

¹ Огарев имеет в виду Н. А. и Е. А. Тучковых. Одновременно с этим письмом было написано и письмо к Н. А. Тучковой, в котором Огарев в полный голос говорит о своем чувстве («Русские пропиеи», т. IV, 1917, стр. 50). Через несколько дней Огарев пришел к мысли о необходимости брака с Н. А. Тучковой и в письме к ней от 4 января, написанном на русском языке, вставил многозначительную французскую фразу:

«M-Me Consuela! если бы мне удалось развестись с моей женой, нам надобно обвенчаться; тогда ваш отец был бы спокоен, а вы были бы совершенно свободны...» (там же, стр. 74, пер. с франц.).

² И Герцен и Огарев резко отрицательно относились к гувернантке Тучковых m-lle Michel.

³ Дочь Герцена — Тата в декабре 1848 г. серьезно заболела. Об этом см. в пятой части «Былого и дум» главу «Тифоидная горячка», а также в письме Герцена к П. В. Анненкову от 6 декабря 1848 г. (V, 249).

⁴ Е. В. Салиас уехала из Акшена в середине января 1849 г.

* в основе (нем.).

** выслушивать больного (от лат. «auscultatio»).

⟨Акшено.⟩ 3 февраля ⟨1849 г.⟩

Вместо длинного письма в ответ на твое длинное¹, *саго тшо*, я могу только написать несколько слов. И не очень хочется писать, и некогда. А опаздывать отправкой сих посланий не могу. На днях еду в П⟨е⟩т⟨е⟩р-б⟨у⟩рг² и потому адресуй письма в контору Языкова³. Из наших писем к Наташе узнаешь многое. Рекомендую и тебе *discretion** и осторожность. Я Ал⟨ексеем⟩ Ал⟨ексеевичем⟩ в последнее время более доволен. Он поступает недурно; а некоторые исторические предрассудки нельзя не простить и не уважить, когда весь род человеческий почти à l'unanimité** их уважает. Пожалуйста, если будешь желать быть мне полезен в Париже, то веди себя с расчетом.

Из твоего послания мне сдается, что, увлекаясь сравнительной патологией, ты ждешь второй миграции для спасения людской породы. Изволь: я, пожалуй, признаю сравнительную патологию в истории, но тогда сделай и ты мне уступку и займись патологической анатомией древнего мира. Укажи мне, где его дикие, но здоровые варвары в наше время? Я их не вижу. Потом: когда древний мир умирал, из него вырабатывалась новая задача — романтизм, штука, имеющая почву *in excelsis****, а задача нашего больного — реальнейший реалитет. Ergo, и внутренние элементы болезни, и реакции организма, и внешние географические условия совсем иные. Сходство только в общем признании патологического факта. Для спасения больного никакого нет средства, кроме реакции его собственного организма против болезни. А так как другого средства нет, то поневоле надо согласиться, что больной должен выздороветь, потому что вечных болезней нет, а смерть в этом случае невозможна. Я думаю, ты слишком вразброд смотришь на факты и не замечаешь деятельного принципа выздоровления, который, очевидно, находится в ходу.

Вот тебе и всё. Больше говорить не хочется. В Петербурге займись патологической анатомией и химией прилежно. Ты находишь, что я юн в 35 лет⁴. И да, и нет! Во всяком случае, бодр и *не разочарован*. Люблю отдавать каждому чувство, факту и человеку достойное и, раз оценив, храню или бросаю, нисколько не теряя веры в лучшие стороны жизни.

Прощай! Крепко обнимаю тебя!

Когда волна вынесет: или ты будешь — увидимся мы в Мордасах, или в Bellevue.

P. S. Хочу писать биографию Ильи Вас⟨ильевича⟩ Селиван⟨ова⟩⁵, которая начнется так: «Ил⟨ья⟩ Вас⟨ильевич⟩ С⟨еливанов⟩ родился в 18... году от рязанских, но благородных родителей».

Никол⟨аю⟩ Иван⟨овичу⟩⁶ стану писать из Петербурга.

Юману, пожалуй, заплати, да если уже ты в такой охоте платить портным, то заплати и за меня *Vlaiz* 600 франков.

Целую тебя за микроскоп. Вещицы к нему прикупи же. Кстати закажи мне отличный стетоскоп и плессиметр. Надеюсь, что все это вышлепшь к Языкову. Я бы нынешнее лето шибко поработал.

¹ «Длинное» письмо Герцена до нас не дошло, и поэтому те суждения Герцена о «сравнительной патологии в истории», о которых пишет Огарев, остаются неизвестными. Публикуемому письму предшествует совместное письмо Огарева и Н. А. Тучковой к Герцену и Наталье Александровне от 2 февраля 1849 г., в котором Огарев сообщил им о своей любви к Тучковой. Огарев писал: «... выхода два — просто уехать или вступить в легальные пути развода и женитьбы. Первое проще и откровеннее, но все же должно оскорбить отца и друга. Второе лучше по всей обстановке отношений с близкими и не близкими людьми. Если б М⟨арья⟩ Л⟨ьвовна⟩ была иного вероиспо-

* сдержанность (франц.).

** единодушно (франц.).

*** в небесной выси (лат.).

ведания или позволила бы мне беспрепятственно искать легальной сепарации в мою пользу (а для нее это должно быть довольно все равно), то дело можно привести к концу (...). Похлопочи весьма осторожно около М(арьи) Л(ьвовны) и напиши мне как можно скорее, адресуя в контору Языкова для передачи мне...» («Русские пропилей», т. IV, стр. 83).

² Огарев с Н. А. Тучковой приехали в Петербург 20 февраля 1849 г.

³ Михаил Александрович Языков, петербургский приятель Белинского, совместно с Н. Н. Тютчевым содержал «комиссионерскую контору».

⁴ В письме от декабря 1848 г. Герцен писал Огареву: «Большое счастье, что ты переживаешь теперь вторую юность» (V, 251).

⁵ Об И. В. Селиванове см. примеч. 8 к письму № 9.

⁶ Никол(ай) Иван(ович) — Сазонов.

25

Петербург, $\frac{\text{марта } 7}{\text{февраля } 23}$ <1849 г.>

Вот мы уже здесь четвертый день, кажется, т. е. я и Наташа, Ал(ексей) Ал(ексеевич) и пр. ... Пишу к вам на скорую руку, carissimi, потому что есть случай завтра. Главное о деле: во-первых, вы не смейте выезжать прежде чем покончите в Париже наше дело¹. Во-вторых, по сведениям, которые я собрал здесь, нужно будет, чтобы Марья Львовна выслала мне свидетельство о болезни, препятствующей продолжению брачных отношений, что именно надо — о том я напишу дней через пять или шесть. Это надеюсь не подвергнет ее никакой инфамации, тем более, что впоследствии она может доказывать выздоровление, но совершенно устраивает мою жизнь, потому что снимает препятствие к браку с Наташей. Материальное же обеспечение Мар(ьи) Лъв(овны) будет состоять в том, что я тотчас же продам имение и выплачу ей долг немедленно. Вот на что вы должны ее уговорить. Я убежден в ее благородстве, т. е. в том, что она не захочет помешать мне жить, тем более, что такая помеха не устроила бы и ее жизни. Приготовьте ее так, чтоб, когда я напишу подробно о том, что нужно (т. е. через 5 или 6 дней), она согласна была бы всё выслать.

Друзья наши, полагаюсь на ваше красноречие и деятельность.

Carissimi! Дайте нам возможность основать без arrière pensée*, раскаяний личное счастье, и я еще верю, что в нас лежит достаточный запас сил, чтоб развернуться вопреки всем скорбям на свете.

Вот все, что могу сказать об этом, Герцен! Работай же изо всех сил. Я на тебя надеюсь. Отвечай скорее, адресуя в контору Языкова для передачи мне.

Теперь о другом. Тебя ждут сюда. Многие друзья говорят, что это необходимо, иные потому, что хотят тебя видеть, другие потому, что права мирного, третьи потому, что в хозяйственном отношении думают, что ты примешь деятельное участие в уваживании туго производящей почвы. Я принадлежу к первым; но, вспоминая блаженной памяти Ивана Федорыча², который все еще жив, часто думаю: так-то так, да вон-то как? Предоставляю тебе самому подумать.

Ты, верно, хорошо знаком с Ротшильдом; что ты его не спросишь, как у него ходят наши ломбардные билеты, неизвестные или именные с бланковой или передаточной надписью (что все равно)?..

Мне бы хотелось узнать ценность наших фондов за границей, на этом можно спекулировать.

В Москве я нашел друзей, более или менее унылых.

Евгений³ ожидает со дня на день четвертого ребенка. Профессор⁴ попал в ординарные, но человек он экстраординарно хороший. Он много развился, и мы с ним совершенно душа в душу. Здесь тоже все довольно уныло. Один Костя⁵ представляет из себя неунывающую юность, работает, восхищается бездельцами, возводя их значение в степень *m*. Он утешительное

* задней мысли (франц.).

явление, впрочем, и нельзя его горячо не любить. Ritter⁶ здесь играл и проигрался. Иван Иванович⁷ бредит неблагопристойностями и врет

Отменно мило и умно,
Что ныне несколько смешно⁸.

У Языкова умерла дочка. Он плачет и сквозь слезы забавно врет. Хром — а счастливая организация.

Скажи Николаю Ивановичу⁹, что без доверенности я к его делам приступиться не могу. Шутит он, что ли, или до такой степени дитя, что этого не понимает?

Литература хромает. Хоть сам Блинов¹⁰ пиши, а все-таки не пройдет хромогий! Нет ему места на страницах «Современника».

Вот вам всё вкратце — спешу лечь спать.

Наташа не пишет оттого, что не до того. Ал<ексей> Ал<ексеевич> поступает как нельзя лучше, даже лучше, нежели я ожидать мог.

Дайте руки, carissimi. Пишите же как можно скорее. Ждать некогда.

Вообще мне прискорбно и скверно жить. Но сердцем я полон и живу десять жизней в минуту.

Должно быть, мы где-нибудь в Данциге встретимся.

28 февраля

Письмо это залежалось, потому что случай был отложен до сегодня. Итак, оно пойдет сегодня. Пишу наскоро. Сколько ни хлопотал, не мог хорошенько добиться толку, но, кажется, дело будет основано вот на чем. М<арья> Л<ьвовна> должна прислать свидетельство о болезни, препятствующей продолжению брачных сношений. Какое это свидетельство, я пришло, вероятно, на днях подробное сведение. Но вы приготовьте, ее, чтоб тотчас было подписано, что нужно. Я ей тогда сам напишу. Ждать некогда, я надеюсь, что она не мешает мне жить.

Именье я продаю и тотчас расплачиваюсь с долгами. Вот в чем дело! Друзья! Хлопочите за нас. Мы вас обнимаем крепко.

Еще скажу тебе откровенно и обдуманно, хлопочи о курсе именных билетов с бланковой надписью у Ротшильда.

¹ Наше дело — переговоры с Марьей Львовной Огаревой о разводе.

² Повидимому, Огарев имеет в виду И. Ф. Паскевича (1782—1856) — виднейшего проводника контрреволюционной и завоевательной политики Николая I, члена Верховного суда над декабристами, свирепого усмирителя в 1831 г. польского восстания. Этой фразой, имеющей, конечно, свой «тайный» подтекст, Огарев предупреждает Герцена об опасности возвращения в Россию.

³ Евгений — Е. Ф. Корш.

⁴ Профессор — Т. Н. Грановский.

⁵ Костя — К. Д. Кавелин.

⁶ Ritter — Н. М. Сатин.

⁷ Иван Иванович — Панаев.

⁸ Неточная цитата из главы восьмой «Евгения Онегина».

⁹ Николай Иванович — Сазонов. Повидимому, он просил Огарева произвести с его имуществом в России какую-то денежную операцию. Это письмо Сазонова не сохранилось.

¹⁰ Кого здесь имеет в виду Огарев — неясно.

<Петербург. Февраль—март 1849 г.>¹

Прилагаемое письмо и вексель доставь Марье Львовне². Жду от тебя вести и не дождусь. И хорошо жить вообще, но иной раз нестерпимо уютительно. Пиши скорей.

Еще я тебе должен ответ<ить> на нападение за мои занятия медициной. Ты говоришь, что это наука абнормитетов. Вот с этим воззрением я прямо не согласен. Это наука известных норм, и только. Конфликт извест-

ных влияний вызывает в организме определенный тип реакции. Разве это Abnormität?* В таком случае и химическое разложение кристалла абнормитет? Неужели ты с этим не согласен? Да, наконец, что подвигает физиологию, как не патологические опыты?

Защитив в сих коротких словах медицину, советую тебе почитать «Патологию» Генле³ («Handbuch der rationellen Pathologie von Henle»**. Braunschweig. 1847). Засим прощайте, carissimi. Наташа вас обнимает.



НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

Акварель В. С. Садовникова, 1850 г.

Музей истории и развития Ленинграда

¹ Приблизительная дата письма определяется его содержанием: написано оно, несомненно, после января 1849 г. («Наташа вас обнимает») и до того как переговоры Герцена и Натальи Александровны с Марьей Львовной пришли к неудачному концу.

² См. примеч. 1 к письму № 25.

³ Фридрих-Август Генле (Henle, 1809—1885) — немецкий физиолог, анатом и патолог, профессор Гейдельбергского университета.

Вот мой план, друзья мои, в успехе которого я уверен. М<арья> Л<ьвовна> должна написать мне официальное письмо, в котором откажется ехать

* отклонение от нормы (нем.).

** «Справочник рациональной патологии Генле» (нем.).

в Россию по причине болезни и придет свидетельство тамошнего медика. В письме она должна упомянуть о том, что ее и в России лечили, т. е. сказать, что не возвращается в Россию *pour cause de maladie qui a été traitée infructueusement par les médecins en Russie et en France**, что *pour cette cause*** она *не может и не желает* возвратиться. Пугаться этого ей нечего, потому что ведь это не клятва какая-нибудь. Спустя некоторое время, когда здесь все будет кончено, ничто не помешает ей возвратиться, если она захочет. Но теперь официально должно быть сказано, что она *не хочет* возвращаться. Прилагаю нужное свидетельство от тамошнего медика. Я думаю, тебе легко хлопотать это, и ты не пожалеешь для меня расходов. Из свидетельства ты увидишь, что я буду просить о разводе вследствие невозможности супружеского сожительства по болезни жены и представлю свидетельство, которое подтвердится кем-либо из здешних медиков, *когда-то ее лечивших*. Ей же пошлетя запрос о действительности всего этого и церковное уговаривание о неразрыве брака. На уговаривание она ответит отрицательно, и тогда здесь дело тотчас покончится. Друзья мои, уговорите ее. Что же нам делать, если вся эта проделка, для нас равнодушная, необходима для того, чтобы не увезти на совести отчаянные отца? Хлопочите, друзья, да еще поскорее, потому что *жизнь наша имеет здесь такие трагические стороны, что их долго выносить сил не хватит*.

Пожалуйста, Герцен, сочини сам официальное письмо от М⟨арья⟩ Л⟨ьвовны⟩ ко мне, а неофициальных по этому предмету *по почте* чтоб она *отнюдь* не посылала; этим можно бы всё сгубить.

Ты получишь вдруг два письма, из первого увидишь мое мнение о твоих делах.

Прилагаю письмо к М⟨арье⟩ Л⟨ьвовне⟩.

Прочти, уговаривай, действуй. Но как можно скорее. Здесь жить невыносимо, дорого, а уехать нельзя до окончания дела. А нам надо быть вместе (т. е. мне и моей Наташе), а *due**** надо и по внутреннему влечению и во избежание обстановки, которая мучит. Когда все кончится, мы с вами увидимся. Действуйте скорее, друзья.

Смотри, чтоб свидетельство медика нисколько не отклонялось от данного.

Для большей достоверности, чтоб вы чего-нибудь не переврали, посылаю *pour copie conforme***** письмо, которое М⟨арья⟩ Л⟨ьвовна⟩ должна написать мне с приложением свидетельства. Но высылайте же немедленно. Адрес мой: контора Языкова.

Ал⟨ексей⟩ Ал⟨ексеевич⟩ хотел сам писать к тебе обо всем этом, но он нездоров 2-й день. Его поведение с нами и хорошо и нехорошо. Тем это грустнее. Он не может решиться быть против и боится дать волю. Он становится жалок, и это тем хуже, потому что ставит в невозможность вступить в откровенную борьбу, и мучит непрерывно. Ради дружбы, друзья, работайте поскорее.

Вчера пришли ваши письма, друзья мои, ваши симпатичные письма. Я плакал, как ребенок, читая их, оттого, что я так полон моей любовью

* из-за болезни, которую безуспешно лечили врачи в России и во Франции (франц.).

** по этой причине (франц.).

*** вдвоем (итал.).

**** буквально: «с подлинным верно»; здесь в значении: «для составления точной копии» (франц.).

к Наташе, что ваше симпатичное слово быстро должно было меня растрогать.

Обнимемтесь же крепко все, с полным сознанием, что есть личные связи, от которых светло и тепло на свете, и есть в жизни приют, где можно отдохнуть от всего горького и враждебного. А этого горького и враждебного страшно много. Оно мешает свободно дышать на улицах, оно теснит дома в форме родительской власти и приличий. Тысячи Rücksichten* томят ежеминутно, а все же хорошо жить. Rücksichten у нас тем более удручительны, что Ал(ексей) Ал(ексеевич) скорее уныл, чем настойчив; он жалок, и злость пропадает при виде его, и нет силы до конца разорвать, т. е. просто разорвать всю эту сетку нелепых приличий. Твое письмо привело его в совершенное уныние, я предчувствую кучу замедлений, нерешительностей и пр., но я далее мая, много июня, не желал бы медлить.

Если ты увидишь, что m-ше согласится, то высылай поскорей всё, что я требую в предыдущем, здесь прилагаемом письме. Если же увидишь, что она не захочет, то ты все-таки поговори с ней, но письма моего ей уже не отдавай¹. А во всяком случае отвечай как можно скорее. Медлить грустно, скучно, тяжело. Если m-ше не согласна, то мы уедем к вам, и я пойду заниматься теологией в Германии, что мне дозволит, по требованию Ал(ексея) Ал(ексеевича), вступить в легальные формы иного порядка. Но, повторяю, для большего утешения Ал(ексея) Ал(ексеевича) я бы желал, чтоб m-ше согласилась. Во всяком случае, я пока шибко займусь своими делами. Отвечай, если можешь, на другой день по получении этого письма.

Да! Наташа моя действительно находится с нами в совершенном уровне. Да вы, я думаю, все же, менее ее знаете, чем я, она даже хорошо сердится, хорошо нетерпелива. Я юнею, когда вижу и чувствую, как живо и молодо в ней возбуждает гнев какое-нибудь тупое притеснение. Я боюсь, что я стар. Я смотрю с большой холодностью и презрением на все мелочи домашнего тупоумия и редко пускаюсь в схватки, потому что схватки между им <и> мной уже слишком серьезны. Но изо всего этого ты можешь заключить, что надо спешить. Мне тяжело, а ей еще тяжелее. Чёрт знает! Это меня мучит страшно, и жаль мне его, и досадно, и горько, и смешно.

Преглуное отношение. А кажется так дело просто, взял бы мою Наташу да и уехал бы. О помешательство!

Насчет Ник(олая) Ив(ановича) я писал в предыдущих письмах; я ничего не могу делать без формальных бумаг. Если он может прислать доверенность, то чтоб она была с правом передоверия.

¹ Повидимому, к этому же периоду, к весне или лету 1849 г., относится и письмо Огарева к Герценам, опубликованное в «Русских пропилеях», в котором Огарев пишет:

«Я не так скоро поторопился вас успокаивать, друзья мои, потому что что-нибудь хотелось сказать дельного; но все заботы и хлопоты еще так малорезультатны, что нечего писать, кроме того, что мы с Natalie никогда не отстанем друг от друга. Столица северная нам дорога и холодна, переедем на время в другую. А вы-то, счастливицы, собираетесь в Женеву, мое любимое место. Я рад за вас: это мирный уголок, куда весело приехать семьею и жить про себя. Так бы к вам хотелось! А вы об нас не беспокойтесь, друзья мои! Живы мы и веселы и надеемся, что вы скоро к нам вернетесь и что мы весьма скоро увидимся. Жму руку всем; будьте здоровы!» («Русские пропилеи», т. 4. М., 1917, стр. 88).

Переговоры Герцена и Натальи Александровны с Марией Львовной не привели ни к чему: она категорически отказалась дать развод. Н. А. Герцен писала Огареву: «...никакой нет надежды, решительно нет, что-нибудь сделать auprès de M-me, мозг ее расстроен окончательно, неудовлетворенное самолюбие принимает различные

* условностей (нем.).

формы, иногда весьма благородные, наивные даже, но остается все-таки самолюбием к тому ж ни минуты трезвой; она кричит о своей любви к тебе, но не сделает ради ее ничего...» («Русские пропилеи», т. I. М., 1915, стр. 264). Отклик на это Герцена см. V, 256.

29

⟨Учь-Чум.⟩ $\frac{17}{5}$ июля ⟨1849 г.⟩¹,

Вы, верно, не знаете, carissimi, местечко Учь-Чум, а на карте его не сыщете. А между тем это одно из самых лучших мест в мире, лежит в горах, окружено роскошной и разнообразной зеленью, а за четверть версты видно море. Я редко видал такое раздолье жизни; если бы еще несколько удобств да не такая татарщина, чудо как бы хорошо было. Да нам и хорошо бывает в те минуты, когда задние мысли исчезают. Мне вообще лучше, чем Наташе, — как бы то ни было, для меня разлука менее чувствительна и потому, что я менее привык к близким людям, и потому, что знаю, как вместе с ними бывало скверно.

Впрочем, я должен реабилитировать А⟨лексея⟩ А⟨лексеевича⟩. После трех месяцев тяжелой борьбы, в которой он не мог быть и не был хорош, он уступил благородно не столько из убеждения в истине, сколько из любви к людям, и тут я открыл в нем более нежные струны, нежели какие вы могли слышать. Вот уже месяц как мы расстались, а от него ни строчки. Беспокойство Н⟨аташи⟩ растет, и мне самому подчас не только за нее, но самому по себе жутко становится. Глупо это! Все условия счастья, все условия наслаждения жизнью и всякого рода смутные, задние мысли мешают ясности существования.

Теперь мы как-то попали в demi-mesure*, уехали от семейства и не встретились с вами. Но я надеюсь, что ваше здоровье недолго будет задерживать наше свидание. Куда бы хорошо было с вами здесь! Мне часто это приходит в голову, но, разумеется, бесплодно. Как давно мы не были вместе, а несмотря на разницу характеров, мы самые близкие люди. Я это наиболее почувствовал при выезде из столицы. Чёрт знает, как мне тяжело было выезжать, хотя ехал с полным упованием в счастья. Невольно я чувствовал, что с большей частью людей связи, порванные внутренне, разрываются и географически². Это чувство производило во мне тяжелый холод, и теперь я не могу отвязаться от него. Вспомни юность, саго, и ужасно неловко подумать, что с тех пор бесплодность жизни каждого втолкнула в одиночество, из которого косо посматривают друг на друга. Sic transit gloria mundi!**

Читаю я здесь кой-какие газеты. Чёрт знает, как там скверно. Я удивляюсь в специальность более и более. Видя, что здесь неудобно заняться анатомией и патологией, я направил все внимание на химию. Занимаюсь немало и попадаю на методу действительно близко познакомиться с фактами. Я занят теперь квалитативным*** анализом неорганических веществ. Я думаю, ты легко догадаешься из предыдущего, что цель моя — патологическая химия. Пора свести многосложные явления на химико-механические законы. Покажи логическую простоту существующего, и основная дурь в понимании должна разлететься.

Я хотел писать много, но, кажется, пора посылать на почту в соседний город Ялту (его найдешь на карте), да и что-то не так и не то говорится.

Где вы? что вы? все те же ль вы? Здоровы ли вы? Пишите в Одессу на имя Александр⟨а⟩ Федоров⟨ича⟩ Богданова, в театральном доме³.

Addio! Обнимаю вас крепко. До свиданья!

* полумеру (франц.).

** Так проходит слава мира! (лат.).

*** качественным

Я calme* — и таковым пробуду навсегда с истинным моим к вам почтением и таковою же преданностью...

Наташа! Поцелуй за меня Сашу, Тату, Александр(а) и себя.

Grüssen sie und drücken sie die Hände
Den Damen und Herrn,
Von denen wir fern;
Den Herrn und Damen,
Mit denen wir nicht beisammen **.

Нас провожали Тат(ьяна) Ал(ексеевна)⁴ и Астрак(ов)⁵. Я с ним в последнее время много сблизился. Это один из лучших, благо(ро)днейших



КРЫМ. ВИД НА АЮ-ДАГ
Акварель Н. Г. Чернецова, 1837 г.
Эрмитаж, Ленинград

и милейших людей. Его не довольно ценят. Да и в логичности ему господь не отказал. Выпей за его здоровье.

¹ Письмо написано из Крыма, куда Огарев и Тучкова приехали в июне 1849 г., собираясь бежать за границу. Для этого они вначале поехали в Одессу, надеясь сесть там на иностранный корабль. Однако разгром кружка петрашевцев и многочисленные аресты, производившиеся в Петербурге и других городах, заставили их переехать в Крым, чтобы переждать опасное время. Они поселились вблизи Ялты.

² Московские друзья во главе с Т. Н. Грановским осуждали брак Огарева с Тучковой. Это внесло новую горечь в отношения Огарева к друзьям, уже подорванные прежними идейными разногласиями. Т. Н. Грановский, Н. Х. Кетчер, Н. Г. Фролов и другие неприязненно встретили приезд Н. А. Тучковой в Москву: сплетни о браке Огарева и о браке Н. М. Сатина, женившегося в это время на сестре Н. А. — Елене,

* спокоен (франц.).

** Кланяйтесь и пожмите руки
Дамам и господам,
От которых мы далеко,
Господам и дамам,
С которыми мы не вместе (нем.).

разговоры о какой-то «темной истории», непонимание серьезности чувства Огарева, запутанность дел, связанных с огаревским наследством, — все это определило резко враждебную реакцию московского кружка. Огарев тяжело переживал осуждение Грановского (см. его письма 1849 года к Т. Н. Грановскому. — «Звенья», т. I, 1932, стр. 145, 154).

³ Александр Федорович *Богданов* — муж сестры М. С. Щепкина. В 1848—1849 гг. режиссер Одесского театра.

⁴ Татьяна Алексеевна *Астракова* (1814—1892) — вдова друга Огарева, Николая Ивановича Астракова.

⁵ Сергей Иванович *Астраков* (1817—1866) — брат Н. И. Астракова, преподаватель математики; приятель Огарева.

— сентябрь <1849 г.>. Учъ-Чум
— 23 августа

Ваше письмо от 14-го мы получили сегодня¹. Наташа моя больна, т. е. была очень больна, теперь поправляется, но слаба. Болезнь простудная, поправление долгое; третья неделя идет, как она захворала. Скучно или грустно! как хочешь.

Ты прав, Герцен, да! к сожалению, ты очень прав. Я чувствую и понимаю это из моего заходустья. Что ж сказать тебе на это? Можно бы многое, но лучше при свидании; письмо имеет слишком сжатые рамки, а я готов, да так и принялся писать волюм. Покамест хочу сказать тебе две аналогии, которые теперь у меня сделались *idées fixes*. Одна — это химическая. Мне кажется, что всё, <что> ни делалось, похоже на соединение органических веществ. Элементы субституируются*, но всё это те же элементы, и ничего дальше не выйдет. Какое, в самом деле, дело, что если даны хлорная известь и щавельнокислый поташ — будет непременно щавелокислая известь и хлорный поташ? Эта штука только стоит времени, и, раз сделанная, химик не захочет переворачивать всё те же элементы, из которых ничего иного не добьется. Органический мир действует иначе. Его выражение — дрожжи. Это капля, постепенно претворяющая массы. — Другая аналогия чисто историческая. Древний мир, т. е. мир распадающийся, уступил место божественному учению Христа. Этот мир, действительно, представлял переложение тех же тупых, неорганических комбинаций; как вдруг явилась маленькая кучка людей, удаленная от этих комбинаций, проживающая сама по себе где-нибудь в катакомбах, никого не затрагивая. А мир переименился. Вот органическая комбинация посредством ферментации. Мне жаль, что мы не жили в то время. Уже самая возможность жить вне мира сего, с верою в целостное учение, страшно удовлетворительна и завидна. Религиозный пафос — дело утешительное. Теперь едва ли кто способен к такому пафосу. Наука не имеет пафоса, а между тем наука — вот что дрожжи.

Я пристально вчитался в контрадикции**2. Нет ни единой штуки, которая бы возбудила во мне столько мыслей. Я могу сказать, что действительно понял это произведение, которого главное содержание — содержание слишком великое, чтоб быть разом вполне развитым, — это пропорциональность валеров***. Это прямо наводит на естественную классификацию индустрий, которая единственно дает разрешение разделения труда. Не понимаю, как автор не довольно ясно натолкнулся на это. На этих основаниях можно попробовать пожить хотя на южном берегу Крыма или даже в Монтрё, если там не будет уже того зубного лекаря, который сломал тебе челюсть да, чай, еще золотой взял, каналья!

* замещают друг друга (от франц. «substituer»).

** противоречия (от франц. «contradictions»).

*** ценностей (от франц. «valeur»).

А мне ужасно жаль тебя стало, когда я прочел это происшествие в твоём письме. Это из рук вон. Кстати тебе рецепт, рутиной испробованный, против головной боли: ложка о-де-колоня, ложка ammoni liquidi*, 20 капель мятного масла и фунт воды, примочки на голову, лучше в компрессах.

Вследствие разных занятий, Герцен, я не состарился, а поюсел. Во мне нет уныния. Скорбь и презрение — это очень знакомые чувства, но уныния нет. Неужели и эта степень юности пройдет? Чёрт знает! Я как-то уверен, что нет. Мне это как-то слишком ясно, слишком возможно. А если я еще ошибаюсь, то конец исканию. Уеду в какой-нибудь маленький городок прописывать рецепты и брать за визиты по бутылке... St. Rémy moussoux**, которое тебе рекомендую. А какой здесь Lunel sec***, просто чудо! Вот климат так климат! все европейские вина сладкие, выращенные здесь, становятся втрое крепче и sec****, сохраняя букет. В Москве не имеют понятия о крымских винах.

Здесь часто дует невыносимый ветер; отныне, глядя на волнующийся лес и море, я буду повторять: «Вот закургузило так закургузило!»

Я унываю только иногда, когда нейдет работа.

Память у меня плоха, слишком много приходится повторять. Руки не совсем ловки. Но все же я успел много. Зимой надеюсь приготовить себя прямо к патологической химии, т. е. к возможности заниматься ею. Еще месяца четыре неорганической химии, а остальное время до весны пойдет органическая химия. Микроскопа не присылай, я им займусь, когда ты весной его привезешь. А ведь весной ты непременно его привезешь. Я дольше и без него и без тебя жить не могу.

Ты знаешь, что М(арья) Л(ьвовна) подала вексель ко взысканию; что главные деятели тут Панаевы и Некрасов, которым хочется на этот капитал выплачивать ей проценты вместо меня, потому что они находят более выгодным платить по 6% в год с 300 т(ысяч), чем по 12% в месяц за 3 т(ыс.). Сколько это подло, ты можешь понять, и надеюсь, что если будешь где печатать, то опять в «Отеч(ественных) записк(ах)», а не в «Соврем(еннике)», ибо это мне личное оскорбление. Результат тот, что я, может быть, за уплатой долгов (и твой, разумеется, будет выплачен), останусь, может быть, при 200 т(ысячах), да и М(арья) Л(ьвовна) больше половины не получит, если пойдет на сделку, а без сделки съедет на почти ничто. Вот куда довело благородство пресловутой Авдотьи Яковлевны и ее сподвижников³.

Около полуночи

Сейчас перевел Наташу наверх спать. Тебе должно быть известно, что наш домик имеет два этажа и наверху спальня, а внизу салон, где гостей не бывает, и моя лаборатория. Natalie! Если б ты знала, как моя Наташа мила, когда спит, особенно теперь, после болезни, тебе захотелось бы обнять ее крепко. В этом лице столько хорошего, так много жизни, что что Герцен ни говори о невозможности блаженства, но меня оскорбляет, то есть глубоко печалит, что есть весьма естественные aggrè-re-pensées*****, которые должны мутить эту жизнь, глубоко печалит и оскорбляет, что виною этих внутренних, интимных, гуманных (если хочешь) aggrè-re-pensées — все же внешний факт, традиция, нисколько до нас не касающаяся. Как это нелепо! Но с каким бы страданием ни бился мозг в черепе, как каторжник в тюрьме, все же в нем столько жизни, что он не может не найти себе

* жидкого аммония (лат.).

** Сен-Пере, игристого вина (франц.).

*** сухой Люнель (мускатное вино) (франц.).

**** суше (франц.).

***** задние мысли (франц.).

выхода. Это фраза, скажешь ты. Что ж делать? Сказалось вычурно, а дело-то все-таки правда.

Как бы мне хотелось теперь при лунном свете выпить с вами бутылку St. Péray mousseux на нашей террасе, глядя на море при луне. Чёрт знает! Может быть, воротились бы минуты безотчетного «хорошо». Впрочем, к чёрту их! Время такое, что поэтическое настроение должно уступить место $2 \times 2 = 4$. Для иного почти некогда. А так и тянет подчас в ту сферу, где «хорошо»! Я закаялся писать стихи. Чёрт ли в умении звучно сказать, когда требуется одно: сказать ясно. Будет время, когда людям можно будет на свободе наслаждаться впечатлениями... через тысячу лет — говорит моя Наташа... но нам, право, некогда. Закургузило так закургузило! Впрочем, и это, может быть, такие минуты на меня нашли, минуты прозаизма (впрочем, проникнутого жарким сознанием истины), а в другое время я опять буду рад забыть дело для чувства. Едва ли мысль заменяет наслаждения чувства. Система сердцебиений и блуждающих нерв для нас слишком близка, чтоб расстаться с нею, для неизвестных комбинаций нитей больших полушарий. Напомни для утешения Георгу, как я раз, пьяный, развивал ему теорию der schlechten Unendlichkeit* в бесконечном развитии человечества, где все эпохи равно скверны, потому что при бесконечности развития равно удалены от совершенства. Попробуй утешить себя мыслью, что каждая эпоха сама себя довлеет, мне кажется, что всякая эпоха сама за себя страдает, и история есть описание патологического развития человечества. Всего этого я желаю не думать. И есть не минуты, а часы и дни, когда глядится спокойнее, когда задача яснее, и верится, что есть основание правильному развитию, которое пускай идет себе в бесконечность, но это не schlechte Unendlichkeit, а органическое развитие зародыша в конкретный, живой, целый организм. В таком случае, по крайней мере, я желал бы принять историю до сих пор, как жизнь бродящих, неорганических элементов, которые еще не были способны создать органические существа.

Я здесь немного занялся геологией, которая представляет здесь большой интерес, ибо здесь юрасическая почва, чисто прорезанная метаморфическим явлением кристаллизационных гор. Все это в огромных размерах, и вершины гор версты по три над уровнем моря. Делал качественное разложение минералов. Когда будут вески, то примусь за количественное**. Увожу с собой коллекцию минералов и фоссилий***. Перед отъездом отправлюсь в Бахчисарай, где, говорят, фоссилии замечательны. Зиму, вероятно, пробудем у Ал(ексея) Ал(ексеевича), а весной ты к нам подъедешь. В Константинополь я собирался съездить, да обстоятельства заставили раздумать⁴. Не знаю, у кого проситься съездить и хорошо ли в это время плаванье. Кн. П. А. Вяземский поехал туда. Ну! Он дело десятое. Если на будущее лето сюда приеду, то непременно съезжу. Съездим вместе. Прощайте, carissimi, завтра припишу⁵.

¹ Это письмо Герцена и Натальи Александровны неизвестно.

² Огарев пишет об уже упоминавшейся книге Прудона «Système des contradictions économiques, ou la Philosophie de la misère» («Система экономических противоречий, или Философия нищеты») (см. письмо № 22).

³ Отказ Марьи Львовны дать Огареву согласие на развод и ее угрозы отомстить ему вынудили его принять меры к спасению своего состояния. Немалую роль, конечно, играла и боязнь конфискации имущества в случае бегства за границу. 24 июня 1849 г. Огарев заключил договор с Н. М. Сатиным на фиктивную продажу своего пензенского имения. Марья Львовна подала вексель, выданный ей Огаревым в 1846 г., к взысканию, и над Огаревым нависла угроза разорения.

* дурной бесконечности (нем.).

** количественное (франц.).

*** окаменелостей (от франц. «fossile»).

Огарев ошибочно полагал, будто Некрасов, вследствие своей близости с Павловой, был в курсе всей этой истории; в действительности же высказанные Огаревым, а вслед за ним и Герценом обвинения в том, что Некрасов был как-то причастен к махинациям с векселем, совершенно несправедливы.

⁴ Огарев иносказательно сообщает здесь Герцену о своей неудавшейся попытке бежать за границу.

⁵ На следующий день Огарев послал Герцену новое письмо, в котором читаем: «Ты жалуешься, что московские письма унылы. В самом деле есть с чего прийти и в уныние. Стесненное положение Евгения, непроходимая хандра барона, отсутствие всякого дела, ничего впереди, мое рухнувшее состояние — все это не может радовать. Смерть Галахова страшно поразила Фролова. Я сам не могу как-то себе представить, что это правда. Поди себе — мирись с необходимостью! — Спешу кончить, еду на почту. Наташа! Когда будешь писать к моей Наташе, напиши и к Елене Сатиной. Это ее обрадует. Они теперь у А<лексея> А<лексеевича>. Скоро с ними свидимся. Что-то моя Наташа долго не оправляется. Перед отъездом еще напишем. Теперь же пишите через Грановск<ого>».

Прощайте, *carissimi*; обнимаю крепко вас и детей и Георга. Очень бы желал увидеть приятеля Жемч<ужника>. Помни ему о моем существовании и пожми руку. Addio!

Мой долг тебе выплатится, вероятно, в скором времени. Пожалуйста ты о нем не беспокойся, я расплачусь честно и съеду на вино *à 20 sols le litre** («Русские пропилея», т. IV, стр. 99—100).

Стесненное материальное положение Е. Ф. Корша, о котором упоминает Огарев, создалось после ухода его из «Московских ведомостей».

И. П. Галахов умер осенью 1849 г.

Учь-Чум. 12 сентября (1849 г.)

Завтра мы едем повидаться с *Hélène*¹. Пробудем ли мы зиму у Ал<ексея> Ал<ексеевича> или нет — ничего неизвестно². Одно знаю, что так как вы приедете, то срок свиданья, крайний срок — год. Мне жаль Крыма, *carissimi*. Чудный край! Взглянешь — и хорошо становится. Не говорю о людях — все дрянь, даже твой приятель Ветлицкий³, который очень добродушен и *loyal*** — ужасно туп. О народе (*plebs*) говорю еще менее. Грязные и бесчестные татары — и только. Но край удивительно хорош. Если бы здесь мы были вместе — лично все было бы полно. Эх! *caro!* сегодня луна светила на море, воздух был свеж и приятен, деревья пахли. Чёрт знает, как хорошо! Я люблю мою Наташу. Чёрт знает, как хорошо! Жаль мне Крыма!

А вдобавок я занялся геологией и нашел тут такую бездну хорошего и везу столько фоссилей, что тяжело и весело. Я мог отчасти ориентироваться в науке на дешевой почве, и это много. А одна из главных вещей для меня было вот что: *schiste argileux****, отчасти *onychis schiste*****, с виду черный, очень железистый и алюминозный (но вообще *calcaire******), пережженный равняется красной глине, служащей цементом кристаллизованной почве, находящейся сверху. Это *terrain métamorphique******. В лаборатории можно-таки разгадать кое-что, совершившееся в природе. Без шуток — это очень важно. На днях мы были в Бахчисарае (где не видали дворца, что ужасает любителей пакостных древностей) и привезли несметное количество раковин; там *Muschelkalk******.

Может быть, год пройдет до нашего свидания. А как бы мне хотелось видеть вас — это невыразимо. Не то что естественные науки, а более того —

* по 20 су за литр (франц.).

** честен (франц.).

*** глинистый сланец (франц.).

**** ониксовый сланец (лат. и франц.).

***** известковый (франц.).

***** метаморфическая почва (франц.), т. е. возникшая в результате метаморфизма (глубоких изменений горных пород).

***** раковинный известняк (нем.).

инные науки и любовь к вам влечет меня к вам. Как это делается — не знаю, но после нескольких осцилляций*, саго, я всегда знаю, что мы думаем страшно одинаково. Пусть перо скверное, и я говорю все-таки дело. Глупо — по правде — несмотря на мое желание быть с вами, я не раскаюсь провести год чёрт знает где. Более и основательнее найдется что сказать. А между тем дайте вас обнять, чёрт знает как крепко.

Не присылай микроскопа; мне кажется, он нас соединит, да и я теперь его недостойн. Прощайте, carissimi.

Наташа уснула, поздно, она устала и не совсем здорова, разбуду, и она напишет. Addio! Сашку и Колю и Тату и всех вас — вот как целую — что губам больно.

Im ganzen**, я пребыванием в Крыму очень доволен.

12 сентября⁴

Carissimi! Я завтра уезжаю повидаться с Сатиными. Пишите через них.

Пребыванием¹ в Крыму я доволен. Напишу после как и что. Теперь некогда. Addio!

Рукою Н. А. Тучковой-Огаревой:

О(гарев) разбудил меня, чтоб к вам писать, моя Натали. Я ужасно устала, мне хочется только вас крепко обнять и сказать вам, сколько мне необходимо вас видеть. Право, я слишком долго сносила нашу разлуку, пора вам к нам, пора мне домой. Еще раз дайте себя крепко прижать к сердцу. Как приеду куда-нибудь на место, так затынет домой, только с вами; мне это нужно. Целую Сашу, и Ал(ександру) жму руку.

Герцен, помните меня хоть немного, мне хочется по-старому с вами...***

¹ *Hélène* — Елена Алексеевна Сатина.

² Бежать за границу Огареву и Тучковой не удалось, и это сделало бессмысленным дальнейшее пребывание их в Крыму. В сентябре они выехали в Москву, и в октябре были в Акшене.

³ *Твой приятель Ветлицкий* — лицо не установленное.

⁴ Публикуемый ниже текст — приписка на отдельном листе.

Всегда думаю написать вам много, carissimi, и всегда пишу мало. На это тысячи причин. Сегодня особенная — некий Pfilister**** по необходимости отнял весь вечер.

Что ж сказать покороче и поболее? Будущность деловая и всяческая покрыта мраком неизвестности. М(арья) Л(ьвовна) преследует ожесточенно, но не думаю, чтоб ей удалось, а удастся — плохо будет². Сат(ин) теперь помещик в Акш(ене). Я рад, что, несмотря на собственное незнание в этом, — он взял вкус (а pris goût*****) к этому положению³. А(лексей) А(лексеевич) очень хорошо поступает, но все же мне здесь unbehaglich*****. Поспешиты сюда хоть весною. Я более и более чувствую — и по положению, и по движению штудий, и по внутреннему горю, и по жаркой любви к тебе, саго, и к тебе, Наташа, — что я могу вздохнуть и отдохнуть хорошо только с вами. Моя Наташа, что ни пиши вам, а я с нею счастлив, и она со мною тоже, но и дня не проживешь, а большая часть

* колебаний (от франц. «oscillation»).

** В целом (нем.).

*** Текст поврежден.

**** филистер (нем.).

***** пристрастился (франц.).

***** неприятно (нем.).

людей мешает жить⁴. Вот отчего и скорбно, кроме того, что я не предвижу ничего радостного.

Чёрт знает с чего, однако, бывают минуты уверенности, что когда-нибудь с вами я себе выстрою домик, где будет жить хорошо и нам и детям нашим из рода в род.

За сим заключаю оную записку, ибо сказать нечего. Вскоре напишу еще — не что-нибудь особенное, задушевное, а извещу о моих собственных делах.

А вообще Сат<ин> и Hé!ène производят на меня впечатление более *unbehaglich**, чем А<лексей> А<лексеевич>.

Я принялся за математику, продолжаю притом штудии химико-медицинские.

¹ Письмо написано после возвращения из Крыма.

² В своей борьбе с Огаревым Марья Львовна не брезговала никакими средствами, стремясь использовать все известные ей (и Панаевой) факты, способные скомпрометировать Огарева. 6 сентября 1849 г. отец Марьи Львовны — Л. М. Рославлев прислал шефу жандармов, А. Ф. Орлову, донос на Огарева. Донос попал в III Отделение вскоре после ареста петрашевцев, и ему сразу же был дан ход: началось расследование, которое привело к аресту Огарева, А. А. Тучкова и Н. М. Сатина в феврале 1850 г.

³ После женитьбы Н. М. Сатина на Е. А. Тучковой они обосновались в Акшене, перешедшем формально, по договору с Огаревым, в их владение; вскоре Акшено перешло к Сатиным и фактически.

⁴ В письме к Герцену и Наталье Александровне, относящемся к этому же периоду, Н. А. Тучкова писала: «В Крыму было свободнее дышать, здесь всем неловко, но что же делать, надо снести это хладнокровно...» («Русские пропилеи», т. IV, 1917, стр. 103).

⟨Акшено. 1850—51 гг.⟩¹

Наконец и я пишу к вам, моя милая Натали! Давно хотелось, да... некогда! Вдобавок я живу в захолустье. Но мысль моя непрерывно с вами. Между нами ничего не переменилось и не переменится, и если вы из написанных здесь строк поймете, сколько я вас люблю, то посвятите мне горячую и грустную минуту воспоминания. Ведь вы у нас одни, которых мы любим и можем назвать своими. Дела и отношения страшно сложные разлучают нас. Но хотя я конь, прошедший дотла всю манежную школу, но все же уверен, что сброшу этого тяжелого седока, и постепенно готовлюсь к этому *salto***, хотя бы оно было *salto-mortale****. Однако дела и люди страшно надоели. Дела — потому, что они всегда скучны, а люди — потому, что в самолюбивых припадках благородства и рыцарства, они, сами не замечая, хромают на обе эти ноги, уподобляясь детям, воспитанным в Шарантоне. Не виню их, да и жить с ними не могу. Наука была бы огромным утешением и делом, но опять-таки дела и отношения отвлекают. Надеюсь месяца через три поуспокоиться насчет первых и на некоторое время свободно предаться науке. А потом?.. О! За одну минуту с вами где-нибудь на берегу озера² мы бы отдали все остальные годы. Но далека эта минута! Выручить могут только терпение и расчет. Дайте же крепко обнять вас и расцелуйте детей. Микроскоп оставьте у себя. Мне не хочется его ожидать, я хочу, чтоб он меня ждал. Покамест здесь обзаведусь другим и провожусь с ним целую зиму. А теперь лето. Мы бродим по лесам и говорим о вас. Addio! Погодите требовать действительного ответа насчет вашего дела со мною; оно верно, за это я ручаюсь, но при настоящих обстоятельствах ничего нельзя трогать; как скоро можно будет, задержки не

* неприятное (нем.).

** прыжку (итал.).

*** смертельным прыжком (итал.).

увидите. Теперь же невозможно³. Не хочется окончить письмо такой деловой строчкой, потому на прощанье скажу вам, что жизнь моя должна кончиться с теми, с кем началась. Этой отрады я из рук не выпущу. Покамест мы одиноки и крадем хорошие минуты у жизни, да и хорошие-то минуты проникнуты скорбью. Я много состарился; скажу, к сожалению: мы много состарились. Но когда я подумаю, как вы должны были состариться, то невольно такой мороз охватывает все существо мое, что, кажется, ступить нельзя дальше. Невольно спрашивается: куда? и зачем? и только одна мысль: к вам! жива, как и прежде, уцелела от общего разгрома.

Addio!

Рукою Н. А. Тучковой-Огаревой:

Хотелось много вам писать, моя Натали, но здесь еще менее возможности, чем в Яхонт(ове). Хотя Еленина Тата⁴ ужасно милый ребенок, но все же от таких маленьких существ невольно делается скучно; притом Елена с ними нянчается страшным образом, а мы урывкой сходим в лес, поговорим о вас, так живо все вспоминается, когда мы вдвоем, так захочется с вами побыть! А на все это один ответ... «едва ли»? Теперь вы получили мои письма, вы поняли мое безгласное положение, мое рабство, прикрытое свободой, вы поняли, как я стремилась к вам и как все было тщетно; нет, вы не могли думать, что мое благоразумие меня остановило; вся моя жизнь противоречит этим предположениям. Что дети? Право, я их ужасно люблю, готова делить с ними время, только так жертвовать собой, как Елена, я не в состоянии, все же хочется учиться, читать, пожить для себя.

Прощайте, друзья, обнимаю от всей души всех вас, а вас еще крепче, моя Натали, ну смотрите же любите меня хоть немножко; при свиданьи я вам объясню, что мне испортило так жизнь в этой стране.

На обороте: Марье Каспаровне.

¹ Письмо написано, в Акшине, после освобождения из-под ареста и возвращения из Петербурга. Ему предшествовало, повидимому, письмо Огарева, опубликованное в «Русских пропилеях», которое мы помещаем здесь для связи:

«Давно я не писал к вам. Не моя вина, был слишком занят. Скорее хотелось бы поговорить с вами, чем писать. С тех пор как я писал вам в последний раз, я много состарился, ибо много испытал, все испытал, так что, кажется, прибавить нечего — и ненависть врагов и клевету друзей*. Первое прошло почти без следа; для внешней обстановки жизни было скорее полезно, чем вредно, но на сердце ран не оставило. Последняя же много заставила переменить взгляд на людей и привела к давно предчувствуемому заключению, что с кем моя жизнь началась рука в руку, с тем должна и кончаться. Ко многим я в это время возымел большее уважение, ко многим оно утрачено. Ну! да что об этом. Сколько бы ни накопело горечи, все же переживешь, и все же не замрет ни мысль, ни чувство. Даже, может быть, зрелость и лучше, только это дорого стоит.— Дела мои приковывают меня года на два к сим местам, но, кажется, будут в блестящем положении. Но интересу к ним питаю мало. Наука меня поглощает. Хотелось бы иметь микроскоп. Прощайте, крепко жму вам руки. Право, не много что-то пишется» («Русские пропилеи», т. IV, 1917, стр. 113).

² Герцен жил в это время в Женеве!

³ Огарев пишет, повидимому, о тальской бумажной фабрике, которая должна была, по его твердому убеждению, дать ему полное материальное благосостояние. Покупка тальской фабрики, как известно, состоялась на деньги, полученные Огаревым займы от Герцена.

⁴ Тата — дочь Н. М. и Е. А. Сатиных, Наталия; родилась 24 февраля 1850 г.